

ЕЛЕНА ДУЛОВА

А.П.БОРОДИН

OZON.RU

ОТ АВТОРА

В жизни мой герой — человек чрезвычайно добрый, деликатный и уступчивый. Но отношения между героем и автором таинственны, они складываются нередко «вопреки». Вопреки натуре героя, вопреки намерениям автора, даже вопреки здравому смыслу. И Александр Порфирьевич Бородин как литературный герой оказал в данном случае невероятное упорство. Он поступил весьма решительно и в некотором смысле даже жестоко. Он буквально лишил автора дара речи и сам повел рассказ, в который время от времени вплетаются голоса его родных, монологи друзей, учеников, современников. На долю автора досталось не так уж много: хроника событий, отрывки из писем и документов да не слишком пространственные рассуждения, помогающие разобраться в ходе событий. «Любезный читатель» — так во времена не столь давние обращался автор к тому, кто раскрывал его книгу; обращался как к другу и понимающему собеседнику, предлагая вместе пережить историю, изложенную в раскрытой книге.

Итак, любезный читатель, отправимся в прекраснейший город на земле, в Петербург. «Полнощных стран краса и диво...» Начало 30-х годов XIX столетия. Северная столица еще недавно бурно росла и строилась, и в самом центре то и дело попадались обширные пустыри и заборы. Но уже близится к окончательному завершению классически ясный, «строгий, стройный вид» города. Население его поражает пестротой лиц и числом: почти четыреста пятьдесят тысяч! Не могу сказать, сколько младенцев мужеского полу родилось в Петербурге в 1833 году и многие ли получили при крещении имя Александр. Но о

двух знаю точно. 6 июля у титулярного советника Александра Сергеевича Пушкина и жены его Наталии Николаевны родился старший сын, названный в честь отца Александром. Другой младенец, получивший такое же имя, появился на свет 31 октября. В какой семье? Вот тут мы обратимся к официальной бумаге, к подлинному документу.

«Метрическая выпись об Александре Бородине. Пантелеймоновская церковь в С.-Петербурге, 1833 года октября, тридцать первого числа, отставного поручика Луки Стефанова Гедианова у дворового человека Порфирия Ионова Бородина и законной жены его Татьяны Григорьевой родился сын Александр».

БОРОДИН

Отца своего я видел редко, и он имел на меня очень мало влияния. Мать всю жизнь называл «тетушкой». На то были свои причины. Всякий человек — более или менее эгоист и охотно говорит о себе. Я человек, следовательно, не лишен этой слабости. Поэтому начинаю с себя. Дело в том, что в моей метрической выписи справедливо лишь утверждение, что я родился 31 октября 1833 года и что зовут меня Александр. Здесь же еще надо обратить внимание на имя Луки Степановича Гедианова. Потому что не кто иной, как Лука Степанович Гедианов, князь из древнего рода Имеретинских, и есть мой настоящий отец. Мать — Авдотья Константиновна Антонова, солдатская дочь, родом из Нарвы. Себя я помню в очень раннем возрасте, мальчиком болезненным, хрупким и тихим. Вокруг множество разнообразных женских лиц. Все наперебой нянчат меня и пекутся о моей особе, но это не вызывает во мне

характерного мальчишечьего протеста. Со временем из этих лиц выделяется и прочно остается возле меня одно: бонна Луизхен. Столько, сколько помню себя, помню рядом живую и резвую подругу Мари. Это моя кузина, мой маленький тиран и мой лучший друг. С первого детского лепета Мари называет Авдотью Константиновну, главное лицо в нашем доме, «тетушка». Вслед за ней и я называю ее «тетушкой». Каким-то самому мне непонятным чутьем я догадываюсь, что так надо, что нельзя иначе. Догадываюсь и ни о чем не спрашиваю. Но знаю совершенно твердо, что это моя родная мать. «Тетушка» дает мне самые нежные прозвища, ласкает и балует меня. Игрой и фантазиями наполнена первая пора моего детства. В гостиной, на потолке, нехитрой рукой домашнего мастера намалеваны веселые небеса. Пухлые озорные купидоны барахтаются в круто завитых облаках. Машут голубиными крылышками, лукаво улыбаются и, кажется, поддразнивают: «Не желаешь ли с нами покувыркаться? Полетели!» А ну как и впрямь получится? Взбираюсь на печку, тянусь изо всех сил, стараюсь дотронуться до голубых небес, до облаков, до купидонов и воспаряю в мечтаниях. Здесь, на печке, в самой глубине, — особый «мечтательный» уголок. Заберешься туда — и...

— Саша, куда Вы подевались? Отчего Вы молчите? Да скажите скорее, что там?

Я вздрагиваю от горячего шепота Мари и, тоже шепотом, отвечаю:

— У меня дворец высокий, до неба, такой большой-пребольшой, конца не видно.

Моя подружка призадумалась, помедлила и отвечает уже громко:

— А у меня дворец до неба и еще с эту комнату. Слезайте скорее ко мне в гости!

Я послушно спрыгиваю с печки, беру за руку двоюродную сестрицу и отправляюсь играть с нею. Мари что-то щебечет, деловито распорядившись и своим кукольным хозяйством, и милым кузенком. Незаметно я вытягиваюсь в эту возню с куклами и начинаю говорить: «Я пришла», «Я взяла». И вдруг, поймав себя на «девчоночьем», страшно возмущаюсь. Раз-раз-раз — и все куклы перевешаны за шею на веревочке. Куклы висят, я хохочу, Мари заливается слезами. На шум прибегают «тетушка» и бонна Луизхен. Нас разводят по разным комнатам. Бонна Луизхен слегка журит меня (разумеется, по-немецки). Я и сам не понимаю, что за странный бес озорства вдохновляет иногда меня на такие «подвиги». Впрочем, во всем этом нет ни малейшей злости, и потому никто на меня всерьез не сердится... Должен сказать, что любовь «тетушки» ко мне всегда была безгранична, но вовсе не безрассудна. Она всячески поощряет мою любознательность, которая пробуждается рано и поистине не знает границ.

ОТ АВТОРА

Теперь, любезный читатель, я позволю себе сказать несколько слов о настоящих родителях нашего героя. Лука Степанович Гедианов увидел Авдотью Константиновну на танцевальном вечере в доме брата ее, небольшого петербургского чиновника. И бывает же такое! — увидел, обмер и... полюбил. Дивно хороша эта солдатская дочь из Нарвы. Хороша и молода. Князь же Гедеонов имеет от роду без малого шестьдесят лет. В Москве в значительном отдалении от Луки Степановича

существует семья — законная супруга, взрослая дочь, внуки. Он любил и дочь и внуков, временами тосковал, желал свидеться. Но вот с законной супругой отношения складывались... Да что там, вовсе не сложились. Каждый жил по-своему. И вот теперь тут, в Петербурге... Ах, как дивно хороша!.. Надеялся ли на что князь? А это нам неизвестно. Только сердце его дрожало и трепетало, как никогда прежде. Авдотья Константиновна была не только хороша, но еще и умна, и добра, и сердечна. Может, и ни на что не надеялся Лука Степанович, а его полюбили. Да, полюбили. И так прожили они в мире и согласии более десяти лет, до самой кончины князя. Прожили невенчанными, супругами. Оттого их сын Александр узаконен именем дворового человека Порфирия Нонова Бородина, оттого, по метрическому свидетельству, он — крепостной собственного отца. И вот, думаете вы, готовая семейная драма? Отнюдь. Конечно, изо всего этого вышли нелегкие житейские обстоятельства. Разрешились они, однако, вполне благополучно. Ибо главные действующие лица отличаются добротой и на редкость счастливыми характерами.

Незадолго до своей кончины князь Гедианов даст «вольную» крепостному мальчику Александру Бородину.

АВДОТЯ КОНСТАНТИНОВНА

«Маленькие детки — маленькие бедки, а вырастут велики — будут большие». Уж не знаю, как там будет, когда вырастет, только сейчас на дитяtko мое не нарадуюсь. Сызмальства не ребенок, а чистое золото. Сабою красавец, тихий, ласковый, кроткий. Вот только до всякого учения слишком усерден. Кумушки мои домашние по углам судачат: «На что ему эти науки-премудрости?

Совсем дитя уморят. Затеяливые ребята — недолговечны». Слушать того не желаю! Что ж, что мал еще? Сам к фортепьянам подбегает — не оттащишь, сам буквы складывает и про каждую малость все доподлинно знать хочет. Дитя через силу ничего делать не станет. А тогда и незачем кудахтать да волноваться зря.

ОТ АВТОРА

Теперь перелистаем петербургскую газету «Северная пчела» за ноябрь 1836 года. Что происходит в жизни, вокруг нашего героя, пока он подрастает в благостной и любовной атмосфере семейного уюта? Вовсю разворачивается железный век, век машин и чудесной техники. Из номера в номер газета толкует о невиданных вещах, именуемых железной дорогой, электромагнитным телеграфом, висячими чугунными мостами. И, наконец, в субботу, 14 ноября 1836 года, в разделе «Внутренние известия» появляется долгожданное сообщение:

«Нетерпеливое желание здешней публики видеть по крайней мере первый паровоз в ходу по Царскосельской железной дороге выразалось так громогласно, что Правление Компании устройства сей дороги решилось пустить в ход первый паровоз в пятницу, 6-го сего ноября. При умеренной температуре в один градус и при благоприятной погоде собралось на дороге значительное число любопытных. Так как в нынешнем случае можно было ездить по железной дороге без платы, то пять экипажей в скором времени наполнились пассажирами; в некоторых было до пятидесяти человек, кто сидел, кто стоял. Паровоз был пущен в ход. Не можем изобразить, как величественно сей грозный исполин, дыша пламенем,

дымом и кипячими брызгами, двинулся вперед! Стоявшие по сторонам дороги зрители изумились, видя величественное, ровное, мерное и притом скорое движение машины... Первая поездка сделана была от станции при Царском Селе до конца дороги в Павловском парке, на протяжении четырех верст... Таким образом, 6-го ноября 1836 года первый в России паровоз начал свои действия на железной дороге...»

Первые поезда (их пока называют «сухопутные пароходы») производят ошеломляющее впечатление. Пройдет немного времени, и чрезвычайно любимый публикой Михаил Глинка сочинит настоящий гимн «сухопутному пароходу». Один из восторженных современников воскликнет: «Музыка удивительно верна! Вы слышите шум и движение от идущей машины, на вашем лице мелькает улыбка от искусного подражания композитора. Пароход летит, а между тем вы слышите меланхолические звуки мечтающего поэта...» Но куда еще не написана «Попутная». «Северная пчела» и «Санкт-Петербургские ведомости» извещают об открытии после перестройки Большого театра. И мы взглянем теперь на афишу.

«На Большом театре сегодня, в пятницу 27-го ноября, российскими придворными актерами представлено будет в первый раз «Жизнь за царя» — оригинальная большая опера в трех действиях с эпилогом, хорами и танцами; музыка М. И. Глинки...»

Места давно проданы. На спектакле «весь Петербург», в императорской ложе государь с семьей. Словно магнит притягивает к себе кресло в одиннадцатом ряду, с краю у прохода. Пушкин на

спектакле! В антрактах многие устремляются к нему, воздавая похвалы Глинке, родной русской музыке.

13 декабря 1836 года цвет литературного и музыкального Петербурга чествует Михаила Ивановича Глинку. Тосты за успех национальной оперы. Первый тост произносит Владимир Федорович Одоевский. На музыку Одоевского спет в честь Глинки канон. Последнее четверостишие сочиняет Пушкин:

Слушая сию новинку, Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещет, но уж Глинку Затоптать не может в
грязь...

Страстью государя Николая Павловича были парады, смотры, военные учения. По временам город напоминал огромную казарму. В этой казарме должен царить образцовый порядок. Во всем, начиная от шинельных крючков до полкового оркестра. Один из таких оркестров частенько играет на пыльном Семеновском плацу.

БОРОДИН

Мне идет восьмой год. На дворе весна. Окна еще не расклеены. Но даже сквозь двойные законопаченные рамы доносятся бравые марши, от которых сладко замирает и холодеет в восторге сердце. Оторвавшись от окна, я лечу в столовую. Смиренно подхожу к бонне, умоляюще заглядываю в глаза:

— Фрейлейн Луиза, мы сегодня пойдем на плац?

Конечно, согласие получено. Надо только надеть картуз и теплые уличные башмаки. Готово. Какое счастье впереди! На Семеновском плацу играет военная музыка. Стоя на почтительном расстоянии и почти ослепнув от

медного великолепия оркестра, я тону в его стройном гrome.

Наши прогулки вдоль плаца часты. Фрейлейн с обожанием разглядывает мундиры и усы, а я постепенно начинаю различать в могучем духовом хоре разные голоса. Крохотные дудочки щебечут, словно птицы; громадные золотые жерла извергают рычание; узкогорлые трубы поют серебряным голосом. Выходит роскошный, бравый тамбурмажор. Взмах, другой, третий — и все сливается в общем стройном звучании.

Музыканты скоро заприметили меня; осмелев, я уже нырял под канат, огораживающий площадку. Смелость и постоянство однажды щедро вознаграждаются. Во время перерыва, поощряемый музыкантами, я трогаю, разглядываю, держу в руках каждый инструмент. И спрашиваю, спрашиваю, спрашиваю... Отвечают мне весело и охотно, я запоминаю названия, пытаюсь дунуть в отверстие маленькой флейты. Увы! Вместо пения раздается слабое шипение. Солдатик, играющий на флейте, ласково утешает меня, и я проникаюсь нежностью и к нему, и к маленькой флейте. А дома... дома я сразу бегу к фортепьяно, вновь и вновь пытаюсь изобразить то отдельные голоса, то стройное звучание военной музыки. Поглядев на мои восторги, «тетушка» решает пригласить учителя. В восемь лет я уже недурно играю на флейте. Учит меня тот самый солдатик Семеновского полка, беря скромную плату — по полтиннику за урок. Продолжается и мое увлечение фортепьяно. Я хорошо читаю ноты, но не слишком люблю это занятие. Гораздо интереснее повторять то, что слышишь. И тут по временам просыпается дремлющий во мне «бес озорства». Известные пьесы я

«украшаю» по-своему, присочиняя к ним «рожки и хвостики» весьма юмористического свойства.

АВДОТЯ КОНСТАНТИНОВНА

Совсем уж подрос мальчик мой драгоценный. Надобно и о серьезном учении подумать. Да как быть?

Знать не желаю этих казенных заведений. Дети точно солдаты — кругом грубости да шалости. Нет, пусть уж учителя домой ходят.

Сколько он теперь премудростей постигает, да как легко и весело! На иностранных языках говорит преотлично, по разным предметам тоже хорошо успевает. Радость ты моя, Сашенька, истинно благословение Бо-жие... Еще пригласила танцмейстера. Приходит эдакий старичок со скрипкой. Скрипочка пиликает, а Сашура вместе с Мари кружат по зале. Целый час учатся! Я сижу тихонько в уголку да на них люблюсь. Саше и больше бы попрыгать не грех. А то ведь совсем зачитался. Уж и романы читает, да все с какими-то дивными приключениями. Нынче они с Мари без конца разыгрывают роман с предлинным названием: «Прекрасная Астраханка, или Хижина на берегу Оки».

БОРОДИН

Теперь наше самое главное увлечение — домашний театр. Мое воображение воспламенилось: похищения, погони, роковые встречи и прочие немислимые приключения. Здорово! Домашние изображают публику. Кресла занимают «согласно указанным в билетцах номерам». Словом, настоящий театр.

Ура! Масленичное гулянье! Едва ли не в каждом балагане есть «волшебник», «маг» или «чародей», все они представляют «чудеса белой магии». Не может быть на свете столько волшебников сразу! А собственно, что такое волшебство? Всякая обыденность таинственна. Отчего горит свеча? Как ее готовят? Отчего мыло мыльное? Только и успевай думать: отчего? отчего? отчего?.. На то книжки есть, чтобы искать ответы. «Тетушка» всем говорит: «Сашура обожает фокусы». Ах, ну при чем тут фокусы! Я делаю опыты.

ОТ АВТОРА

«Не поленитесь, любезные читатели, прочесть эту скучную страницу, прежде чем вы начнете производить самые опыты. Если вы хотите, чтобы ваши опыты удавались, то примите следующие необходимые предосторожности: после каждого опыта мыть пробирные стаканчики и в возможно скором времени. При этом пользуются палочкой, к концу которой привязан большой клочок ваты. Ступку и реактивную трубку должно вымыть и обтереть. Здесь мы раз и навсегда заметим, что удачи опытов можно ожидать только при строгом соблюдении чистоты сосудов и приборов...»

А мы, кроме того, еще заметим, что Бородин, во всех иных случаях не слишком склонный к «строгим соблюдениям», свято выполнял закон «чистоты сосудов и приборов» с самых своих первых опытов. Он с жадностью читал все журналы для просвещения юношества, он узнавал жизнь и обычаи далеких стран и народов, читал о чудесах земли, неба и воды, изучал «Краткое понятие о химии» Владимира Федоровича Одоевского. Наконец*

Александр овладел секретом «тысячи маленьких чудес для домашнего круга». В теплой комнате он окутывал ветки инеем, заставлял воду кипеть от холода, демонстрировал несгораемые нитки. Старые устричные раковины превращались в его руках в таинственные драгоценности: они начинали светиться радужным цветом. Дальше — больше. «Добывание подземного огня» — и в саду извергается крошечный Везувий. «Превращение металла» — и вот медные монетки получают серебристый вид. «Магический ландшафт» — удивительное зрелище, когда на бумаге то проявляются, то исчезают краски, изображая смену времен года. Впереди — заманчивые «опыты цветных огней».

БОРОДИН

На именины Мари у меня был задуман грандиозный спектакль с фокусами и фейерверком. Конечно, фейерверки продаются на Выборгской стороне. Мне уже хорошо знакома там «Лаборатория», с Воскресенского моста — прямо. Но покупные огни не идут ни в какое сравнение с тем, что можно приготовить дома. Так. Главный и любимый фейерверочный огонь, конечно, красный. Беру сорок частей азотнокислого стронция, серного порошка тринадцать частей, еще сурьма, угольный порошок. Ни в коем случае не толочь пестиком, смешать руками. Так. Зажигать на железном листе или кирпиче. Посмотрим дальше. Ух, сколько смесей! «Зеленый огонь», «малиновый», «синий», «белый», «желтый». Вот это будет роскошь! Только одними химическими веществами тут не обойтись. Пойду просить у «тетушки» лавандного масла, драгоценной амбры и обыкновенной муки.

Все получил с самым добродушным воркованьем.

МАРИ ГОТОВЦЕВА

Я думаю, что Александр — самый удивительный из всех мальчишек на свете. Во-первых, он очень добрый и никогда меня не дразнит. Во-вторых, ужасно умный и нисколько этим не кичится. А уж веселиться так, как он, думаю, редко кто умеет. Теперь, я вижу, идут какие-то таинственные приготовления к моим именинам. Я — вся любопытство, хоть и делаю вид, что ничего не замечаю... И вот этот день наступил. Саша ужасно волнуется. После вечернего чая он требует всех в сад. Как только гости выходят, раздается его громкая команда:

— Огненное торжество в честь Прекрасной Астраханки, именинницы Мари Готовцевой!.. Пли!

Как полководец в сражении, он взмахнул рукой, мальчишки-ассистенты кинулись поджигать веревочные жгутики. Что тут началось! Треск, вой, в воздух взвились картонные трубки, рассыпались искры белого огня... А в это время наш чародей колдует над большой жаровней с углями. Его движения быстры, он кидает щепотку то одного, то другого порошка, и разноцветные огни пробегают по краю жаровни. Как же уследить за всем сразу? Я, право, в растерянности. Какое великолепие! Саша, милый Саша...

БОРОДИН

Я волнуюсь. Румянец жжет щеки. Только бы ничего не перепутали мои ассистенты, только бы не вышло конфуза! Как блестят глаза у Мари, как хорошо она радуется.

Теперь зажжем цветные смеси в плошках. Вот так! Весь сад полыхает. Все кругом сверкает, трещит, шипит. Пока фейерверк догорает, я сочиняю себе восточный костюм. Поверх праздничной курточки накинут плащ со звездами, на голове — тюрбан. Полузакрыв глаза и пританцовывая, пою в такт что-то восточное. Мне приносят две алые розы. В маленьком фарфоровом тигле уже зажжена нужная смесь. Как должен говорить восточный принц? Прикладывая руку попеременно ко лбу и к сердцу? Да.

— Мадемуазель Мари, я желал бы подарить Вам белую розу, коей подобна Ваша красота. Но, увы...

Теперь я держу алые розы над курящимся тиглем.

— Увы, в моем саду растут лишь эти.

Пока я говорю, мои розы все больше и больше бледнеют. Зрители поражены. Мари от изумления даже рот приоткрыла. Цветы уже совсем белые! Лепет Мари:

— Ах, Александр...

В душе моей прыгают ликующие чертики, но я со всем возможным изяществом проделываю несколько восточных па и с низкими поклонами передаю именинице белоснежную розу. Это еще не все! Спектакль продолжается. Вторая бледная роза летит в фаянсовый таз с водой. Что там подсыпано в воду, зрителям знать не положено. Бормочу заклинания, машу растопыренной пятерней, а самого так и подмывает расхохотаться. Спокойнее. Гости замерли в ожидании. Еще мгновение... Я извлекаю из воды цветок. Роза снова ярко-алая и будто только что срезана с куста. Под крики «браво» этот прекрасный розан я вручаю «тетушке».

АВДОТЯ КОНСТАНТИНОВНА

Господи, чего не вытерпишь ради науки. Химия Са-шурина расселилась по всему дому. Началось-то с каморки для опытов, а теперь, куда ни глянь, везде что-нибудь булькает, шипит да пыхтит, а то и польхнет вдруг. Страсть как боюсь пожара! А уж запахи такие иногда по дому плавают, хоть святых вон выноси. Одно слово — наука есть жертва бесконечная. Да. А жаловаться мне грех. Другой бы настоящим недорослем сделался. Уж очень его балую. Ан нет. Входит в отроческий возраст — совсем серьезный, на двенадцатом году — совсем «как большой». И положиться на него всегда можно. Одна есть слабость, в одном ребенок: никогда перед сладостями не устоит. Сколько лежит в ящике, все понемножку перетаскает. Да и пусть, было бы на здоровье только. Уж больно много умственной работы себе задает. Хорошо хоть музыку да танцы не забывает.

ОТ АВТОРА

Попробуем, однако, представить себе, хоть в малой степени, какова же музыкальная атмосфера Петербурга во времена детства и отрочества нашего героя. Процветает итальянская оперная труппа. Русская опера существует гораздо скромнее; по сути, ее настоящая жизнь вся еще впереди. Отрада и утеха — волшебный петербургский балет. В доме расточительного богача Василия Васильевича Энгельгардта, на Невском проспекте у Казанского моста, роскошная зала. Здесь, в зале, вмещающей до трех тысяч человек, устраиваются публичные маскарады, балы, музыкальные вечера. Здесь звучит серьезная немецкая музыка, известная всей

Европе. «Реквием» Моцарта, оратории Гайдна, симфонии Бетховена. На Михайловской площади построен торжественный белоколонный зал Дворянского собрания. Здесь будут выступать чуть ли не все знаменитости второй половины столетия. Здесь явится публике множество новинок отечественной музыки. Кроме того, в течение Великого Поста всегда происходят духовные концерты в Певческой капелле у Певческого моста, на Мойке. Не забудем и о Павловском вокзале. В Павловске построен нарядный павильон, где играет то «хор духовой музыки», то оркестр под управлением Гунгля. Гуляет, чтобы себя показать и на людей посмотреть, чинная публика, а между тем музыка оказывает свое благородное влияние на сию публику. Некоторые приезжают и вовсе только из-за музыки. Играют и Мендельсона, и модные пьесы Иоганна Штрауса (отца), и особенно любимый публикой «Вальс-фантазию» Глинки, и много, много еще другого, что ласкает слух истинного любителя.

Надлежит сказать и о домашнем музицировании, ведь это неперемнная принадлежность повседневного бытия. В каждом хоть сколько-нибудь имущем семействе на чем-нибудь играют, а уж поют непременно. Музыка живет повсюду, от самых скромных комнаток до великосветских гостиных и салонов. Здесь собираются по определенным дням. Славятся «понедельники» такого-то, «вторники» такого-то, «среды»... и так до конца недели. По понедельникам у князя Владимира Федоровича Одоевского собирается цвет литературного, художественного, музыкального круга. Это самые замечательные и громкие имена XIX столетия. А каков хозяин? Энциклопедическая ученость сочетается с редкой сердечной добротой, прямота души и примерная

честность — с самой огненной фантазией. Прекрасное владение древними и новыми языками, знание родного русского — во всех тонкостях. Его ученый кабинет напоминает пещеру алхимика, головокружительные проекты и мечтания осуществляются им одним и более, кажется, никому не доступны. Превосходный литератор, автор фантастических повестей. Умнейший педагог, предлагающий свою систему нравственного воспитания. Наконец, незаурядный музыкант, страстный поклонник Себастьяна Баха (надо заметить, в то время порядком позабытого). Изобретатель и создатель невиданных музыкальных инструментов, одному из которых дает в честь Баха имя «Себастианон». В молодости — друг Михаила Глинки, а на склоне своих лет — заботливый опекун нового таланта, Петра Чайковского. Много добрых зерен посеял на ниве отечественного музыкального просвещения Владимир Федорович Одоевский, скольким талантам оказал помощь! Талантами Россия никогда не оскудевала. Однако настоящего, хорошо поставленного музыкального образования пока нет. Считается, что серьезно можно выучиться только за границей.

Окинув беглым взором общую картину, обратимся вновь к Александру Бородину. В доме все идет заведенным порядком — науки, музыка, танцы, дружба с кузиной Мари. Авдотья Константиновна чувствует, как порой не хватает Саше товарища в играх, науках и интересах. Однажды близкий к дому человек просит приютить сына его друзей. «Тетушка» несказанно рада такому случаю. Отец Миши Щиглева — так зовут мальчика — преподает математику в Александровском лицее. Семья живет в Царском Селе, а Мишу хотят отдать в петербургскую гимназию. На время подготовительных

занятий он должен поселиться в доме Авдотьи Константиновны.

МИША ЦИГЛЕВ

Первая встреча с Александром происходит в Царском Селе. Взрослые пьют чай в гостиной. Отец, зная нашу обоюдную склонность к музыке, предлагает:

— Поиграйте-ка в четыре руки, так лучше познакомитесь.

Нас отправляют в залу, но мы не спешим к фортепьяно. Стоя у окна, с любопытством разглядываем друг друга. Этот тоненький, хрупкий Сашка с его бархатными глазами и девчоночьим румянцем страшно раздражает меня. Я хоть и моложе годом, но в свои двенадцать лет коренаст, крепок, привычен к дракам. Сейчас я этому маменькиному сыночку покажу! Подойдя вплотную, изо всех сил толкаю плечом. Саша не падает. Балансирует, как ловкий танцор, тут же дает мне тумака и в следующее мгновение мы катаемся по полу, отчаянно вцепившись друг другу в волосы. На этом сугубо «мальчишечий» элемент наших отношений исчерпан. Очень скоро знакомство переходит в дружбу. Я поселяюсь в доме Авдотьи Константиновны, учусь вместе с Сашей по всем предметам. Но главная наша страсть — музыка. Что такое тетрадка с нотами? Для непосвященного — беспорядочная толпа черных точек и закорючек, прыгающая по линейкам. Для посвященного в этом беспорядке кипят живые чувства и царит стройная система. Мы имеем счастье быть «посвященными». Мы имеем счастье проникать в тайны музыки. И в первый же год совместного музицирования что только не играно в

четыре руки! Бетховен, Гайдн, Моцарт, Мендельсон — все, что сумели достать.

Когда Александру пошел четырнадцатый год, он сочинил и записал свое первое большое произведение. Концерт для флейты с фортепьяно. Мы исполнили его в домашнем кругу и вызвали бурю восторгов.

Я уже учусь в гимназии, но все отпускные дни провожу у Авдотьи Константиновны. Мы с Сашей мечтаем об оркестре. Эту мечту трудно осуществить. Так ведь есть еще квартеты, квинтеты, трио! И мы храбро взялись осваивать новые инструменты. Я выбрал скрипку, мой друг — виолончель. Круг наших новых знакомых как-то сам собой составляется также из людей, приверженных музыке.

АВДОТЬЯ КОНСТАНТИНОВНА

Как же нам дальше-то быть? До сих пор жили хорошо, спокойно, Сашура учился дома. А нынче уж о другом думать пора. В возраст вошел, шестнадцать полных лет. Университет? Ох, боязно. Тамошняя молодежь, говорят, склонна к нарушению порядков, отличается грубостью нравов. А где еще естественные науки изучать? Люди знающие советуют подумать об академии Медико-хирургической. К будущей осени-то Саше как раз семнадцать сравняется, тогда и к экзаменам допустят. Да... не в годах у нас препятствие. Сословие его для такого учения не годится. Не возьмут никуда «вольнотпущенного дворового человека». Ну да об чем горевать? Хлопоты надобно затевать, да поскорее. Хлопот много, а уж выход один — купеческое звание откупить.

Справка из Тверской Казенной Палаты.

«Отделением Тверской Казенной Палаты 3 ноября 1849 года записан в Новоторжское 3-й гильдии купечество вольноотпущенный поручика князя Луки Степановича Гедианова дворовый человек Александр Порфириев Бородин. Записка эта состоялась вследствие просьбы Бородина и представленных при оной отпускного акта и метрического свидетельства, по которым означенный Александр Порфириев Бородин значится родившимся 31 октября 1833 года от дворового человека князя Гедианова Порфирия Ионов Бородина и законной жены его Татьяны Григорьевой».

ОТ АВТОРА

Как вы поняли, наш герой теперь числится купцом третьей гильдии и, принадлежа к купеческому сословию, имеет право на поступление в Императорскую Медико-хирургическую академию. (Экзамены на аттестат зрелости при Первой гимназии Бородин выдержал отлично весной 1850 года.) Из собственного дома на Глазовской улице Авдотья Константиновна со всеми чадами и домочадцами перебирается в наемную квартиру на Выборгской стороне. Столь решительные действия предприняты единственно для того, чтобы Александр не тратил даром время и силы на долгую дорогу, а жил бы в домашнем уюте поблизости от академии. Прежде чем посвятить несколько страниц «домашней хронике» ближайших лет, взглянем на общую картину жизни того же времени.

1848–1849 годы. Начавшись во Франции, революции гремят по всей Европе. Император Николай I готов забыть распри и разногласия, воссоединиться и с

друзьями, и с недругами во имя сохранения порядка и самодержавия. Тем временем в Петербурге раскрыт «заговор идей». Казалось бы, весьма невинное занятие: молодежь собирается, чтобы спорить и пользоваться прекрасной библиотекой хозяина. Хозяин — недавний выпускник университета Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский, переводчик в министерстве иностранных дел. Однако «пятницы» Петрашевского — вовсе не такие невинные сборища. До чего договорились! «Император Николай — зверь, изверг, мерзкий человек. Самый воздух России отравлен рабством и деспотизмом. Но деспотизм пусть погибнет навек».

Призрак ненавистных царю декабристов чудится в новых вольнодумцах. Приговор им самый жестокий — смертная казнь. И на том самом Семеновском плацу, где по временам так прекрасно играет духовая музыка, должно совершиться ужасное.

В последнюю минуту объявлена «высочайшая милость». Всем — долгая каторга. Среди петрашевцев — каторжанин Федор Достоевский, молодой литератор, еще недавно блистательно дебютировавший повестью «Бедные люди».

Император Николай Павлович полагает свое государство «образцовым». Начертанная его рукой на карте красная линия, прямая как стрела, оборачивается столь же прямой линией железной дороги Петербург — Москва. Что надобно сокрушить для такого строительства, сколько жизней положить, о том государю знать не следует. Не следует также знать о взяточничестве, казнокрадстве и парадном пустозвонстве, которые царят повсюду. Как грозная военная империя вступает Россия в 1853 году в

Крымскую кампанию. На деле все обстоит иначе. Началась цепь тяжелейших испытаний и поражений. Являть лучшие стороны природы в самых тяжелых обстоятельствах — свойство удивительное и в высшей степени присущее народу российскому во все времена — сказалось и в годы Крымской войны. Тут были герои, прославившие свои имена на века, были и тысячи безвестных терпеливцев. На поле боя отправился не раздумывая большой ученый, человек, спасавший от гибели, от ран, от боли, тот, кого современники назовут «великим», — хирург Николай Иванович Пирогов. Он впервые прооперировал тяжелораненого под наркозом, прямо на месте сражения. Он обратился к молодым медикам, призывая облегчить страдания солдат. Среди отозвавшихся — выпускник Московского университета Иван Сеченов, в недалеком будущем гордость русской науки.

В Крыму, в действующей армии, двадцатилетний офицер Лев Толстой. Он — на четвертом бастионе, в самом пекле обороны. Между боями рождаются «Севастопольские рассказы». Читающая публика потрясена: с неведомой прежде глубиной и правдой открываются ей поведение, психология, быт человека на войне.

После многих потерь весной 1856 года Россия вернулась к мирной жизни. Государством правит новый император Александр II.

БОРОДИН

Отдавать себя всего, без остатка, тому делу, которым ты занят сейчас, сию минуту. Оказывается, это счастливое свойство моей природы. Прежде я и не замечал

этого свойства, и не ценил вовсе. Впрочем, оценили и заметили профессора Академии, надобно их поблагодарить. Сам я, пожалуй, так бы и остался в неведении относительно таких удивительных и важных черт моей персоны. Нет, что ни говори, приятно все знать досконально. Вот, например, профессор анатомии уж так хвалит, так хвалит, ставит в пример другим, даже старшим. А велика ли тут моя заслуга? Просто мне интересно работать в препаровочной. Тоже и ботанизирование, и вообще все естественные науки — вещь чрезвычайно увлекательная.

Чем дальше, тем больше убеждаюсь, что не врачебная деятельность мое призвание. Побеждает страсть к моей давней возлюбленной — химии. Никак не наберусь храбрости, чтобы напроситься в лабораторию. Студентов туда не очень-то допускают, да медикусы и сами не слишком рвутся. Очень уж серьезный профессор на химической кафедре. Николай Николаевич Зинин, право, ни на кого не похож! Строг безмерно и тут же весел, прощает все, кроме лени и отсутствия любознательности. Ну ведь не совсем же я Митрофанушка, чего боюсь? Пусть Николай Николаевич мои знания испытает. Решено!

МИША ЦИГЛЕВ

Как славно, что в своей Академии Александр не заделался ученым сухарем и педантом. Легок на подъем, готов всюду успеть. И на музыкальный вечер с танцами, и шарады сочинять, и сердца пленять. Вон как тщательно одевается, не спешит.

— Ну что ты охорашиваешься, словно красна девица. Саша, мы опоздаем безбожно!

Но ведь и правда малый хоть куда — стройный, высокий, глазищи темные, брови вразлет. И мундир студенческий ему очень идет. Ишь, петлицы серебряные, кант красный.

— Александр, скорее!

— Нет, ты погляди, чем не мушкетер?

Он смеется, нахлобучивает треуголку и прицепляет обязательную шпагу. Ох, франт, франт...

— Ты бы, мушкетер, брюки-то в сапоги заправил. Ведь новехонькие, а на улице грязи по колено.

Сказано — сделано. Брюки — в голенища, шинель застегнута. По улице чуть ли не бежим — действительно, опаздываем немилосердно. Наконец добрались. Гости почти все в сборе. Скидываем в передней шинели, вступаем в ярко освещенную залу. Нас представляют хозяйке. Она с любопытством взглядывает на моего ме-дикуса и чуть заметно улыбается. Легкий ропот, как бы сдержанный вздох пронесся по зале. И тут я вижу... Смех душит меня, все «салонные» приличия забыты. Задыхаясь от смеха, кричу:

— Саша, а штаны-то, штаны!

Всеобщий хохот. Александр, веселясь больше всех, выскакивает в переднюю. Сапоги вычищены, брюки выпущены. «Дикий казак» вернулся в залу благовоспитанным молодым человеком. К концу вечера все девицы и дамы очарованы им. А как же иначе? Говорит учтиво и весело, танцует безукоризненно, музицирует с блеском. И сам веселится от души.

Отдается с одинаковым удовольствием и шутке, и танцам, и приятной музыке.

ОТ АВТОРА

Представьте себе непроглядную осеннюю темень. Грязь, слякоть, фонари едва мерцают. Однако наши друзья спешат сквозь эту темень по петербургским улицам, идут «на слух» и «на ощупь». Можно, конечно, взять извозчика. Но эдакая роскошь не всегда доступна, чаще ветер гуляет в карманах студенческих шинелей. Так что пешком, с Выборгской стороны в Коломну. Снег ли, дождь ли — все равно. Под мышкой у Щиглева — скрипка, за спиной Бородина — виолончель в байковом мешке. Знакомая молодежь объединилась в замечательный музыкальный кружок. Там и поют, и квинтеты, и квартеты, и большие ансамбли играют. От Бородина требуют новых сочинений. Словом, рискованные путешествия по ночному городу вознаграждаются с лихвой. Музицируют без устали. Однажды такое музыкальное собрание продолжается ровно двадцать четыре часа. От семи часов вечера одного дня до семи вечера другого. Вещь, кажется, невероятная. Но все они молоды и все влюблены в музыку.

БОРОДИН

И все-таки Николай Николаевич поверил в меня. Не зря допустил в лабораторию. Что с того, что там колченогие столы, пустые шкафы и щербатые чашки? Была бы голова на плечах, желание да умные. Часть необходимого изготавливаем сами, часть добываем всеми правдами и неправдами. Скольких же трудов стоила

Николаю Николаевичу такая простая вещь — добиться для нас практических занятий! Зато уж как дорвешься до работы, век бы из этого грязного подвала не вылезал. И кое-что весьма любопытное уже получается. Не устаю поражаться. Профессор Зинин — имя, громадный ученый. И беспредельная доброта, и умение помочь всякому, кто в нем нуждается. В лаборатории малейшей ошибки не спустит. А едем за город собирать гербарий, так веселится и радуется больше нас всех.

Сегодня для меня счастливый, счастливый день. Николай Николаевич публично заявил после лекции, что смотрит на меня как на своего преемника по кафедре. Начал как будто шуткой, с упреков, что слишком часто хожу в оперу. А потом вдруг:

— Господин Бородин, поменьше занимайтесь романсами. На вас я возлагаю надежды, чтобы приготовить заместителя своего, а вы все думаете о музыке, о двух зайцах!

О, нет, нет, не прав мой дорогой профессор. Одна у меня мечта — служение науке. Я... простите-извините... ученый?! Мечта. Журавль в небе.

ОТ АВТОРА

Надо сказать, что выпускник медицинского отделения Императорской Медико-хирургической академии не зря считал служение науке — химии — мечтой. Еще до официального окончания курса он уже знал о своей будущей службе. Профессор общей патологии Николай Федорович Здекауер испросил в ассистенты лекаря Бородина, «принимая во внимание его особенную любовь к наукам при отличных дарованиях».

Конференция Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии просьбу поддержала.

Весна 1856 года. Отлично сданы экзамены. Военное министерство отдает распоряжение: прикомандировать Александра Бородина ординатором ко Второму военно-сухопутному госпиталю. Первая серьезная перемена в жизни. Наступило время самостоятельного врачевания, время быстрых решений и ответственности за них. Прежде всего — перед самим собой. Друзья детства тоже на пороге перемен. Миша Щиглев окончательно избирает музыкальное поприще. Милая кузина Мари Готовцева теперь уже невеста, скоро будет ее свадьба. Знаменуя вступление в новый жизненный круг, словно прощаясь с юностью, Александр и Мари отправляются к лучшему петербургскому фотографу. Каждый получает на память «двойной портрет». Бородин сохранит его на долгие десятилетия. А жизнь Мари оборвется трагически рано, ей не суждено впереди и года.

...Выписка из протокола заседания Конференции Санкт-Петербургской Императорской Медико-хирургической академии от 19 сентября 1859 года.

«Кончивший курс медицинских наук в 1856 году лекарем с отличием Александр Бородин был оставлен на службе при 2-м Военно-сухопутном госпитале с прикомандированием к кафедре общей терапии, патологии и клинической диагностики, в 1858 году выдержал экзамен на степень доктора медицины и как оказавший особенную склонность к занятиям естественными науками, особенно химиею, оставлен в качестве ассистента при кафедре химии для

практических занятий со студентами 2-го курса и с молодыми врачами... Конференция Академии, убедаясь как преподаваниями, так и учеными работами д-ра Бородина в несомненных дарованиях его, единогласно постановила просить ходатайства г. президента Академии об отправлении его за границу на два года с производством ему сверх получаемых довольствий по службе 2-го Военно-Сухопутного госпиталя по 1000 руб. серебром из сумм, определенных для путешествия за границу молодых врачей, оставляемых для усовершенствования при госпитале Академии».

АВДОТЯ КОНСТАНТИНОВНА

Вот уж когда мне горе да радость пополам будут. Ах, Сашенька, Сашенька. Я ли не радовалась твоей учености, я ли не старалась обо всем, до этого касающегося. Да не перестаралась ли? Для простой-то жизни что толку, что он шибко учен: ведь по сию пору за ним доглядывать надо. В науках своих — профессор, а дома — дитя малое. Ел ли, пил ли, случается, ничего не помнит. Не позовешь да не подашь — и голодом себя уморит, сам не заметит как. А за костюмом кто следить станет? Ведь уж лекарем служил, вовсе не давно дело было, летом: отправился он в клинику. А я в окошко гляжу, как он пойдет, — всегда я его на путь перекрестить должна. Он и не обернется, и не заметит, а у меня душа покойна. Вижу: вышел из подъезда — в мундире, при шпаге, в фуражке, честь честью. Только совершенно без брюк, голубчик мой, в одних кальсонах. Я обмерла и осторожно так зову: «Сашура, вернись милый, поручение тебе забыла...» Вернулся, а я ему навстречу с брюками-то. Он глянул на себя — да как примется хохотать. Вот ведь, профессор-то мой ученый...

И за границей по рассеянности его всякий конфуз случиться может. А уж барыни-то за ним ухаживают, просто как мухи на мед летят. Ну хорошо, он теперь домашнюю ласку видит, а как одинокий да неухоженный станет жить — тут и попадетсЯ какая-нибудь... А он, красавчик, ведь не Иосиф Прекрасный, чтобы от женской-то ласки бегать. Ох, не знаю, как оно теперь все устроится?

БОРОДИН

Чего жаждет всякий русский человек, намаявшись в дороге? Перво-наперво — отправиться в баню и отпарить бренное тело, а вместе с тем и воспарить душою. Но не тут-то было. В порядочном немецком городке Гейдельберге нравы строгие. Бани тут нет. Зато есть удивительное заведение, именуемое ванною. Встречает вас весьма любезная хозяйка и сообщает, что у нее есть все: действительно, у нее есть все. И ванны, и ноты, и туалетные принадлежности, и музыкальные инструменты. Возьму на прокат фортепьяно или фисгармонику, это здесь дешево. А покамест стану искать квартиру и определюсь в учение. Экий умница Менделеев, как он тут отлично устроился. У него уж и лаборатория своя, и чистенько, и даже газ проведен. Однако что-то в голове моей не то звон, не то пустозвон стоит. И точно, для первого дня многовато: со всем русским пансионом перезнакомился, бифштексов и пудингов переел, увертюру Глинки отгремел, лабораторию менделеевскую повидал, в заморской ванне отмок и вполне уж готов броситься в объятия Морфея.

ОТ АВТОРА

Несколько дней наш герой без устали бегают по городу в поисках квартиры. Размышляет, в какой лаборатории работать. Конечно, есть общественная лаборатория Гейдельбергского университета. Но здесь много времени уходит даром: надо ждать своей очереди, чтобы пользоваться печами, приборами, посудой. К тому же время ограничено — только до пяти часов, а по субботам и воскресеньям занятий вовсе не бывает. Когда же тут работать? И Бородин выбирает лабораторию доктора Эрленмейера, приват-доцента при университете. Конечно, надо платить двойную цену. Да разве постойшь за ценой, если речь идет об удобстве и независимости? Вскоре найдена и квартира, буквально в двух шагах от лаборатории.

БОРОДИН

У меня теперь свое совершенно отдельное помещение. И работать можно сколько угодно, в любое время суток. Теперь жизнь моя сосредоточится в лаборатории. Вот что есть счастье: работать много, со вкусом и наслаждаться полной независимостью.

Не-ет, Европа — это вам, господа, не что-нибудь! Ну вот, прогуливаюсь я нынче после дождика без калош и вспоминаю, как «тетушка» хлопотала, чтобы всенепременно снабдить меня этим предметом первой российской необходимости. Да о каких калошах может идти речь, ежели каждую субботу здесь моют с мылом не только тротуар, но и мостовую возле своего дома! Да, очень миленький и очень чистенький этот городок, Гей-дельберг. Только отчего тоска одолевает? Прелесть

что за дома: эти окошечки, занавесочки, горшочки, цветочки... И сплошь обвиты плющом. Дороги прекрасны, трактиры богаты, крестьяне основательны и аккуратны. Восхищаюсь. Восхитился раз, восхитился два, ну, десять раз восхитился! — а потом такая тоска схватила, хоть волком вой, хоть посуду бей, хоть бегом беги в Россию. И побежал... к Дмитрию Ивановичу Менделееву. Кинулся, чтобы поскорее увидеть всех наших, посланных «для усовершенствования». Ну вот она, родимая бестолковщина. Кто ест, кто пьет, кто табак курит, кто шумит; то все говорят разом, и ничего разобрать невозможно, кроме того, что «пора, господа, за народ и справедливость»... Вот и замечательно. Свои. За этим шумом-то много вещей пресерьезных. И наговоримся, и душа заночует, как начнет кто-нибудь вслух читать Гончарова или обсуждать положение науки нашей. И тащат меня к фортепьяно, и я нажариваю вальсы, польки да попури.

Короче всех я сошелся с Менделеевым и Иваном Сеченовым. Прежде всего на почве «химикальной», разумеется. Отличные господа. Все меж нами просто, дельно и дружественно.

ОТ АВТОРА

Жизнь молодых русских в Гейдельберге течет на редкость смирно и однообразно. Целыми днями — работа, работа. А они только посмеиваются довольно: «Наука требует жертв!» Главный авторитет, конечно, Менделеев. Неважно, что он еще очень молод. Все дружно признают: талантище, готовый химик. И вся эта ученая братия с особенной благодарностью относится к Бородину. Вот уж кто не даст заскучать от «музыкальной

голодухи»! Играет все, что ни попросят. Играет, ни секунды не задумываясь, без нот.

СЕЧЕНОВ

Какое счастье, что у Бородина на квартире есть пианино! Да и вообще уютно у него. Даже с претензией «на роскошь». Драпировки, потолок изящно расписан, ковер во весь пол, зеркала, статуэтки. Ого, а это что — специально для медикуса? Как говорится, «не в бровь, а в глаз»! Верчу в руках статуэтку Эскулапа.

— Признайся, дружище Бородин, ведь ты нанял эту квартиру, не устояв перед столь символическим украшением?

И он, со своей добродушной улыбкой, отвечает эдак лукаво:

— Нет, Иван Михайлович, Эскулапом меня не купишь. Я прельстился садом с соловьями. Один поет днем, другой — вечером, третий — ночь напролет. Обожди, скоро заведет трели.

Ну что, думаю я, соловьи. Их я уж в Сокольниках, московским студентом, вдоволь наслушался. И ворчу:

— Трели, трели... Ежели бы он мне Розину спел или еще что...

А глаза у Бородина озорные.

— Брось, брат ты мой, соловью эдакие коленца ни к чему. Ему серебром сыпать положено. А вот я тебя готов попотчевать. Все что хочешь. «Севильский цирюльник»? Заказывай?

Он садится за инструмент, у меня сладко замирает в груди.

— Начинай с увертюры, Александр Порфирьич.

Слушаю я его с восторгом и в полном забвении окружающего. Маг! Чародей! И, уходя, думаю, ведь это уже отдает не одним только развлечением. Похоже, наш друг в серьезном увлечении музыкой, а?

БОРОДИН

Милая, милая душенька «тетушка», ну с чего она взяла, что я тут весь в трепете сердечном и готов жениться на какой-то мадемуазель? Не иначе, кто-то ей наврал на меня. Будьте спокойны. Мой единственный грех в том, что я тут окончательно прослыл за музыканта. Играл партию флейты, виолончель в квартетах, осмеливаюсь даже и в обществе садиться за фортепьяно. Но велик ли грех, ежели до этого по двенадцати часов колдуешь над своими опытами и выходишь из лаборатории на божий свет и чистый воздух, провоняв всеми мыслимыми «ароматами»? А кругом дамы и даже русских порядочно, и даже хорошенькие — весьма! Ведь у нас нынче курортный сезон. Это для ученых господ Гейдельберг так уж один только университет. А для прочих тут ванны, модный курорт. А красота-то какая! Вишни в цвету, фиалки кругом. Погода такая, что нет никаких сил дома усидеть. А работать с завтрашнего дня все равно нельзя — каникулы.

Каникулы, каникулы. Хожу с визитами, бываю в одном немецком доме, весьма музыкальном, езжу с

образовательными целями по окрестностям. Изучаю наглядно здешнюю систему правосудия.

Каникулы, каникулы. Ездил смотреть, как играют на рулетке. Мошенничества в этом нет никакого. Но и системы также быть не может. Наши любезные соотечественники продуваются в пух и прах благодаря русской удали и горячности. Ежели глядеть со стороны, все это напоминает тяжкий бред, будто ты попал в дом умалишенных.

Майский воздух и голубые небеса! «Всякое дыханье славит Господа...» Восславим и мы, получив от портного новую летнюю пару. Вот теперь разгуляться можно. Позвольте, а не сегодня ли званый вечер? Сегодня, сегодня, любезный Александр Порфирьевич. Так наденем ее, эту пару. Ну до чего же хорош, голубчик! Элегантно. Даже галстук белый! Вот так-то. Нечего все замухрышкой ходить. Ну-ка, ну-ка, вспомним, что я сегодня обещал... аккомпанировать? Играть на флейте? Составить квинтет? Участвовать в живых картинах? Да батюшки мои, хоть бы и все разом, ни от чего отречься не стану. Гуляем...

Лето кончается. Впечатления житейские не хороши. Уж не захандрить ли?

Эх ты, судьба милостивая! Послала радость, да еще какую! Сегодня приехал Николай Николаевич, профессор мой дорогой, отче мой замечательный. Я нисколько не страшусь Вашего строгого вопроса. Совесть моя чиста, как пробирный стаканчик перед началом опыта. Не отрекаюсь — увлечений много, но страсть — одна. Наша Возлюбленная Химия. Да, я говорю это со всею ответственностью.

ОТ АВТОРА

С приездом Зинина для молодых ученых наступили поистине восхитительные дни. Рассказывали о своих работах, выслушивали отечественные новости и спорили, спорили, увлекаясь, совершенно забывая «разницу положений».

Порешили отправиться в путешествие по горам. Только так можно во всей полноте прочувствовать красоту Альп. Зинин, Менделеев и Бородин странствуют.

БОРОДИН

Когда я гляжу на милейшего Николая Николаевича, как он с легкостью лазает по здешним горам, то мне вспоминаются наши давние ботанические прогулки. Вот так-то и дома у нас, в России, он восхищается каждым растеньицем и тут же — пожалуйста! — выдает полную классификацию, и аттестацию, и все его поэтические свойства. Мудрено ли, что я опять увлекся ботанизированием? А между тем нельзя терять драгоценное время. Надо идти и карабкаться и с оторопью взирать на открывшиеся красоты. Ум человеческий не способен, кажется, объять эти громады. Дух не успеваешь перевести. Только что громоздились дикие скалы, а тут же тебе и холмы в цвету. Мрачное ущелье, а на дне бриллиантами сверкает поток. Вот пропасть разверзается, а под ногами качается фантастический висячий мост.

ОТ АВТОРА

Однажды к вечеру наши ученые странники пришли во Фрейбург. Здешний собор славится своим органом. Конечно, отправились послушать. В соборе почти нет людей. Таинственная полутьма. Мерцают лампы. Светятся органные трубы. Тишина разлита в самом воздухе, от каменных плит под ногами до высоких сводов. В такой тишине особенно явственно слышен каждый шелест. Орган задышал и горестно вздохнул, предвосхищая первые звуки музыки.

МЕНДЕЛЕЕВ

Воображал ли я до сегодняшнего дня, что музыка способна так волновать душу? Что за один франк получаешь такое наслаждение, о котором будешь помнить всегда? В этой романтической полутьме совершается великое таинство. Грянули голоса небесной грозы, вскипел горный поток, и океанские волны заходили под стрельчатыми сводами. Буря звуков! И только один голос пробивается как нежный росток. Буря мечется. Налетает могучая волна, голос исчезает, снова является со своей тихой печалью. Кроткое упорство, перед которым смирился страстный поток звуков. И вот голос поет ясно, чисто. Вторит пастушья свирель, над миром царит покой. Тишина. Я очнулся, чувствуя такую душевную размягченность, какая бывает в детстве после легких слез. В эту минуту каждый из нас троих оставался наедине с собой.

ОТ АВТОРА

Сентябрь 1860 года отмечен весьма значительным для научного мира событием. С 3 по 6 сентября в немецком городе Карлсруэ проходит Международный конгресс химиков. Предстоит разрешить очень важные теоретические проблемы, уяснить и, по возможности, устранить принципиальные несогласия разных направлений и школ. Сознвая всю важность вопросов, здесь собираются ученые со всего мира. Россию представляют семь человек. Среди них — трое наших знакомых. «Светило» — Николай Николаевич Зинин и «подающие надежды» — Менделеев и Бородин. Зинин делает на Конгрессе блестящие доклады, молодежь обращает на себя внимание прекрасным знанием предмета.

Состояние Бородина в дни Конгресса самое восторженное. Он общается с мировыми знаменитостями; знакомится со своими ровесниками из разных стран, и они горячо обсуждают научные споры «великих»; спорят сами, делятся открытиями и просто вместе веселятся, радуясь жизни. Прекрасные, незабываемые дни. И опять — Гейдельберг, лаборатория, работа... Поездки в Италию, в Париж. По Италии бродили вместе с Менделеевым как заправские художники — в блузах, без всякого багажа. Целые дни бегали по музеям и достопамятным местам, ели в дешевых тавернах, распевали песни за компанию с веселыми местными жителями. Вечерами — театр. От серьезной оперы до народных балаганчиков. Особенно полюбили народные театрики: вот где живость, беспредельный комизм на сцене и восхитительная веселость в публике! Несколько месяцев в Париже Бородин посвятил знакомству с

различными химическими новшествами. Слушал лекции, ставил опыты, разрабатывал свои оригинальные исследования. Несомненно, Академия сделала верный выбор, отправив доктора Бородина, ассистента при кафедре химии, за границу «для усовершенствования в науках».

Выписка из протокола Конференции Санкт-Петербургской Императорской Медико-хирургической академии от 11 марта 1861 года.

«...Конференция, принимая во внимание ученые труды г. Бородина по части органической химии и вполне соглашаясь с мнением его о необходимости дальнейшего его пребывания за границею, для усовершенствования в практической части избранной им специальности, определила просить г. президента об оставлении г. Бородина до августа месяца 1862 года с тем же содержанием...»

БОРОДИН

Мне тут одно время что-то совсем захандрилось. На мою беду, кружок наш сильно поубавился. Главное для меня огорчение — отъезд Менделеева и Сеченова. Счастливы, они уже в России. Как-то она их встретила, матушка наша... А здесь все то же и все так же. Русской молодежи видимо-невидимо, есть люди дельные, особенно по зоологии. Сегодня зашел было, по старой привычке, на квартиру Менделеева. И там все так же. До того забылся, что сел в кресло и стал ждать... вот сейчас войдет, и я услышу знакомое «рататам, чим-чим-чим» или мотив «Леоноры». Но услышал я только голос хозяйки, которая о чем-то вопрошала меня... Лазаю по утрам на Молькенкур. Ем простоквашу, потом ложусь

брюхом вниз и читаю. По субботам составляются литературные вечера. И опять жаль, что нет Менделеева! — основывается здесь химическое общество.

Сегодня по дороге домой я был захвачен знакомыми из русской колонии.

— Знаете, какое нынче событие? — в возбуждении спросил меня молодой человек, с которым мы играем в квартетах. — Приехала замечательная музыкантша, барышня из Москвы.

— Да почем же вы знаете, что она замечательная? Ведь вы ее не видели и не слышали, — отвечал я.

— А это уж известно. Чтобы ехать сюда лечиться, она принуждена была дать концерт в Москве. И отзывы самые восторженные. Великолепная музыкантша, несомненно. Пойдемте с нами, мы хотим ее просить...

— Что вам за охота пугать барышню? Совестно же, ей-богу, надо сначала познакомиться.

— Вот и отлично, и познакомимся сразу!

Меня увлекли, и целой делегацией мы ввалились в Русский пансион, где остановилась Екатерина Сергеевна Протопопова. Хозяин не хотел пустить нас, объясняя, что молодая особа едва опомнилась с дороги, что она слаба и утомлена. Но мы полны были решимости взять крепость: умоляли барышню спуститься и сыграть хоть несколько пьес. Она тем временем уже входила в гостиную и приветствовала нас легким наклоном головы. С улыбкой выслушала горячие просьбы, живо ответила на восторги... Я как-то оказался в стороне от прочих, у самого рояля. И пока шла вся эта суета, успел достаточно разглядеть приезжую. Стройна, скромна и

приветлива. Прическа гладкая, побрякушек никаких. Лицо... В лице есть какая-то тайная грусть. Черты милые, мягкие. И хорошие, добрые глаза. Она кажется спокойной, ровной. Но это ровность, воспитанная в себе. Тут есть скрытая нервность, может быть, излишняя впечатлительность. Она была уже совсем рядом и на мой поклон ответила почему-то очень уж скупо. Екатерина Сергеевна села за фортепьяно. Я видел, как легли на клавиатуру ее красивые ручки с длинными сильными пальцами. Боже мой, как еще похорошело, как осветилось ее милое лицо! С первых звуков фантазии Шопена я понял, что слышу высокоартистическую игру. Ее душа так искренне, так серьезно и горячо исповедалась в звуках! Когда я опомнился, пианистка уже была в окружении новых своих поклонников. Между тем я видел, что она беспредельно утомлена и возбуждена. На побледневшем лице проступили пятна лихорадочного румянца. Я хотел было, на правах врача, вмешаться. Но тут Екатерина Сергеевна проговорила с этой милой своей улыбкой:

— Простите, господа, сегодня я уже решительно ни на что больше не способна. В другой раз. Да хоть завтра, право. А теперь — простите. Благодарю вас всех.

Общий поклон, и она исчезла.

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА

Что же это такое, в самом деле?! Зачем только я сюда заехала, в этот чужой городишко. Погода отвратительная, сыро, дождик. Лучше мокнуть дома. Там все свое, привычное, там и болеть не так страшно. Какие глупости говорят, будто лечиться надо за границей. От одного их порядка зачахнешь. Жалкие, жалобные мысли.

Уж и слезы на глаза навернулись. И тут вдруг слышу внизу шум, голоса, слышу свое имя. Спускаюсь. И что же? Целая депутация «наших», милых, дорогих... горячие головы русские. Играть им — одно счастье. Спасительница ты моя, радость моя необъяснимая, музыка...

Вправду говорят, что мир тесен. Фотографическую карточку господина Бородин я видела еще в Москве, у одной его страстной поклонницы. И так она рассыпала похвалы ему, так восторгалась, что я уж заранее невлюбила этого ловеласа. И вот он здесь! Какое он на меня произвел впечатление? Красив он действительно и даже еще лучше, чем на карточке. Несомненно и то, что умен очень.

Пожалуй, слишком умен, чтобы быть «дамским угодником». Нет, нет, тут другое — живость, искренность, остроумие. А музыку как слушает! Ведь у него лицо сделалось совсем растерянное, он забыл тогда и обо мне, что это я именно играю, и обо всех на свете, кажется, забыл. Так что же за человек такой? Ну что гадать попусту. Поживем — тогда и увидим.

БОРОДИН

Странная штука! Вот уже неделю живу в каком-то восторженном состоянии. Никогда еще я так прекрасно не работал, никогда не слушал столько восхитительной музыки и никогда не спал так мало. Сажу в лаборатории от пяти утра до пяти вечера и совершенно не испытываю никакого нетерпения или желания поскорее все кончить. Напротив, дело идет разумно и складно. Едва переодевшись, бегу в Русский пансион слушать игру Катерины Сергеевны. Что ни день, то у меня новые

открытия в области музыкальной. Пожалуй, понемногу отстаю от поклонения Мендельсону. Совсем не знал Шумана. А у Шопена, оказывается, не одни только «кружавчики». Целые трагедии есть. И такая временами тоска сердечная звучит. Да, поучила меня уму-разуму «московская барышня». Только до чего же мило это у нее получается и как славно она горячится, ежели глупый «химикус» ворчит, спорит, нахваливает Мендельсона!

Теперь тороплюсь. Нельзя отнимать время от нашей прогулки. Даст бог, она тут окрепнет. Бедняжка, трудно ей приходится. И то подумать, как осталась без отца, все на нее свалилось. Мать беспомощна, какие-то приживалки в доме, братец, кажется, совсем болен. И средств никаких.

Вот она, уже дожидается меня в садике перед пансионом. Зонтик в нетерпении открывает и закрывает, открывает, закрывает. Но ведь не упрекнула за опоздание. Мы тотчас двинулись в путь. Как обычно, говорим обо всем на свете. И, как обычно, разговор неизбежно перекинулся на музыку.

— Знаете, Катерина Сергеевна, ведь Вы с Вашим Шуманом спать мне не даете. Слушаешь, слушаешь, а потом все снова в голове проигрываешь. Вот и сон бежит!

Она взглянула быстро и отвечала:

— А я очень рада, что обращаю Вас в свою веру, Александр Порфирьич. Пожалуй, так и загоржусь скоро.

— Матушка, да ведь загордились-то Вы эдак, что дальше некуда. Притом, заметьте, сразу! Ну скажите, когда Вы мне дадите наконец свою ручку? Ведь Вы вот

даже по горам решили карабкаться самостоятельно: только бы ко мне, мерзкому, не прикасаться.

И тут она ужасно весело рассмеялась, и совершенно в одно время мы протянули руки и уже вместе смеялись, а потом бежали вниз по тропе. Это чувство какого-то детского, домашнего родства, от которого я счастлив безмерно. Я знаю, что и у нее теперь прошло какое-то непонятное ко мне недоверие, что и ей радостна эта новая родственная простота.

Лето. Лаборатории закрыты. И у нас настоящий «музыкальный угар». Ездили в Баден-Баден слушать прекрасный оркестр. Побывали и в Мангейме, чтобы хорошенько узнать оперы Вагнера. Наши музыкальные собрания в Русском пансионе процветают. Нет, видно, это судьба, чтобы мне непременно быть именно здесь, в Гейдельберге, и именно в тот самый день и час, как приехала Катерина Сергеевна. Ежели бы я был поэтом, то высказался бы в таком роде, что ее присутствие — для меня воистину источник в пустыне для жаждущего. Ведь ей единственной за три года моей жизни здесь я решился сказать о своем сочинительстве. И какая это была отрада! Она вернула меня теперь к сочинениям заброшенным, и наконец-то можно без оглядки предаваться своим музыкальным фантазиям. А она, кажется, гораздо больше волнуется о моих романсах да о новом трио, чем о моих научных отчетах Академии.

...Милая Катюша перепугала меня не на шутку. Вдруг повадились они с компаньонкой в Баден-Баден на рулетку. Да с какой страстью она стала играть и проигрывать! Что делать? Думал, думал... Придумал! Явился к ней и разыграл целый спектакль.

— Катерина Сергеевна, голубонька, мне просить неловко, но у Вас легче, чем у других.

— Не совестно ли так начинать, Александр? Сразу бы и говорили дело.

— Так вот какое дело, Катюша. Мне Академия жалование задерживает. Теперь придется занимать денег надолго. А я ведь знаю, что у Вас все вперед рассчитано. Так нельзя ли временно от Вас спасение получить?

И испрашиваю почти всю имеющуюся у нее сумму.

— Господи, да конечно, немедленно! Я только рада безумно, что Вы ко мне именно пришли. И живите теперь спокойно.

Ну вот я и живу спокойно. В Баден-Баден ей не с чем ездить, так что рулетка сама позабудется, а Катюша радуется моему «спасению». Замечательное дело!

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА

Говорят, что Александр очень многое обещает в науке, что у него есть открытия и его ставят в ряд с какими-то солидными немцами. В этом я разбираюсь плохо. И дай-то ему бог всякой удачи... только как же музыка? Вот тут за его талант могу ручаться. Впрочем, что я такое говорю? Один ли талант важен? Ведь их много, любителей, очень даже талантливых; общество отлично развлекают, играют все подряд, сами грешат «сочинительством» в изящном роде. Нет, Александр — совсем другое. Такой огромный дар, такая искренность... временами даже страшно становится. Мы когда играем вдвоем, так уж и не разговаривать потом можно. Он все может высказать одной только музыкой. Это мне

слишком понятно. Никогда словам того не доверишь, что есть в звуках.

И все-таки мне нужно было от него это слово. И оно произнесено. 22 августа 1861 года — вот «наш день». Отныне и навсегда?..

ОТ АВТОРА

Если бы мы с вами, любезный читатель, могли присутствовать при этом объяснении, то лишний раз убедились бы в чрезвычайной искренности и горячности нашего героя. Скорее всего, это произошло после долгой прогулки по горам, когда усталые путники присели на огромный валун перед городскими воротами. Вероятно, разговор не клеился именно потому, что каждый ожидал решительного мгновения. Каждый про себя уже давно знал, что они любят друг друга. Наконец Бородин одолел волнение и высказал свои чувства. Прозвучал счастливый ответ. Он вскочил, кинулся к ней, поднял высоко на руки, закружил и... сломал хрупкий кружевной зонтик. Виноватое и испуганное выражение его лица рассмешило Екатерину Сергеевну. За ней расхохотался и Бородин. Чинные немецкие фрау с неодобрением глядели из своих окон на молодых русских: взявшись за руки, они с громким смехом вбежали через городские ворота на тихие вечерние улицы Гейдельберга... И совершенно, казалось, неожиданно грянула беда. На дворе уже был октябрь. Наступили холода, а с ними резко ухудшилось здоровье Екатерины Сергеевны. Она сильно кашляла, исхудала, не однажды шла горлом кровь. В панике Бородин и вся «русская колония» ждали приговора знаменитого медика. Приговор гласил: немедленно на юг, в Италию, в Пизу. Предстояла

разлука. Но в конце концов судьба обошлась с любящими милостиво. Бородин получил приглашение итальянских коллег и смог работать над своими опытами в их лаборатории. Екатерина Сергеевна начала быстро поправляться. Зимой они, уже как жених и невеста, прожили в Пизе счастливо. Конечно, не забывали о музыке. Играли много, даже на органе в соборе, а Бородин — еще и на виолончели в здешней маленькой опере.

Из отчета доктора Бородина о заграничной командировке.

«Во все время пребывания моего за границу я никогда не терял из виду, что Академия, доставив мне средства для окончательного образования в науках, имела целью приготовить из меня преподавателя химии, который удовлетворял бы потребностям современного образования врачей. Чувствуя вполне всю тяжесть нравственного долга, лежащего на мне, я употреблял все усилия для того, чтобы оправдать доверие Академии и сделаться достойным высокого звания — быть руководителем юношества на поприще науки. Проникнувшись убеждением, что истинно хорошим преподавателем может быть только ученый, вполне владеющий своим предметом, я старался прежде всего развить себя с этой стороны. Это достигается, во-первых, усвоением того, что сделано другими, во-вторых, самостоятельными исследованиями, содействующими движению науки вперед...»

За три года молодой ученый опубликовал в русских, немецких, французских, итальянских специальных журналах статьи, которые содержали изложение его оригинальных научных работ. Среди них были

выдающиеся исследования, сделавшие химика Бородина известным в кругу отечественных и зарубежных коллег. Он читал доклад в Парижском химическом обществе и был избран членом этого общества. Смело можно сказать, что он сполна выполнил и заданный самому себе урок, и наказ Николая Николаевича Зинина. Настоящий ученый в нем, несомненно, «образовался».

20 сентября 1862 года в паспорте доктора медицины Александра Норфирьевича Бородина сделана отметка на пограничной станции Вержболово. Он возвращается домой в Россию, в Петербург.

Тут же по возвращении из-за границы Бородин определен на должность адъюнкт-профессора химии Императорской Медико-хирургической академии. Он читает органическую химию студентам второго курса и чуть ли не сразу становится их любимцем.

АВДОТЯ КОНСТАНТИНОВНА

«Что было, что будет, да чем сердце успокоится...» Гадание — это дело молодое. А мне чего гадать? У меня-то сердце наконец покойно. Вот он, королевич мой ненаглядный, здесь. Хоть и дома совсем не бывает, одни хлопоты теперь у него. С утра до ночи все хлопочет по Академии. И вот Катюша, невеста, из Москвы приезжала, а он все равно прибежал днем только на минутку. Прибежит, растормошит нас, расцелует — да и был таков. Я говорю: «Ну хоть бы ты, Катеринушка, для виду на него, что ли, обиделась». А она ласково так посмотрит и только рукой махнет: «Да что Вы, Авдотья Константиновна! Саше сейчас и не до меня, и не до музыки. Вот уж устроится все, доживем до Пасхи...» И то, скорее бы перезимовать. А там и свадьба. Тогда уж буду

совсем спокойна. На Катю не нарадуюсь. И ласковая, и спокойная, и Сашуру любит без памяти. Только и разговоров у нас, что о нем. Сидит с каким-нибудь рукоделием возле меня да все просит, чтобы я про него маленького рассказывала, как он нау. ки постигал, да как музыке радовался, да что кушать любит. Словом — все обговорили, что прежде одной только мне и интересно было знать. Дай-то бог ей здоровья, а им вместе счастья.

БОРОДИН

Экая, в самом деле, «коловратность фортуны»! Сделаться адъюнкт-профессором для того, чтобы сражаться с инженерами и подрядчиками. Отчего у нас такое замечательное устройство жизни, что никогда и ничего вовремя не поспевает? Здание не готово. Лаборатории нет. Оборудование лежит в ящиках. Из чего я так хлопотал, так старался? Писаниной и подсчетами приходится заниматься до тошноты: субсидии весьма скромные, а выгоду надобно извлечь максимальную. Нет, старался, впрочем, не зря. И похвастаться можно. У меня каждый студент теперь получит полный набор химических чашек и стаканов. А я во время оно и мечтать не смел о такой роскоши. Ох, подрядчики обманывают немилосердно!.. Ведь уж как мы с Катериной мечтаем о собственной квартире! Вот когда, наконец, будем совсем вдвоем. И как все прекрасно устроится — в одном коридоре с лабораторией. Вот тогда и адъюнкт-профессор при настоящем деле окажется. А жалование назначено скромное. Туговато для семейной жизни. Обещают, правда, еще курс в Лесной академии. А пока чего время терять? Дружище Менделеев, спасибо ему, перевод какой-то медицинский предлагает сделать вместе. Недаром «тетушка» на меня, недоросля, капитал

изводила: ничего не скажешь, языкам обучен отменно. Еще и за границей отличную шлифовку дали. Так что побудем покамест и в переводчиках, не погнушаемся. Да и старой лабораторией не побрезгуем.

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА

Тяжко поздней осенью в Петербурге. По всему чувствую, тяжел мне будет климат петербургский. Дышать нечем, воздуха нет, одна сырость. Так я и уехала в Москву, не дождавшись морозов. Каковы петербургские зимы? Не знаю. Ну да не о том теперь думать надо. Месяц прошел, как уехала. Тоска без Сашуры отчаянная. Теперь он обещал вырваться наконец от своих подрядчиков, студентов да пробирок в Москву. Хоть бы появился, хоть бы душу мне успокоил.

Приехал! В один миг обворожил маму и всех домашних. А я и хотела поворчать, посердиться на него, да опять не получается. Так он ласков, так весел и до того светится, что всему начинаешь радоваться. А тревоги мои разные... так, пустое все...

Не могу прийти в себя от изумления. Месяц назад в Петербурге я его оставила в самом разгаре хлопот и целиком погруженным в свою химию. А нынче он мне играет отрывки из будущей своей симфонии! Будто другой человек сочинял, до того ново и совсем не похоже на все его прежнее. На мои «ахи» и «охи» он мне порассказал много интересного. И через каждое слово восторги: «Балакирев! Балакирев!»

ОТ АВТОРА

Музыкальная жизнь России с годами все более оживляется. Гораздо больше, чем прежде, стало публичных концертов; русская оперная труппа вполне может соперничать с итальянской. 12 мая 1859 года отмечено важным событием. В этот день утвержден устав Русского музыкального общества, созданного стараниями композитора и блестящего виртуоза Антона Григорьевича Рубинштейна. В уставе указаны весьма благородные цели: «развитие музыкального образования и вкуса к музыке в России и поощрение отечественных талантов». Концерты Общества скоро приобретают популярность, их программы весьма разнообразны.

Следующий шаг Антона Рубинштейна — осуществление его заветной мечты — создание Консерватории. Первая в России Консерватория открыта осенью 1862 года в Петербурге. Среди ее учеников — молодой чиновник министерства юстиции Петр Ильич Чайковский. А 18 марта этого же года в Петербурге открылось совершенно необычное учебное заведение: Бесплатная музыкальная школа. Кого видели своими учениками ее создатели? Тех, у кого была тяга к музыке, но не было денег. В эти годы лучшая часть русского образованного общества много сил и времени отдавала так называемым «воскресным школам для народа»: школы грамотности, школы рисовальные. Так почему не объединить любителей музыки? На первое воскресное занятие пришло человек двести, но отчего-то все студенты — медики, фельдшеры, их ученики да еще любопытные уличные мальчишки. Слух про необычное заведение пробежал по городу, и вскоре явились слушатели других воскресных школ, мастеровые,

фабричные, по большей части выходцы из деревень, студенты, бедные чиновники. Образовался большой хор, отыскивались красивые голоса, начались спевки и занятия нотной грамотой. Через год образовался и оркестр, достойный публичных концертов. Во главе школы стоит известный в Петербурге человек, Гавриил Якимович Ломакин, руководитель хора певчих графа Шереметева. Хор этот считается недосягаемым образцом совершенства. Отец Ломакина был у графа крепостным, а сам Гавриил Якимович прошел суровую выучку, путь от мальчика-певчего. Средства на открытие Бесплатной музыкальной школы можно получить единственным способом — через благотворителей. Что и удается стараниями Ломакина. Но не ему принадлежала сама идея помочь жаждущим. Бесплатную школу задумал человек, без энергии которого дело скоро бы угасло. Звали его Милий Алексеевич Балакирев. В момент открытия школы ему шел двадцать шестой год. У него имелся уже немалый педагогический опыт, сложившийся не только благодаря широкой частной практике фортепянного учителя. По-настоящему его талант музыкального руководителя расцветал в общении с близкими друзьями-учениками. Пока что их вместе с учителем четверо. В этом кружке: отставной офицер Преображенского полка Модест Мусоргский, военный инженер Цезарь Кюи, гардемарин Римский-Корсаков. Впрочем, назвать лишь четверых — значит погрешить против истины. Пятый — Владимир Васильевич Стасов, огромный, шумный, неумный и во гневе, и в радости. Стасов вовсе не собирается стать композитором. Юрист по образованию, артист по натуре и призванию. На фортепяно играет превосходно, но только в полном уединении. Он старше всех, ему тридцать восемь лет.

Хранитель больших сокровищ, ибо возглавляет в Публичной библиотеке художественный отдел. Для кружка Стасов — некая «питательная среда». Но единственный, непререкаемый авторитет — Балакирев.

«Санкт-Петербургские ведомости», 19 октября 1863 года. Разные известия и заметки.

«Клипер «Алмаз». В «Кронштадтском вестнике» напечатано, что наш клипер «Алмаз» благополучно прибыл в Нью-Йорк 29 сентября (11 октября). Подробности плавания еще неизвестны, потому что это известие получено по телеграфу из Лондона. Во всяком случае, главное то, что теперь можно смело опровергнуть все разноречивые и неверные слухи, которые ходили в кружках наших моряков».

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Замечу, что это сообщение небезразлично для нас: именно на клипере «Алмаз» ушел в кругосветное плавание восемнадцатилетний гардемарин Николай Римский-Корсаков.

БАЛАКИРЕВ

Он мне запретил хлопотать! Я хотел идти в министерство, я хотел просить. Так нет, видите ли: традиции семьи, исполнение службы. Кто ему мешал исполнять береговую службу здесь, сидеть в Петербурге? Загубить свое композиторское дарование. Отлично! Вернется и станет писать какие-нибудь сахарные вальсы или бисквитные польки. У меня теперь такое чувство, будто младшего сына отправил на театр военных действий. Скажите, какой «папаша» с разницей в восемь

лет!.. В том разве дело... У меня к ним ко всем есть эта «отцовская» жилка, даром что сам молод. Молод? Кто это сказал? Я уже три пуда соли съел, да. И я, только я один, изо всего товарищества один, отдал себя музыке сразу. Сразу и безраздельно. Если в моей жизни есть смысл, то его составляет едка только музыка. Кто мой отец? Каковы его доходы? Доходов пропасть — одна только принадлежность старинному дворянскому роду. Нижегородская глушь, кругом невежество и глупость. Кто я? Почти нищий. Но я богач, я царь — я отыскал дорогу, предназначенную мне судьбой. И в глуши есть люди, могущие протянуть руку. Мне нужен был поводырь — и он нашелся. Теперь указывают на меня, говоря, что мне все легко дается, что природное дарование огромно. Но это я, я образовал себя. Каторжным трудом. Для чего? Я стремился в Петербург. Я хотел, чтобы обо мне говорили. Я хотел служить музыке. И я приехал в Петербург. И обо мне заговорили. «В свои девятнадцать лет он играет на фортепьяно как виртуоз! Он способен тут же повторить любую пьесу, услышанную впервые! Он проявил уже незаурядный талант как сочинитель!» Это я слышал постоянно. Меня обсуживали, как ученого медведя. Я хотел другого. Я ждал чуда. И чудо свершилось!

То была последняя зима, которую Михаил Иванович Глинка провел в Петербурге. Мой кумир! Я в отрочестве еще плакал, разбирая «Жизнь за царя». Я его боготворил. Мечтать о встрече? В медвежьем углу? Но теперь... И я попал к нему домой. В самый тесный дружеский кружок. Было Рождество. Голова кружилась от запаха хвои. Елочные свечи догорали. Всем было весело, отыскивали на ветках золоченые орехи, лакомились восточными сладостями, разрывали хлопушки с «сюрпризами». И меня подали как сюрприз: «Позвольте

Вам, Михаил Иванович, рекомендовать отличного пианиста». Я сел к роялю. Весь мир забыт. Играю свои переложения: отрывки из «Жизни за царя»...

И я стал приходить к нему. У меня как будто появился родной дом в Петербурге. Откуда смелость взялась? — я обсуждал с ним свои композиции! И однажды услышал от Глинки, от самого Глинки: «У Вас я впервые нашел взгляды, так близко подходящие к моим во всем, что касается музыки». Он признавал меня наследником? Счастье, вот — счастье! Потом — последний вечер. В глазах то ли туман, то ли слезы. Играю опять «Жизнь за царя», все повторяю трио. И он чуть подпевает: «Не томи, родимый...»

А теперь нет у России Глинки. Что у меня осталось? Листок бумаги, надпись: «На память Милию Алексеевичу Балакиреву от искреннего ценителя его таланта»? Ложь! У меня остались силы для битвы за Глинку. Надо идти на штурм. Дорогу отечественной музыке! Или я лоб расшибу об эту каменную стену, об эту итальянщину и неметчину, или будет у нас своя, отечественная музыка.

ОТ АВТОРА

Если мы раскроем один из номеров журнала «Современник», то найдем здесь «Петербургские записки 1836 года». Автор — Николай Васильевич Гоголь. В связи с премьерой «Жизни за царя» он пишет: «...Какую оперу можно составить из наших национальных мотивов! Покажите мне народ, у которого бы больше было песек... По Волге, от верховья до моря, на всей веренице влекущихся барок, заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых бревен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи, и как грибы

встают города. Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек. Все дорожное дворянство и недворянство летит под песни ямщиков...»

Нам трудно представить уже эту единую, немолчную стихию песни. Потому, может быть, такой обыденной кажется сейчас фраза Глинки: «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем». Те, кому дано было осознать, услышать, претворить, сумели запечатлеть дух народа на века. Но уже теперь, с расстояния чуть более столетия, мы редко даем себе труд вслушиваться и вдумываться, испытывать некоторое напряжение мысли и воображения. Музыка, о которой говорит Глинка, стала прямым продолжением той, что всегда жила в народе. Жила также естественно, как естественны для человека от земли переходы дня к ночи, круг времен года, тысячелетние ритуалы полевых работ. Это вовсе не одни только «народные мелодии», это музыка естественного человеческого бытия во всех его проявлениях, со всеми радостями, болями, рожденьями, уходами. Тут поистине провидческим слухом и чуткостью освящен гений Пушкина. И разве не делится он с нами своим замечательным даром? Прежде всего, раскрывая душу своей любимой Татьяны Лариной. Душу, овеянную поэтической музыкой вековечного народного бытия.

И разве не приоткрывается нам еще гораздо большее в нескольких строках его собственного письма? Декабрь. Глухое, занесенное снегом Михайловское. «...Вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны... она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно...» Или вот еще строки, из первых, пришедших на память: «Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, — эта графинечка, воспитанная

эмигранткой-француженкой, — этот дух, откуда взяла она эти приемы, которые *pas de chale* давно бы должны были вытеснить? Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка...» Наташа Ростова, опять душа, насквозь русская. И опять — любимица своего создателя, Льва Толстого. Еще раз возьмем на себя труд слушать. И, как говорилось, «трудитесь, и дастся вам». Дастся понимание «народного языка», который ни у Глинки, ни у «балакиревцев», ни у кого-либо другого из русских композиторов не составлен из одного только цитирования, имитаций или обработок. Их творения созданы из той самой материи, о которой говорит Толстой, — из «русского воздуха». А если вспомнить знаменитые слова Достоевского о «всемирной отзывчивости» русской души? Тогда станут и естественны и понятны роскошные вкрапления в основную материю иноземных самоцветов. Собираение и преобразование мировых народных сокровищ. Хотите знать несколько примеров? Вот они. Испания и Англия Пушкина. Та же Испания или Италия Глинки. Славянские мотивы, роскошный или аскетичный Восток Балакирева, Бородина, Римского-Корсакова. Отыскать множество примеров не составляет труда. Но довольно. Вернемся к нашему повествованию и к тем, кому дано воплотить в жизнь нечто «витавшее в воздухе».

БОРОДИН

Ну вот, впереди куча лекций, господин адъюнкт-профессор. А куда между тем торопится адъюнкт-профессор по осенней петербургской слякоти? Простите-извините, на музыкальный вечер. Только что байковый мешок с виолончелью за спиной не болтается.

Нет, в этот дом со своей виолончелью лучше не соваться. Почему?

А потому, что это — любимый инструмент хозяина. Так хозяин, думаете, музыкант? Ничего подобного. Он пользуется громкой славой как терапевт. Это приятель мой старый (ну, полно, какой же «старый», если ему всего тридцать лет?). Так вот, приятель мой, Сергей Петрович Боткин, дает теперь интереснейшие вечера. Я всегда знал, что его страсть — тонкая диагностика. И он упражнялся в приобретении способов к ней, как, скажем, великий виртуоз Антон Рубинштейн упражняется перед концертом. Таким сравнением Сергей Петрович был бы польщен. Несомненно. Потому что вторая его страсть — музыка. Ведь он уроки у виолончелиста берет. От полуночи до часу, другого времени-то нет. А на отдых, говорят, возит всегда чемодан с книгами да виолончель. Вот теперь «боткинские субботы» входят в славу. Поглядим, поглядим. Слыхал, что там кого угодно можно встретить: и музыкантов, и литераторов, и медиков, и просто умников. Был бы талант. «Ах, талан мой, талан!..» — который-нибудь, глядишь, да и пригодится теперь. И лучше бы не «химикальный», а один только «музыкальный».

ОТ АВТОРА

В этот вечер наш герой приобрел знакомство, оказавшее решительное влияние на дальнейший ход его жизни. В толпе знакомых и незнакомых одно лицо сразу остановило внимание Бородина. Еще до того, как Боткин представил его незнакомцу, словно какая-то искра пробежала между ними. Пристальный взгляд огненных глаз, вся фигура этого человека мгновенно

запечатлелись в памяти. Балакирев! Едва Боткин познакомил их, как Балакирев сел за рояль и начал играть прямо по партитуре сложное сочинение новейшего западного автора. Бородин следил и переворачивал листы. Это приятно изумило Сергея Петровича: Боткин и не подозревал такой «нотной образованности» в Бородине. А профессор химии наслаждался мастерством исполнения премудрого сочинения. Игра была выше всяких похвал.

БОРОДИН

Скажу откровенно, мне чрезвычайно приятно, что Балакирев почуял во мне «связующий элемент», то, на чем мы можем коротко сойтись: я, конечно, имею в виду страсть к «божественным звукам».

Собрался с духом, пошел на музыкальное собрание к Балакиреву. Отыскал дом Хилькевича, что на углу Офицерской и Прачешного переулка. Звоню. Дверь распахнулась, будто только меня и ждали. Какой-то молодой человек, изящный, небольшого росточку, приятным таким баритоном говорит:

— Несомненно мы знакомы, Александр Порфирьевич.

Я гляжу и как будто припоминаю что-то, а что?

— Помните госпиталь?

Вглядываюсь еще, и мне мерещится уже в его чертах совсем детское лицо, то, которое я знал прежде. Мусоргский! Модест Петрович... Мысли мои повернули вспять к тому «мальчонке», с которым мы шесть лет назад коротали тоскливые часы в дежурной комнате. Оба мы тогда только что «вылупились». Он — в офицерики, а

я — в ординаторы. По всем условиям госпиталь наш более походил на тюрьму, чем на место избавления от страданий. Палаты громадные, заталкивают по сотне коек, нет самого необходимого, инструменты в плачевном состоянии. А уж мне, свежее испеченному медику, без конца «везло». Однажды доставили кучера от какого-то «сиятельства». Костью подавился, бедняга. Положение самое критическое. Делать нечего — приступил к действиям решительно, и... ржавые щипцы сломались. Душа моя — в пятках, а кончик от щипцов — у кучера в горле, вместе с костью. Уже вижу несчастного погибшим, себя разжалованным, сосланным в Сибирь. Руки трясутся. Все-таки собрался, одолел эту проклятую кость вместе с железкой. И тут кучер — бух мне в ноги! Господи, а у меня так коленки дрожали, что я с трудом не ответил тем же. Да это, впрочем, так, анекдотец. Бывали вещи похуже. Шестеро крепостных, которых некий полковник сквозь строй гонял. Мерзавец, я и теперь бы ему не пожелал со мной встретиться. А уж тогда своими руками готов был задушить, как увидел эти спины, иссеченные до костей. Пока врачевал, сам едва ли не в беспамятство впал. Трясло от ненависти к зверю-полковнику. Не мой это удел, врачевание... Экая тоска по ночам-то в больничных коридорах. Они у нас там бесконечные, мощенные плитами. Полумрак, хрипы, стоны, а от тебя, голубчика, толку мало, мало... сам себе опостылеть, бывало. И диванчик кожаный в дежурной комнате, век бы его не видать! Вот в дежурной комнате мы с Мусоргским и встретились, поскольку в военном госпитале положено, кроме врача, дежурить еще и офицеру. Редко можно здесь найти собеседника. И вот прихожу однажды, застаю мальчика лет семнадцати, офицера Преображенского полка. Хорошенький,

изящный, словно акварельная картинка. Мундирчик с иголки, в обтяжку, волосы напомажены, руки выхолены, французские слова цедит, жеманится. А как разговорились, таким умницей себя оказал. Да и о музыке потолковали. Экспансивны были оба, молоды чрезвычайно, так и проговорили сколько-то часов напролет. Потом у главного доктора нашего встречались. Дамы очень за этим игрушечным мальчиком ухаживали. А он им всякие салонные пьески на фортепьянах бойко так играл, просто бисером сыпал.

МУСОРГСКИЙ

Александр Порфирьевич тотчас вспомнил наше первое знакомство в госпитале и этим тронул меня необыкновенно. Я, по правде сказать, наружно был тогда довольно пошлым мальчишкой. Но он каким-то чутьем понял во мне совершенно искреннюю, хотя и излишнюю восторженность, и непреодолимое желание всезнания, и утрированную внутреннюю критику, и жажду олицетворенной мечты. Хотелось бы мне знать, помнит ли он так же хорошо наше второе знакомство. Года три спустя. Я ведь уже был, по сути, другим человеком. Прошел душевную ломку, покорил идею болезненного мистицизма, совсем было овладевшую мною от безвыходности армейского положения моего. И, что важнее всего, перестал сомневаться в своем даровании. Надлежало расстаться с российской леностью и всеми силами служить музыке. Музыке и правде. Соединить военную службу с искусством мудрено. Отставка моя была делом решенным. Я, помнится, разглагольствовал о симфониях Шумана, играл с Бородиным в четыре руки и сразу взял тон знатока. А сам-то ведь еще только глядел в рот Балакиреву, ждал его приговора о себе. Да, как-то

наш воспитатель возьмется за Бородин? Ведь Бородин не ребенок, которого надо водить, чтобы не упал. Впрочем, Балакирев воистину обладает магнетической силой. А нам всем, главное, надо работать, работать...

ОТ АВТОРА

«Надо работать!» Как часто звучит в 60-е годы это горячее восклицание в устах молодых разночинцев, людей разного, но не большого чина и звания. Работать, чтобы жить своим трудом, приносить пользу народу и Отечеству. Такие мечтания не просто осуществить в России этих лет. В феврале 1861 года крестьянам объявлена воля. А что за воля без земли? И по всей России катится волна крестьянских волнений, бунтуют тридцать две губернии. Со своей стороны студенчество призывает молодое поколение к активным действиям: «Довольно дрожать, довольно заниматься пустыми разговорами, довольно бранить правительство втихомолку... наступила пора действовать». Сходки выливаются в демонстрации, начинаются аресты студентов. Шеф жандармов докладывает Александру II: «...возрастает с каждым днем смелость революционных происков, в особенности в сфере литераторов, ученых и учащейся молодежи». Обращается внимание государя на «вредный дух, проявляющийся в военных академиях». Вольнодумство распространяется «через выпускаемых офицеров в войска». Правительству отлично известно, что огромную роль в «смущении умов» играет некий отставной титулярный советник. В III отделение косяком идут доносы, в которых то и дело мелькает его имя: «...Правительство запрещает всякий вздор печатать, а не видит, какие идеи проводит Чернышевский; это коновод юношей... это хитрый социалист... скорее отнимите у него

возможность действовать...» — и тому подобные «патриотические призывы».

6 июля 1862 года Николай Гаврилович Чернышевский арестован и заключен в Александровский рavelин Петропавловской крепости, в «покой» под номером одиннадцать. 14 декабря того же года здесь, в крепости, он начал писать роман «Что делать?» и кончил его 4 апреля 1863 года. Невероятно, необъяснимо, но факт — еще в феврале получено разрешение на публикацию. Журнал «Современник» начинает печатать роман. Надо ли говорить, какой восторг вызывают идеи, высказанные в романе, у всех, кто задает себе тот же вопрос: что делать? как жить? Молодая интеллигенция организует коммуны, подобные тем, о которых пишет Чернышевский. В одной из таких коммун, объединившей шестерых умных и образованных молодых людей, проживет три года Мусоргский. Но все-таки главное средоточие его дум и надежд, конечно, балакиревский кружок, милыг «музикусы». А их полку прибыло — теперь уже немыслимо даже представить, что когда-то в кружке не было добрейшего и талантливейшего «химикуса» Бородина.

К ЕКАТЕРИНЕ СЕРГЕЕВНЕ ПРОТОПОВОЙ

«Петербург. Воскресенье, которое-то число марта 1863.

...Несмотря на всю пакость, совершающуюся на дворе: слякоть, дождь, ветер, я все-таки с удовольствием слежу за тем, как снегу становится все меньше и меньше, грязи все больше и больше, ухабы глубже и чаще, Нева

синее, студенты на лекциях малочисленнее — время, значит, приспичило к экзаменам готовиться. На следующей неделе оканчиваю курс свой: в субботу последняя лекция... При всем том — странная штука — меня несколько тревожит: что бы ты думала? — вся процедура свадебная. Ужасно хочется, чтобы именно этот период прошел как можно скорее, как ни говори, а во всем этом есть что-то пошленькое, что-то натянутое. И вообще быть женихом как-то глупо, неловко, особенно перед свадьбой. Мне нисколько не кажется, например, странным, что ты будешь моею женою, что мы будем жить совсем вдвоем; все это как-то очень естественно... В ожидании тебя я начал одну химическую работишку — что выйдет, еще не знаю. Газовое освещение, которое у нас пробовали в среду, — великолепно. Особенно — коридоры, где мы жить будем...»

ОТ АВТОРА

17 апреля 1863 года в Петербурге, в домовая церкви земледельческого училища на Удельной, обвенчались адъюнк-профессор Военно-медицинской академии Александр Порфирьевич Бородин и дочь московского штаб-лекаря Екатерина Сергеевна Протопопова.

Лето молодым пришлось провести в городе. Бородин был занят приемкой заграничных посылок: шло оборудование для лаборатории, о котором он хлопотал всю зиму.

13 октября 1863 года на Выборгской стороне у Литейного моста было торжественно открыто новое здание естественноисторического отделения Медико-хирургической академии. Бородины перебрались

на казенную квартиру — в первом этаже, по обе стороны длинного коридора. Вход с набережной, первый подъезд с Невы. В этом же коридоре помещаются: большая химическая лаборатория, большая фармацевтическая лаборатория, две малые лаборатории для работ по химии, фармации, сравнительной анатомии. Среди всех этих учебных кабинетов три профессорские квартиры, конечно, не могут быть устроены достаточно удобно и уютно. Но сейчас главная радость для всех — «соответствие потребностям учащихся». О замечательных новшествах в оборудовании естественноисторического корпуса пишут газеты.

«Санкт-Петербургские ведомости», 22 октября 1863 года.

«...В здании проложена система труб для провода и стока воды; паровая машина, помещенная в подвальном этаже, под главной лестницей, поднимает воду из Невы под крышу здания, в два водоема, из которых вода идет в различные помещения, смотря по надобностям, к кранам в стенах, к рабочим столам, к паровым и перегонным снарядам; из раковин, устроенных под кранами у стен и в рабочих столах, вода стекает по свинцовым трубам в общую водосточную трубу. Удобство, доставляемое устроенным водопроводом, имеет немаловажное значение, при большом числе занимающихся... Проведен во все этажи нового здания светильный газ. Железные газопроводные трубы спускаются с потолков и оканчиваются или люстрами, или горелками... Газ находится везде, где только может случиться в нем надобность...»

И долго еще безвестный репортер «Санкт-Петербургских ведомостей» восхищается

сложным устройством химических печей, тяг, вентиляционных каналов, рассуждает о трудностях подведения воды и газа. Столетие с небольшим отделяет нас от времени, когда все это называлось «роскошным оборудованием». А каково было «господину химическому профессору» работать прежде, еще без всякой «роскоши»? Ну, недаром хлопотал, теперь все устроено отменно.

К МИЛИЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ БАЛАКИРЕВУ

Петербург, в период между 1864–1867 годами.

«...К моему прискорбию, я быть у Вас не могу: мне самому крепко нездоровится; к тому же я страшно устал, ибо, несмотря на нездоровье, с восьми часов утра работал в лаборатории, В силу этого решительно не в состоянии таскать ноги...

Музыка спит; жертвенник Аполлону погас; зола на нем остыла; музы плачут, около них урны наполнились слезами, слезы текут через край, сливаются в ручей, ручей журчит и с грустию повествует об охлаждении моем к искусству на сегодня. Прощайте, милейший друг, выздоравливайте.

Ваш А. Бородин».

БАЛАКИРЕВ

Вот и бейся с ними. Создатели новой русской музыки заняты чем угодно, только не своим прямым делом. Да ведь эту самую химию надобно послать ко всем чертям! Ну хорошо, я ему толковал, что с его

дарованием необходимо взяться за большое сочинение. Убедил. Да как горячо дело пошло! Симфония зрела по часам, не по дням. При том каждую ноту обсуждали вместе, каждый такт проходил через мою критику. Ну, думал, скоро грянем! Так нет же. Треклятая химия, лаборатория, обвешан студентами, дома проходной двор. Все что угодно отнимает время, только не симфония. Ужасно! Хоть бы от кого-нибудь дожидаться толку. Модинька тоже хорош. Ищет какой-то необыкновенной, «своей» правды в музыке. Бред. Останется дилетантом. Кюи... Да, Кюи?

Знает много. Сочиняет аккуратно и пишет тоже аккуратно. Корсинька? Вот! Это моя надежда. Вернуться из плаванья с готовой симфонией. Дело! И похвастаться не стыдно. Я им горжусь. Умилен. Горжусь, как старая тетка племянником-корнетом.

ОТ АВТОРА

19 декабря 1865 года Милий Алексеевич Балакирев дирижировал новой симфонией: «Опус первый» в ряду сочинений Римского-Корсакова. Через несколько дней появилась статья Цезаря Кюи. «Санкт-Петербургские ведомости», 24 декабря 1865 года.

Первый концерт в пользу Бесплатной школы.

«...С тех пор, как мне случается по временам говорить о явлениях музыкальной жизни Петербурга, я в первый раз берусь за перо с таким удовольствием, как сегодня. Сегодня мне выпала действительно завидная доля писать о молодом, начинающем русском композиторе, явившемся впервые перед публикой со своим крайне талантливым произведением... Публика

слушала симфонию с возрастающим интересом, и после анданте и финала к громким рукоплесканиям прибавились обычные вызовы автора. И когда на эстраде появился автор, офицер морской службы, юноша лет двадцати двух, все, сочувствующие молодости, таланту, искусству, все, верующие в его великую у нас будущность, все те, наконец, кто не нуждается в авторитетном имени, для того чтобы восхищаться прекрасным произведением, — все встали как один человек, и громкое единодушное приветствие начинающему композитору наполнило зал...»

В других газетах молодого автора скромно одобрили. И среди публики, и среди артистов нашлось немало тех, кто с недоверием встретил «чиновника», «мундир» — словом, человека, имеющего другую профессию, «дилетанта». Это задевало особенно. Да, трое из «балаки-ревцев» носят мундиры, и все трое в достаточной степени от них зависимы. Серьезный критик Цезарь Кюи, защитник и проповедник русской музыки, печатает в «Санкт-Петербургских новостях» музыкальные фельетоны и рецензии. Однако если кто-то там, наверху, бывает задет его критикой, Цезарь Антонович выслушивает замечания военного начальства. Тогда ему напоминают, что он носит мундир профессора фортификации. В свое время Николай Андреевич Римский-Корсаков испросит у начальства разрешения дирижировать в концерте и получит категорический отказ: морской офицер надевает форму не для того, чтобы махать руками перед публикой...

Выписка из протокола заседания Конференции Императорской Медико-хирургической академии.

«В заседании... Академии в день 3 апреля кандидатом на вакантную кафедру химки предложен адъюнкт-профессор Бородин... Других кандидатов для занятия вакантной кафедры химии никем не предложено.

В заседании 11 апреля приступлено было к баллотированию закрытыми шарами, причем Бородин получил семнадцать избирательных и один неизбирательный шар-Конференция Академии определила: доктора Бородина назначить ординарным профессором химии с содержанием, этой должности присвоенным».

БОРОДИН

Да, тяжела ты, шапка Мономаха, то бишь генеральские эполеты. Ну вот, нынче жара стоит, белые ночи и всякое цветенье. Явился вчера на экзамен эдак запросто, в светлом костюме. И, как на грех, пожаловал президент Академии. Сделал мне «легонькое замечание», что нынче, мол, времена строгие, так лучше бы приходить в форме. А уж к остальным как цеплялся, как распекал студентов — ни в сказке сказать, ни в письме описать. Тот не так сидит, этот не вовремя ходит, другой не там стоит или руки непочтительно держит. Ну погоди ж, в пику господину президенту надену вот завтра не погоны, а эполеты. Но, по правде говоря, смешной я в «енараль-ской»-то форме. Сразу делаюсь «старичок», даром что покуда молод. Зато как я возложил на себя всю амуницию, сияние пошло во все стороны. Могу позировать для какой-нибудь картины вроде Рафаэлева «Преображения». Ведь все сияет: воротник, обшлага; шестнадцать пуговиц — как звезды; эполеты убийственны, как два солнца. Но это еще не все! Сияет

темляк, сияет околыш кепи — одним словом, «ваше сиятельство», да и только.

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА

«Ваше сиятельство, ординарный профессор господин Бородин, как же мне плохо живется без вас. Сашенька, миленький, страшно, тоскливо». Как бы уж я ему пожаловалась сейчас! Не могу быть покойна, куда приходится жить врозь. Я теперь, без него, начинаю бояться всего пуще прежнего. Когда он рядом, посмеется, успокоит да еще какие-нибудь стишки сочинит про мои глупости. Как начнет вспоминать мои страхи, сама смеюсь. А теперь боюсь. Точно, как он пишет: «...будешь скучать одна и бояться кривых потолков, воров, собак, лошадей, кур, коров, мух, тараканов, пьяных мужиков, трезвых мужиков, баб, ребятишек, цыплят, воробьев, грозы, холеры, тифа, простуды, разбойников, темных ночей...» Все живут как люди, а я вечно мыкаюсь. Все по ночам спят, а я думаю бог знает о чем и задыхаюсь. За что, за что такое наказание? Отчего я не могу быть всегда при нем? Гнилой Петербург — едва зиму протянешь, и уже надо бежать вон. И думаю, думаю... как он с утра до ночи работает, забывает обедать, хлопочет сразу за десятерых просителей. А о нем кто хлопочет? У «тетушки» своих огорчений полным-полно, одряхлела, к нам и добираться тяжело.

Сашура даже и симфонию, наверное, опять совсем забросил. «Все народы» в дом теперь не ходят, я у него над душой не стою, новых строчек не прошу, не играю. А поначалу как все хорошо устроилось. Что ж, что денег было мало — я хозяйство умно вела. Приятные это были

хлопоты. И на рынок бегала, и на рыбный садок, во все сама вникала, обдумывала кушанья, соображалась с расходами. Гуляли каждый день в госпитальном саду, музицировали. И все Сашины «музикусы» к нам стали ходить. Конечно, стол у меня всегда скромный: закуски, домашний пирог. Зато чай самый лучший. И так я их всех полюбила! И кумир их, Балакирев, мне вовсе не страшен оказался. Да он сразу меня оценил, как только мы вместе за фортепьяно сели. Умница, совершенно сошелся со мной в восторгах по поводу Листа. А «Мефисто-вальс» играл... сам точно Мефистофель!.. Вот так-то без сна намучаюсь ночью и готова с утра сей же час посылать за билетом на Петербург. А куда я такая гожусь? Вот и Саша пишет, что Боткин Сергей Петрович велел меня в Москве держать до самых морозов. Пока у них там Нева станет и сырости поубавится...

БОРОДИН

Наконец-то она дома, бедная моя, сиротствующая, болящая. Милый Остаточек, Точечка, Зозо вот здесь, в кабинетике у меня. Лежит на диване, свернулась под своей шалью калачиком. Будто дремлет. Знаю, знаю, Остаточек, не обманете — ушки у вас на макушке. Ведь ваш драгоценный Сяся носится как угорелый от рояля к конторке, туда-сюда, туда-сюда... Экое счастье выпало — воспаление горла! Положительно везет: схватил модную теперь болезнь. Получилась целая неделя не «химикальная», а «музыкальная». Да еще рождественские каникулы не за горами. Если эдак пойдет, пожалуй, разрешусь наконец от бремени. Удивительное дело, когда Катеринка тут, рядом, во мне словно усиливается мой «музыкальный магнетизм».

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА

Балакирев, если рассердится, кричит, что эдакая канитель никому не снилась. Это он про симфонию Сашину. Ведь четвертый год сочиняет, все урывками. Но такой музыкальной лихорадки у нас уже давно не было. Саша теперь целые дни занят симфонией. Не напомним, так ни есть, ни пить, ни спать не станет. Поздно вечером затащишь его к обеденному столу, а он как сомнамбула: жует, что положат, чашку пододвинут — пьет чай. Взгляд растерянный, далекий такой... смотрит и не видит, отвечает все невпопад. Иной день играет по десяти часов кряду. И все мучается, все ищет самых верных созвучий. Сердится, что я тогда на него гляжу. Очнется от звуков и обиженно так скажет:

— Не смотри ты. Что за охота глядеть? Лицо у меня теперь глупое...

Я и возразить не успею, как он уж опять забыл все на свете. Улетел от земли. А лицо у него в эти минуты... если бы он мог сам на себя посмотреть, — глаза туманные, загадочные, лицо тихое, светлое; или весь восторгом пылает, тогда глаза — огонь. Нынче ночью сочинял, стоя за конторкою, — весь горел. И напевал, и сердился, и бормотал что-то быстрое, и черкал, черкал, черкал. Вдруг рассмеялся, побежал к роялю. Я глянула на листки, а там поверх нот во весь размах буквы: «Так! Так писать!!»

К МИЛИЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ БАЛАКИРЕВУ

«КОНЧИЛ.

А. Бородин.

Р. С. Если хотите быть крестным отцом, сиречь восприемником новорожденного детища, то напишите когда. Я все дни свободен. Лучше, если приедете к обеду. Мы обедаем около пяти часов. Жена шлет поклон».

ОТ АВТОРА

Слава Балакирева-дирижера крепнет. 4 февраля 1867 года он дирижирует в Праге оперой Глинки «Руслан и Людмила». Успех громадный. Надо сказать, что Милий Алексеевич приложил поистине титанические усилия, чтобы оперу боготворимого им Глинки услышали за рубежом.

Весной того же года на этнографическую выставку в Россию съехались гости, посланцы всех славянских народов. Балакирев задумал весьма оригинальное торжество в их честь. 12 мая состоялся под его управлением Славянский концерт, в котором каждая из пьес относилась к той или другой славянской национальности. Торжественное настроение царит в зале Думы, великолепно убранной и сияющей бесчисленными огнями. Звучит музыка Глинки, Даргомыжского, Балакирева, Римского-Корсакова, Листа, Монюшко. На следующий же день Владимир Васильевич Стасов откликается на небывалое событие большой статьей. Он пишет в обычном для себя тоне, темпераментно и категорично.

«Санкт-Петербургские ведомости», 13 мая 1867 года.

«...Весело было пробежать взором по рядам славянских гостей: все лица оживлены, не встретишь ни

одного рассеянного, скучающего или равнодушного лица. Сразу видишь, что тут сидят люди, которым музыка — дорогое национальное искусство, которым язык — свой, родной... После пьес, особенно их поразивших, сербы кричали свое «Живио, жицио!» («Браво!»), чехи — свое «Слава, слава!». Наверное, можно сказать, что сегодняшний концерт будет иметь особенное значение для всех их: где же могли они слышать в один вечер столько превосходных, столько увлекательных созданий славянского музыкального творчества? Где могли они присутствовать при таком выскохудожественном управлении оркестром славянского дирижера, как сегодня?.. Кончим наши заметки желанием: дай бог, чтоб наши славянские гости никогда не забыли сегодняшнего концерта, дай бог, чтоб они навсегда сохранили воспоминание о том, сколько поэзии, чувства, таланта и умения есть у маленькой, но уже могучей кучки русских музыкантов».

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

В душе я страшно сердит на Стасова. Какая неловкость и бестактность! Назвать наш кружок «могучей кучкой». Ведь это только на руку противоположной партии. И так о нас судили пристрастно. Теперь станут ругать вдвойне. Станут, конечно, всячески подковыривать: что, мол, это за «кучка» такая могучая? Это кто же там «могучий»? Я, мальчишка, написавший «нечто»? Модинька? Конечно, он бросил все — карьеру, службу, связи — ради одной только музыки. Правда, что он прекрасный пианист и отличный певец. Но разве возможно помыслить, что из него выйдет великан-композитор? Кюи по части вокальной и оперной большой мастер, но размаха в нем мало. Бородин? Тут

разговор особенный... Вот вам и вся «кучка». А «могучий», выходит, один Балакирев? Летит впереди всех орлом. Да! Я и поныне его боготворю.

ОТ АВТОРА

Отношения «балакиревцев» с Консерваторией и Русским музыкальным обществом складываются не просто. Какая-то «кучка» дилетантов, любителей претендует на целое направление в отечественной музыке?! Что ж, время всех рассудит и все расставит по своим местам. И окажется, что каждый из «конкурентов» сыграл по-своему важную роль в музыкальной жизни России. Ну а слова Стасова и вовсе пророческие: пятеро композиторов так и останутся в истории под общим именем «Могучая кучка». Однако, несмотря на все дипломатические хитросплетения в отношениях, Балакирева несомненно ценят как дирижера. Русское музыкальное общество приглашает его руководить симфоническими концертами. Милий Алексеевич горячо принимается за дело и сразу берет категорический тон в своих требованиях. Его не смущает, что приходится тем самым вызывать недовольство высокой покровительницы Общества, великой княгини Елены Павловны. Прежде всего — дело, прежде всего — интересы нового направления в музыке. Из-за границы именно по настоянию Балакирева приглашен друг Глинки, Гектор Берлиоз. Он дирижирует шестью концертами. Сам Балакирев — четырем. Звучит музыка Глинки, Римского-Корсакова и новых западных композиторов. К тому же Балакирев ставит условие — он непременно станет исполнять еще и музыку молодых соотечественников. И тогда дирекция Русского

музыкального общества предлагает ему провести большую «оркестровую пробу» в Михайловском дворце.

БАЛАКИРЕВ

«Отцовская жилка» моя ликует. Теперь мы сумеем как следует побороться. Долой всю эту неметчину, всю эту итальянскую патаку! Действовать! Вот милейший Бородин одарил, обрадовал. Ну хорошо, симфония родилась. Надо теперь крестному папаше ее к делу пристраивать. Отлично! Тут, кстати, и случай вышел. Сначала для пробы решил включить «детиче» в грандиозное прослушивание. И что же? Безобразие! Дирекция собрала всех своих доморощенных гениев. И все эти «композиторы» осмеливаются сочинять для оркестра. Дирижирую со скрежетом зубовым. Оркестранты ругаются немилосердно. Хорошенькая компания для нашего «химика»! Чушь! Терпение. Другим способом нам оркестра не получить.

Ах, досада, досада! На пробе не хватило времени, чтобы добиться сносного звучания. Ужасно! А Бородин доволен: «Спасибо и на этом. Могли бы ведь и вовсе не играть. Тогда ничего бы не услышал»... Прелесть! Святая душа!

Я категорически настаиваю на публичном исполнении симфонии. Дирекция в ужасе.

ОТ АВТОРА

Между тем композитора Бородина требовала к ответу наука. 28 декабря 1867 года в Петербурге открывается Первый съезд русских естествоиспытателей и врачей. Как член химической секции Бородин

принимает самое активное участие в работе съезда. Вместе со своими коллегами он ставит вопрос об учреждении Русского химического общества. И ровно через год такое общество будет создано. В декабре 1868 года в аудитории Петербургского университета произойдет первое заседание Химического общества, президентом которого выбран академик Николай Николаевич Зинин. К его великой радости любимый ученик, профессор Бородин, регулярно делает интереснейшие сообщения о своих исследованиях.

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

Как товарищ более всех мне по сердцу Бородин, хотя он и старше меня на десять лет. Ни с кем не говорится так задушевно. Ни с кем другим и дела музыкальные не обсудишь так свободно. Я в восхищении от его симфонии. То есть я уж давно в восхищении. Даже когда он только еще наигрывал мне наброски. Теперь, целое, и вовсе прекрасно.

В высшей степени замечательный он человек. Что за редкостное, обаятельное сочетание: дар божий и в науках, и в искусстве, горячее сердце и ум аналитический, серьезность и самая легкая шутливость. А это бесподобное умение делать все одновременно да еще держать в голове сто дел? Ведь это прелесть что такое, когда он в своей лаборатории. Колдует над трубками и колбами, а я ему под руку:

— Вы, Александр Порфирьевич, ничего путного не делаете, все перегоняете из пустого в порожнее.

Тут он вскакивает, тащит меня за полу сюртука к роялю (благо квартира здесь же). Прыгает через коридор и какими-то дикими интервалами припевает:

— Та-ти... ти-та... да-да... Да, Корсинька, из пустого в порожнее, занятие пустопорожнее!

Садимся за рояль, играем, спорим. Только войдем во вкус — вскакивает, опять оглашает коридор дикими интервалами, бежит смотреть, как бы его химическое варево не перегорело и не перекипятилось.

Однажды в обычной нашей шуточной манере восхищался его ученостью. И вдруг Александр Порфирьевич серьезно так, даже с некоторой печалью говорит:

— Нет, Корея, ученость тут ни при чем. Ум истинный состоит в том, чтобы отдавать себе отчет в правильном соотношении вещей.

Замечу, что сам он один из тех удивительных людей, которые способны видеть любой предмет со всех сторон и тем не менее увлекаться самым горячим образом.

Собираемся все так же часто у Балакирева. Опять-таки разбираем по косточкам все сочиненное. Могучий Стасов гремит, излагает очень цветисто и вдохновенно сюжеты для наших будущих опер. Он же устраивает литературные прения. Бывают сшибки! Никто по углам не отсиживается, молчком не отделяется. Разный народ приходит. Ближе других к нашему кружку стал весьма оригинальный человек, некто Лодыженский, недурной композитор-любитель.

Братья Лодыженские на все лето пригласили Бородиных к себе в имение. В июле зазвали и меня. Так

я провел около недели вместе с ними в Тверской губернии. Глядели на хороводы, катались верхом, слушали песни. И во мне мгновенно возбудился прилив какой-то любви к народной жизни, к ее истории. Много говорили о том с Александром Порфирьевичем. Много обменивались музыкальными мыслями за роялем.

БОРОДИН

Славно встретил меня Питер. Со слезами радости, то бишь проливным дождем. Куда деваться с вокзала? Домой, на Выборгскую? В пустые хоромы ехать? Положительно противно. Поеду к «тетушке». Там детство, уют, покой, дом.

Полжизни прошло, господин профессор, кругом страсти и бури, а здесь все то же. И ширмы полинялые те же, и мебель кряхтит от старости, и те же тряпочки, веревочки, лоскуточки по углам. И те же мои детские книжки на полках... Вот уж и совсем зачитанная: «Ручная энциклопедия знаменитого Вениамина Франклина». Мудрый мой советчик был. Многое, над чем в детстве посмеешься, обернется истиной. Открыть, что ли, наугад? Ну где еще такое вычитаешь: «Дети и дураки воображают, что 20 рублей и 20 лет бесконечны... а когда высохнет колодец, тогда узнаешь цену воды». Да, мой семейственный археологический музей. Как, однако, благотворно действует все это на мою взбаламученную душу!

АВДОТЯ КОНСТАНТИНОВНА

Переночевал да улетел. А что хорошего одному мыкаться? Поеду-ка и я, пожалуй, на Выборгскую.

Пригляжу, а то и заночую. Охо-хо, дети, дети! Вот уж точно — вместе скучно, порознь тошно. Да знаю я, что и ему, и Кате теперь ох как тошно!.. И кто бы мог подумать, что от доброты его неизреченной беда выйдет? Вот ведь как у них скверно лето кончилось. Катя опять в Москве осталась, совсем разболелась. Нервничает, по ночам не спит, чай пьет да курит. Такие фокусы, да с ее-то астмами! Саша там около нее хлопотал, тоже не спал, представлялся веселым. А у него на сердце скверно. Взбаламутила его Анка своими несчастьями. Летом-то она у братьев своих в том имени жила. Ну и проняло моего мальчика драгоценного. Молоденькая такая, а муж грубиян бесчувственный, так и норовит расстроить. Младенца-первенца потеряла, только-только опамятовалась. А сама и умница, и красавица, и трем языкам обучена, и обращения тонкого. Понимаю я ее, бедняжку, как она к солнышку-то моему потянулась. Встретить такое сокровище да не полюбить его? А только куда теперь все это повернется?

МУСОРГСКИЙ

Балакирев сидит дома и носа не кажет. Подумать только, наш орел как будто охладел к интересам кружка.

А мы, охальники, совсем от рук отбились, одни, без него в дом к Их Благородию Даргомьжскому Александру Сергеевичу хаживаем. Там событие так событие! Дар-гунчик свершил великое дело: окончил «Каменного гостя», так и не изменив ни слова пушкинского! Эдакой оперы еще свет не видывал. Чистая «музыкальная речь», одни разговоры и никаких арий. Зависть берет. Ну я же добьюсь толку! Буду сам себя в клетке держать, пока не приручусь. Чтобы музыка передавала речь человеческую

во всех изгибах. «Клетка» моя — гоголевская «Женитьба». Разговор в музыке, разговор без зазрения совести. Все чувства человеческие переданы будут у меня в музыке простым говором. Вот тогда и дело в шляпе!

Нынче замечательное у нас было представленье, насмеялись до упаду. Спасибо Даргомыжскому и его музыкальным крестницам. Что бы мы делали без этих милых девиц? Наденька на фортепьянах за целый оркестр играет. Сашенька споеет за кого хочешь. Аи, спасибо Даргунчику за сестричек Пургольд! Да и сам Александр-то Сергеевич эк хватил! — Кочкарева представлял. Великий ведь музыкант, а от смеха то и дело сбивался. Лестно это каналье-автору! Сам я отвел душу, припечатал Подколесина во всем блеске. Эх, Мусорянин-Светик-Савишна, стоит жить ради таких-то минут. Тогда только позабываешь, что ты «червяк», чиновник в лесном департаменте. И ежели тебя завтра отчислят из штата, пойдешь помирать под забором. Враки! Кто у меня отнимет искусство? То-то... Сердит на Балакирева и Кюи. Увидели в «Женитьбе» один лишь курьез. Зато «бурь морских, адмирал» да и «алхимик» — довольны. «Химический господин» говорил много хорошего про новизну и оригинальный юмор. А я Порфирьича люблю и, следовательно, особенно ему верю.

БОРОДИН

В Питере сдерживаться не для кого и не для чего. Тут-то проклятая тоска меня обуяла. Ударился в занятия, в музыку, в чтение, мотаюсь по академическим

знакомым, ничего не помогает. Спать перестал, музыка нервирует, тоска донимает даже в лаборатории.

На-до-е-ло. Плюнуть и не обращать внимания. Само пройдет.

В одно прекрасное утро раздался у двери сильный звонок. Я отворил. Это была она. Какую непритворную радостью озарилось ее лицо! Первые ее слова — о Кате, здорова ли, скоро ли приедет? Сама крайне нервна, изменилась, похудела. Лихорадочно рассказывает про свое житье, мучения... Голова у меня горела, руки стали как лед. Собрался с силами и высказал ей весь запас своих аргументов. Она посмотрела на меня ясным взглядом и отвечала:

— Господи, да зачем Вы мне все это говорите? Я ничего не требую, ни на что не надеюсь. Пусть я для Вас сестра, дочь — кто угодно. Только бы знать, что есть Вы, что тут полная вера, что ни обмана, ни фальши, ничего такого быть не может.

И тоска, от которой я бегал по саду, по пустым хоромам, по чужим гостиным, вдруг совсем пропала. Тут-то и понял, что мое надежное, прочное, «семейное» чувство к Кате, к взрослой женщине, моей жене, никак не может пострадать. Что никакой вины моей перед ней нет. Но тут же вдруг и понял, что где бы ни была Анка, она уже не может стать мне чужой. Я понял, что хочу и буду делать для нее добро. Только куда как не просто все. Ужасна ее зависимость от мужа, ее беззащитность. Непременнo, во что бы то ни стало надо избавить ее от деспотизма. Каким образом? Знаю, стоит мне сказать одно только слово — и она свободна, счастлива. Но как раз этого-то я ей сказать не могу. Милая девочка... Это ей только кажется, будто она ни на что не надеется, а

сколько еще будет слез, сколько отчаянья, покуда удастся ее «вернуть в дочки». Да еще удастся ли?.. Если бы Анка не принадлежала ни мне, ни ему, ни кому-либо еще на свете, а только себе самой, я был бы покоен и счастлив. Она молода и совсем еще этого не понимает, а между тем величайшее добро, какое можно дать любимому человеку, — это дать ему свободу.

К ЕКАТЕРИНЕ СЕРГЕЕВНЕ БОРОДИНОЙ

Октябрь 1868 года.

«...Оставить же теперь А. было бы не только глупо, но и бесчеловечно. Глупо — потому что она очень молода и могла бы легко надурить на свою же голову. Бесчеловечно — потому что, кроме меня, в настоящее время у ней нет никого, к кому бы она могла относиться открыто и черпать нравственные силы, без которых она непременно пропадет... Не забудь, что я ни разу не поцеловал ее даже, хотя имел к тому полную возможность... Пойми же, Катеринка, что в чувстве моем к ней я ничего от тебя не отнимаю, а только даю то, чего не могу дать тебе: «чувство моей любви к детям», т. е. к элементу слабости, молодости, надежд и будущности. Слышишь же! не ревнуй, не тоскуй и пойми все это...»

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА

Зачем только я просила этих его исповедей! Не знать бы ничего. Да нет. Со стороны такого наврут, что совсем с ума сойдешь... Мое курение дошло до безобразных размеров. Не похвалил бы меня «мой Майчик». «Мой»? «Майчик»? Нет, уж теперь, видно, не

мой, теперь она, она им завладеет непременно. Говорят, она за границей жить собирается. Чтобы нас будто бы не тревожить. Нет, нет, я знаю, она там будет моей смерти дожидаться. Знаю, я в ее глазах старуха тридцатипятилетняя. А почему же в ее только? Боже мой, конечно, я поняла, Александр теперь свою судьбу проклинает, от меня ему одни мучения... Нет, надо ехать. В Петербург надо. Остановиться где-нибудь в отеле, в номерах, тайно... Господи, о чем это я? Ехать? Но за что же так обижать Сашеньку? Отель, номера... Как глупо! Однако нам теперь тяжело видеться. Я его знаю — за всех станет мучаться.

К ЕКАТЕРИНЕ СЕРГЕЕВНЕ БОРОДИНОЙ

Октябрь 1868 года.

«Прости, моя родная... Право, я не стою твоей горячей любви. За что я тебя так мучаю? Я имею право на мое собственное, личное счастье, на мою жизнь, мою судьбу. Поэтому мне следовало — как я и предполагал делать и делал — одному переваривать, переживать и перестрадать все то, что было, хотя и невольно, создано, главным образом мною...

Об одном тебя прошу: ради Бога, не вини никого, ни меня, ни себя, никого...

Приезжай скорее, моя хорошая... Хотел тебе писать еще, да как-то не клеится... В голове гудит какая-то пустота, а в пустоте этой темно как-то и тяжело. Милая моя, приезжай скорее; поплачь у меня на груди; дай мне поплакать с тобой. Слышишь: я жду. Приезжай скорее...»

ОТ АВТОРА

Эта драматическая ситуация принесет еще немало горьких переживаний, тяжелых раздумий всем, кто в нее вовлечен. Но, сколь это ни трудно, три главных действующих лица останутся на высоте истинно человеческого понимания друг друга. А жизнь продолжает себе идти, и в ней совершаются положенные события.

БОРОДИН

«Близок уж час торжества моего...» Это какого же торжества, простите-извините? Закидают автора мочеными яблоками — вот и все торжество будет. Подлец переписчик, пьян он был, что ли? Так изуродовать партитуру! Вот тут альты должны играть, а он заехал в виолончели. А тут вовсе сплошное вранье. Никогда не думал, чтобы проверка партий была такой адской работой! Вот вам, батюшка, и Новый год! Порядочные люди станут веселиться, плясы устраивать, а ты изволь в собственной симфонии блох ловить. Чуть ли не каждому инструменту в партию ошибок понаписал! И что за рок тяготеет над моей бедной симфонией? Три года жду очереди. А может, оно и к лучшему. Ведь теперь дрожь так и пробирает. Первый раз на публичное торжище пожалуйте, Александр Порфирыч. Публике подавай сладкогласие, а сладкогласия-то у меня и нет...

Ну, с Богом! Афиша выпущена. Балакирев репетирует. Оркестр понемногу проникается симпатией к моей музыке. Однако есть и такие, что поругивают. Катеринка денно и ночью в страшном волнении. А вслух посмеивается: «Не помолиться ли, Сашенька?» И

помолился бы, да только кому? То ли богу Аполлону, то ли Орфею, то ли святой Цецилии, то ли Николаю-угоднику. Боязно быть автором. Это вам не доклады читать и не опыты ставить. Тут разом всего себя отдай на съедение публике.

БАЛАКИРЕВ

С тревогой в душе я ожидал субботы. Дирекция упорно считала симфонию Бородина слишком оригинальной. Все эти предварительные разговоры плохо влияют на общее мнение. Но я крепко надеялся на замечательное свойство его музыки. Горячность. Горячность и вдохновение. Понятно, тут не все одинакового достоинства. Зато сухости не найдете никогда. Неужели не примет публику?

Наконец памятный вечер настал. Я вышел к оркестру. Играем первую часть. Чувствую — в зале холод. Публика вяло похлопала, кое-где даже шикнули, потом умолкли. Не пугаться! Вперед! Скерцо пронеслось как дуновение, и — взрыв рукоплесканий! Хочу играть дальше — не дают, вызывают автора, требуют повторить. Отлично! Финал я уже провел в упоении. Овация. Бородина вызывают несколько раз. Победа!..

Однако радость наша сильно омрачена. Не стало Даргомыжского. Он тяжело болел. А все за нас волновался. Вестей ждал с концерта. Ночью мы его беспокоить не решились. Думали, порадуем утром. А утром-то...

ОТ АВТОРА

Уход Даргомьжского обрывал еще одну из немногих нитей, связующих со временами Пушкина и Глинки. Все «балакиревцы» скорбели о невосполнимой утрате искренне и глубоко. Оттого серьезный публичный дебют Бородина не отозвался в кружке с должной силой. И «присяжный критик» кружка Цезарь Кюи лишь спустя долгое время оценит первое крупное сочинение своего товарища — Первую симфонию.

«Ее общее настроение светлое, безоблачное, яркое. Ее особенность — свежесть идей, полных жизни, стремительности, увлечения; ритмическая затейливость и гармоническая оригинальность. Все эти три качества особенно сказываются в первой части. Она состоит из маленьких, свежих, увлекательных идей; они рождаются одна из другой, преследуют друг друга сквозь небывалые ритмические и гармонические, доходящие до курьеза капризы, Местами встречаются выходки, полные юмора, местами — полные неги и певучести. Скерцо еще бойчее, еще живее, третья часть — чарующее, певучее Анданте в восточном роде, полное глубокой страстности, изящества, вкуса, вдохновения и звуковых красот оркестра. По своему мечтательному поэтическому характеру она представляет превосходный контраст с радостным, бойким настроением остальных частей симфонии, которое находим и в финале... В средней части и в конце финала много новых гармонических эффектов...»

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА

У нас мокропогодие страшное. Александр целые дни в делах, а я теперь дома отсиживаюсь. Маленькая Ли-зутка все со мной, утешительница. Отчего это мы давно не надумали воспитанницу взять? Ведь какая радость для Саши, этот теплый росточек в доме. И спокоен он, что я не одна. Девчушка славная, ласковая. Хоть всего-то ей седьмой годочек, а домовитость как у взрослой. Да и сообразительна — мы с ней помаленьку учимся теперь.

Саша, несмотря на свою научную занятость, весь захвачен новой идеей. Очень уж ему этот сюжет по душе. Каков Стасов? За одну ночь сочинить сценариум. Да они с Александром оба неистовые, оба теперь пылают. Владимир Васильевич все древние рукописи в своей библиотеке перерыл. Одних только замечаний да разъяснений сколько понаписал. Бегают друг к дружке, советуются, спорят, мечтают... А дома Саша разгорячится да все читает мне вслух: то из «Летописи», то из «Слова о полку Игореве», то из сценариума. Чистая правда, замечательно подробно Стасов все сделал — ясно, как на ладони. Балакирев совсем разомлел, доволен. Как не разомлеть, когда трое, да, трое его «деток» на подвиг пустились. Модя вовсе одержимый, у него «Борис Годунов» зреет. Корсинька из времен Грозного «Псковитянку» пишет. Все трое сюжеты из русской истории взяли. Только уж и не знаю, как Сашура сумеет такую глыбу свернуть. Хоть и говорит, что сладит, — «волков бояться, в лес не ходить...». Ведь не живет, вертится, как в колесе. А тут еще Сеченов с Менделеевым тянут его организовывать не то

университет, не то еще какое-то заведение для женского образования.

БАЛАКИРЕВ

Какими силами заставить этого кроткого упрянца заниматься настоящим делом? Его дело грандиозное, он, может быть, новый Глинка?! А тут, извольте... разные глупости встречаются. Съезды, конференции, женское образование. Встречаемся. Спрашиваю:

— Вы, Александр Порфирьевич, когда собираетесь романс Кончаковны закончить?

Мнется. Мямлит. А потом — бух! «Я, — говорит, — решительно отрекаюсь. Куда мне, в самом деле, связываться с оперой». Меня как громом ударило. Год! Год работы пошел прахом. Начинаю убеждать, напоминать, только что на голове не стою для его воодушевления. Тщетно. Все наши свидания и разговоры впустую. И это воплощение доброты?! Да это разбойник, каких свет не видывал! Такое музыкальное чудо забросить. Подумать только... Кипел, кипел... вот те на! — выкипел! И на все мои уговаривания ладит свое да еще успокаивает: «Насчет матерьяла не волнуйтесь. Не пропадет. Весь пойдет на новую симфонию». Утешил, называется. Когда в нем такая силища! Ежели глупости свои химические бросит, так хватит и на пять опер, и на десять симфоний. Один Бог знает, чего бы еще только замечательного не вышло тогда.

БОРОДИН

Мое отречение от «Игоря» повергло музыкальную братию в уныние. «Плач и стон великий над Русской

землей». Обороняюсь от наскоков Милия. Он так гневается, что, того и гляди, в порошок меня сотрет. Каково химической кафедре, ежели ее начальник станет жить в сыпучем состоянии?

Стасов, наш неистовый Бах, совсем расстроен. Правда, я ему позолотил пилюлю, постарался смягчить удар.

Принес в кружок новый романс. Вещь хорошая. Много огня, блеску, мелодичности. Опять молодец барышня Пургольд, опять надо кланяться и благодарить. Ведь каждую мою новую штуку замечательно поет. Получаю такое наслаждение, будто это не Бородин, а она, душ енька Саш енька, насочиняла. Простите-извините, сочинял все-таки я. И не одну только музыку, но, по своему обыкновению, и словеса. Да-с. Эта штука, «морская баллада» моя, ценится теперь нашими крайне высоко. Балакирев и Кюи в восторге, Бах просто с ума сходит. Вот я ему «Море» и посвятил. Что тут восторгов было! Вообще кружок наш как-то опять забурлил, Милий воспрял духом... Только ведь у всех уж свои крылья отросли. Всякому на свою дорогу хочется.

Персона моя последнее время в большой моде. То ко мне налетают «все народы», то зовут наперерыв к себе. Не идешь — думают: «Вот господин, пресыщенный обществом». Что значит пребывать большую часть жизни соломенным вдовцом! — так и видят в тебе прожигателя жизни, бонвивана. А мне бы попросту соснуть часок лишней. Впрочем, сегодня непременно иду к Пургольдам. Там поют насквозь всего «Каменного гостя». Интересно.

К ЕКАТЕРИНЕ СЕРГЕЕВНЕ БОРОДИНОЙ

6 мая 1870 года.

«...К Корсиньке я попал рано утром... Корсинька живет теперь один, нанимает комнатку за 11 рублей. Он обрадовался мне неописанно. Велел тотчас же поставить самовар и начал сам чайничать, и преуморительно: длинный, в партикулярной жилетке, неловкий и весь сияющий от радости, он размахивал руками, кричал, заваривал чай, раздувал самовар и наливал. Умора! Мне ужасно жаль, что ты не могла его видеть...

Потом я ему наигрывал новую симфоническую вещь, которую я теперь стряпаю (ту, что наигрывал тебе в Москве). Кореец неистовствовал и говорил, что это самая сильная и лучшая из всех вещей. Так кричал и размахивал руками! Оттопыривал нижнюю губу, мигал и подыгрывал то бас, то дискант. Кроме того, мы еще кое-что посмотрели. От него думал отправиться в час. Только слышу — бьют часы... Считаю — раз, два, три, четыре!

Это с половины десятого-то! А между музыкою мы не забывали пропускать чаи и усидели вдвоем — два самовара! Я давно так всласть не музицировал и не пил так много чаю...

У нас все по-старому. «Тетушка» невольно поддалась губельному направлению, влекущему женщин в бездну, — т. е. изучает медицину. Постоянно застаю ее читающей: то Курс Акушерства, то Специальную Патологию, то Хирургию, то Гигиену, то Судебную Медицину. Вот-те и прогресс! Как есть передовая

женщина! И очки, и волосы стриженные, и медицинские книжки читает!»

ОТ АВТОРА

Получить высшее образование, жить своим трудом — эта возможность долго оставалась «запретным плодом» для русских женщин. Учительство и врачевание — вот те сферы, где они прежде всего желали приносить пользу. Между тем газеты всерьез обсуждали проблемы: «Могут ли женщины быть врачами?», «Могут ли девицы посещать публичные лекции по физиологии и прилично ли это?». Пока шли дебаты, отважные одиночки уезжали учиться в Швейцарию. Однако, вернувшись на родину, не находили работы. Передовая профессура решила добиваться открытия особых женских курсов.

МЕНДЕЛЕЕВ

Нынче заседал наш комитет. Дамы-учредительницы затевают серьезное дело. Боюсь, однако, что министр струсит, дойдет до государя, а тот уж, конечно, не разрешит никаких женских университетов. Только и слышишь отовсюду: «Помилуйте, женское предназначение быть матерью!» Ну и отлично. Но отчего же не быть образованной матерью? Я не о танцах да языках говорю. Я говорю о настоящем образовании. Что за пошлость, что за глупость все эти рассуждения о «приличиях», о том, что-де «женский ум не в состоянии объять» и прочее. Да с их терпением, с их тонкостью, душою каких еще врачей образуем! Силы собираются значительные. Сорок три профессора! Правда, с самого начала есть одно большое препятствие. «На какие деньги, — спрашиваю, — предполагаете вы учредить

целый университет?» — «Надеяться можем только на плату за обучение».

Это никуда не годится. Да разве мыслимо назначить сколько-нибудь значительную плату? Разве тогда народ сможет учиться? Вот и получается, что рассчитывать не на что. Правительство никаких субсидий не даст. Искать благотворителей? Будем искать. Пока надобно разрешения добиваться. Здание еще получить в аренду. Пошла речь о профессуре. Кто какой гонорар запросит? Встает Сеченов и предлагает каждому ответить закрытой записочкой. Написали. Вскрыли записки. И тут я за нашу братию погордился. Все сорок три одинаково назначили: «первый год читаем даром». Рад я был встрече с Бородиным при таких обстоятельствах.

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА

Получила от Сашуры последний его портретик. Очень он хорош в новом бархатном пиджаке. Просто фронт. Наконец-то снял этот отвратительный старый сюртук. Пора уж, кажется, ходить не оборванцем. Живет, как вечный студент. А расходов, расходов — тьма! То у меня кругом прорехи, то «тетушка» на краю разорения, то сам неимущих студентов ссужает. И все это держится на одном его казенном жалованье. Мне только и повторяет, чтобы не сэкономила, чтобы ни в чем себе не отказывала и даже бы не задумывалась. «Как же, — говорит, — можно жалеть денег на здоровье? Это безрассудно. Ведь не жалеем на разные глупости, на какие-нибудь тряпки, сапоги, театры, концерты...» Для других ничего, правда, не пожалеет. А сам... у меня сердце перевернулось, как я узнала, что он опять шинель новую себе не заказал. Что же, в самом деле, разве

профессор Бородин какой-нибудь Акакий Акакиевич? Осмотрел старую и нашел еще вполне годной! Только, мол, коротковата. Знаю, не заказал, потому что финансисты мы никудышные. Какие-то он там бумаги закладывал, выкупал, перезаклаживал, опять выкупал. Ну, при тех же доходах и остались. Слава богу, хоть в трубу не вылетели. Тем временем шинель-то и не на что справить. А мне по-прежнему пишет: «Трать, сколько надо, пришлю еще, только бы ты, моя радость, была поздоровее».

К ЕКАТЕРИНЕ СЕРГЕЕВНЕ БОРОДИНОЙ

4 октября 1871 года.

«...Видел пресловуто измышленную карикатуру на наш кружок. В центре изображен Бах — русским мужиком, водящим на цепи медведя. У Баха в руках труба славы, в которую он трубит. Медведь, разумеется, — Милий; в правой лапе — дирижерская палочка. Кюи изображен в виде лисицы, виляющей хвостом, на передних лапах лавровые венки, назначенные им для избранных, на лапах здоровые и зловещие когти, выразительно растопыренные; словом: «не подходи! не то больно достанется!» Модинька — петух, с важной осанкой. Корсинька изображен в виде длинного морского рака, одною клешнею держащего за руку Баха, другою — обнимающего Надежду Пургольд. Обе Пургольд изображены в виде собачек, одетых в платья, маленьких и пляшущих в угоду остальным. Я изображен в мундире, в очках, поднявшим руки к ушам и бегущим прочь от всего этого сумбура...

У меня были Модя, Корея, Н. Лодыженский, которые все с ума сходят от финала моей симфонии; у меня только не готов самый хвостик. Зато средняя часть вышла — бесподобная. Я сам очень доволен ею; сильная, могучая, бойкая и эффектная».

МУСОРГСКИЙ

Эй, почтенны господа, захватите-ка глаза, подходите, поглядите, подивитесь, полюбуйтесь. Полюбуйтесь на нашу могучую кучку, сделайте милость. Полюбуйтесь, покуда не развалилась! Разливалась реченька на три рукава: один рукав леском пошел, а другой рукав по песочку повернуло, а третий так и вовсе вывернуло... Худые времена наступили. Милий изранен в неравной борьбе. У Милия на шее Бесплатная школа. Бесплатная! А сиятельных покровителей у нас нет. Так что остались на грядущий сезон нищими и концертов давать нет никакой возможности. Злодеи говорят: «Балакирев спятил!» Да это он с отчаянья в мистицизм впал. Никогда богу не молился, а теперь вдруг в черта уверовал. К ведьме-гадалке ходит! Ищет у нее управы на врагов. И все это обставлено так мрачно, таинственно. Всяких свиданий с нами он избегает, от кружка явно уклоняется.

Дирекция Императорских театров вернула мне моего «Бориса». К постановке не одобрили. Брани не слышно, но чувствую, как у них там глаза на лоб повылезли. Что за опера такая, ни на что не похожая? С горя я, грешный, совсем заболел. Спасибо «музикусам», упасть не дают. Поразмыслили все вместе и благословили на переделки. Ум хорошо, а пять лучше.

Тороплюсь, сижу ночами. Люблю, люблю, когда так сочиняется. Не остыть бы...

А какую штуку удрал «бурь морских адмирал»? Поступил профессором не куда-нибудь — в Консерваторию! Правда, пока еще ходит в морском мундире. По-моему, просто опасается идти в отставку. Думает, не по ошибке ли пригласили? Преподает сочинение и инструментовку. Каково? Мы теперь решили поселиться вместе. Авось из двух противоположностей выйдет полезное влияние. Надолго ли? Корея очень и очень поглядывает в сторону Наденьки Пургольд. Как бы не устремился в сети гименеевы. Что же, дай им Бог. Она, конечно, музыкантша превосходная и девушка сердечная. Да и в семье у них всегда душевно, тепло, весело. Наша общая страсть к домашним спектаклям процветает. И прозвищами уж непременно нас всех наградили. Корею характеризовали прекрасно: «Искренность». А Цезарю досталась «Едкость». Я премного доволен, именуюсь у барышень «Юмор» или «Тигра», Порфирыч — «Алхимик». Он, бедняга, все сражается за женский университет. Время от времени поигрывает нам с Кореей из своей новой симфонии. Так мы просто с ума сходим от восторга. Только бы кончил!

К ЕКАТЕРИНЕ СЕРГЕЕВНЕ БОРОДИНОЙ

Осень 1871 года.

«...Вчера у меня были Модя и Корея. Они мне переиграли все, что написали. Как теперь хорош «Борис»! Я уверен, что он будет иметь успех, если будет поставлен...

Корсинька совсем в эмпиреях от своей новой деятельности. В самом деле, редкий музыкант может быть так счастлив, как он: вступил на музыкальное поприще как раз в то время, когда был запрос на русских музыкантов; сразу имел блестящий успех, который уже упрочен за ним навсегда; не нажил себе врагов ни в одном музыкальном кружке, которые в один голос признали за ним все его достоинства; получил теперь место, которое его обеспечивает материально и более, чем всякое другое, отвечает его духовным и материальным потребностям. В самом деле, его «оркестровый класс» ровно столько же полезен для него, как и для учеников его. Прибавь к тому, что Корсаков — даровитая и симпатичная натура — заступил место полуидиота, над которым все смеялись только! Можешь себе представить, следовательно, как Корея должен был приковать к себе сердца всех консерваторцев, играющих под его управлением!..»

БОРОДИН

Смешные люди наши «музикусы». Сколько уже лет крутят шарманку все с тем же мотивом: «делом занимайся, делом занимайся...» Как будто всерьез думают, что я брошу химию. А ведь и правда надеются. На последнем вечере у Шестаковой Модест так разошелся, что Людмила Ивановна сама за меня заступаться начала: «Мусинька, ну что Вы на Александра Порфирьевича нападаете? Его уж и так на тысячу ладов терзают». Модест изобразил послушание, затих, а там пошли наши обычные разговоры да музыкальные разборки. В половине одиннадцатого Людмила Ивановна складывает свое рукоделие и Модя кричит: «Первое предупреждение дано!..» Но ведь у нас как водится? Если

разойдемся, остановить трудно. Хозяйка немного послушала, как мы «преем», и встает уже с кресла. Модя, как будто в испуге, шепчет: «Второе предупреждение. Третьего ждать нельзя. А то нам скажут: «Пошли вон, дураки!..» Тут уж все — в хохот. Представить нашу благородную Людму Агафьей Тихоновной никак невозможно. Поднялись, всякий шаркнул ножкой, затолпились в прихожую. Вдруг, под шумок, Людма мне пенячь стала:

— Что это Вы, Александр Порфирьевич, так несерьезно о себе высказываетесь: «воскресный композитор», «ищущий неизвестности», а то и еще похуже?

Батюшки светы! И тут та же шарманка. Ну, я вроде Мусиньки — созорничал. Спрашиваю:

— Видели Вы, Людмила Ивановна, на Литейном, близ Невского, магазин игрушек? Там замечательная вывеска: «Забава и дело».

— Это Вы к чему?

— А вот, видите ли, для меня музыка — забава, а химия — дело.

Только головой на мою дерзость покачала да вздохнула, голубушка. Так ведь я и сам вздыхаю. И частенько. И тяжеленько.

К ЕКАТЕРИНЕ СЕРГЕЕВНЕ БОРОДИНОЙ

12 ноября 1871 года.

«...У меня опять пошло на лад по части устройства лаборатории — столяры пилят, стучат, долбят, строгают; на пол летят щепки и стружки, в комнате воняет клеем и... доказательством натуги, с которой работают столяры. Сегодня газовщики принялись за работу, а печники покончили с ней. Все это требует постоянного надзора и понуканий...

Увы! кажется, мне придется раскошелиться и сделать новую шинель; прежняя до срамоты неприлична — просто стыдно днем ходить по улице. До свидания, скорого, радостного, хм-хм-шного, очень хорошего!

Жду тебя с нетерпением».

БОРОДИН

Жду мою Сергевну со дня на день. Погода хороша, легкий морозец. Нева вся подо льдом, и мост наведен. Дома теперь печи отличные, в квартире тепло и вентиляция хороша. Если милая Точечка не скиснет, устроим святочные игрища.

Ну, слава богу. Милая Зозо — умница. Приехала благополучно, держится молодцом. Страсть как занята! Напридумывала всяческих смешных штук для вечера. Сейчас нашивает звезды и блески на трико. А трико-то ведь я надену. Буду изображать царя Менелая и плясать нечто невообразимое, какой-то «греческий канкан». Вот что!

ОТ АВТОРА

Бородины решили устроить не просто вечеринку, а «складчину», чтобы пришло как можно больше народа. Если все получится удачно, можно завести обычай —

танцевальные вечера. Пока что они рассылают веселые записочки в таком роде, что «плясы и чертобесие имеют быть в фармакологической аудитории 6 января 1872 года». Каждый должен явиться в маскарадном костюме. В назначенный день рояль выкатывают в коридор. Все двери распахнуты. В профессорской квартире беседуют и закусывают, в коридоре прогуливаются и поют. Эстрадой служит большой обеденный стол. Фармакологическая аудитория превращена в танцевальную залу и нарядно декорирована.

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА

Как я рада, просто сказать не в силах, как рада. Вечер прекрасно удался. Костюмировались все с великой выдумкой и озорством, кадрили учинили преуморительную. Александр в своем блестящем трико и короне смешил народ беспрерывно. Он и за роялем продолжал свои шутки — наимпровизировал пропасть курьезов. Мы с ним садились к фортепьяно по очереди; играл кое-кто из молодежи. Музыка у нас не умолкала и плясы шли почти непрерывно. Сожгли великолепный фейерверк, на том стали и расходиться. Уж не знаю, умеют ли еще где так беситься! А мой «ребенок» — главный заводила, даром что теперь и ученики его состоят в преподавателях. Вот Доброславин Алексей Петрович уже в доценты вышел, да тоже как дитя озорует. И Машенька, жена его, повеселиться умеет. Сашуру они боготворят. Машенька мне говорила: «Такой чарующей природы, Катерина Сергеевна, я еще ни в ком не встречала. Есть ли хоть что-нибудь на свете, от чего «А. П.» может рассердиться или пасть духом?» Я и вспомнила, как утешал меня Саша в плохие минуты, как учил радоваться каждой малости. Надо брать от жизни

что можно и мириться с тем, что ее портит до известной степени, чего изменить нельзя. Тут самая простая правда. Что ж делать? Унывать еще хуже. Только я это себе без толку повторяю, а у него сама натура так счастливо устроена. Кто бы еще так спокойно терпел вечную толчею в доме? Кто бы приводил и к завтраку, и к обеду, и к ужину всех, кто есть в лаборатории? А тех, кто до ночи заработается, тех и спать положит. Кого в своем кабинете, кого на полу в гостиной. Ну а сам где попало пристроится.

ОТ АВТОРА

Как, вероятно, помнит читатель, профессорская квартира расположена весьма неудобно, вперемежку с разными аудиториями и лабораториями. Весь день Бородин волей-неволей на людях и доступен каждому, у кого до него дело. Идут к нему все — родственники, студенты, знакомые, знакомые знакомых, и у каждого своя печаль, какие-нибудь нелады. Хлопочет, помогает, устраивает советует, ищет нужных людей. И при этом не устает повторять: «Если каждый человек хоть двоим поможет, насколько меньше несчастных будет на свете?»

В четырех тесноватых комнатах вечно кто-нибудь живет, кого-то необходимо приютить на время. А любимый ученик Александрюшка Дианин и вовсе днюет и ночует у Бородиных. По поводу «строгого назначения» каждой комнаты профессор любит пошутить: «Вот эта называется моим кабинетом, потому что в ней спит Александрюшка. А эта называется комнатой Кати, потому что мы здесь обедаем...» А обед-то при безалаберной жизни тоже «всегда в строго определенное время». Время растягивается от утра до двенадцати часов ночи.

Но поистине золотой характер у профессора. Посмеется на все неурядицы, на том дело и кончится.

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА

Что-то придумать надо, Лизутка подрастает. «Тетушка» было без угла осталась. Управляющий ее до того разорил, что пришлось дом продать. Долго мы ее к себе звали. Не соглашалась. Вообразила, что по старости своей может стать обузой. И велела Саше нанять ей комнату в хорошем приюте. Тут уж я решительно воспротивилась. В конце концов уговорили переехать. Да я Авдотье Константиновне самый верный резон представила: ей надо Сашеньку опекать. Особенно когда меня в Петербурге нет. Экономку ее к нам по хозяйству пристроили. Ну а сама пусть только за «котиком драгоценным» приглядывает. А пригляд правда нужен. Ведь он что тут без меня учудил? Собрались «все народы», сидят, целый вечер пьют чай, разговоры разговаривают. Время позднее. Вдруг Александр встает:

— Ну, господа, пословица говорит — «порядочные люди посидят да уйдут». Пора и по домам.

Все так и онемели. А он простился, пошел в прихожую, надел пальто, калоши и ушел. Через минуту возвращается ужасно сконфуженный. Гости хохочут, он вместе с ними:

— Я вообразил, что в гостях засиделся. А попал из подъезда на набережную, так понял...

И еще пуще хохочет-заливается. Ну хорошо, все шуткой кончилось. А если неприятность случится какая-нибудь при его вечной рассеянности? Вот так-то и уговорили Авдотью Константиновну.

ОТ АВТОРА

Сначала — небольшая хронологическая справка. 5 сентября 1872 года профессор А. П. Бородин утвержден преподавателем химии на Женских курсах ученых акушерок при Медико-хирургической академии. Документом от 11 октября 1872 года установлено ему вознаграждение семьсот рублей в год. Но никаким документом не установлено, сколько новых забот и хлопот, сколько беспокойства за судьбы молодых слушательниц принял он на себя совершенно добровольно, просто потому, что такова уж его натура.

1 ноября 1872 года открыт «Женский курс при Императорской Медико-хирургической академии для образования ученых акушерок». Лекции намечены по полной программе медицинского образования. Среди профессоров выдающиеся ученые — Бекетов, Бранд, Овсянников, Сеченов, Бутлеров, Менделеев, Бородин.

Много толков вызвало это небывалое в России явление — девушки-курсистки. Много злобы и пошлости готовится в их адрес. Но есть и защитники, их тоже немало. Художник Ярошенко напишет прелестный безымянный портрет, создаст «общий образ» курсистки. Писатель Глеб Успенский тут же отзовется:

«...И вот художник, выхватывая из всей этой толпы «бегущих с книжками» одну самую ординарную (за исключением типичности лица), обставленную самыми ординарными аксессуарами простого платья, пледа, мужской шапочки, подстриженных волос и т. д., тонко и деликатно передает нам самое главное, самое важное во всем этом, что мы, «публика», изжевали своими разглагольствованиями; это главное — чисто женские,

девичьи черты лица, проникнутые на картине, если так можно выразиться, присутствием юношеской светлой мысли... Вот это изящнейшее, невыдуманное и притом реальнейшее слитие девичьих и юношеских черт в одном лице, в одной фигуре, осененной не женской, не мужской, а «человеческой» мыслью, сразу освещало, осмысливало и шапочку, и плед, и книжку и превращало в новый, народившийся, небывалый и светлый тип».

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

Нынче летом, 30 июня, была моя свадьба. Прямо после свадебного обеда мы с Надюшей отправились в заграничное путешествие. Шафером моим был Мусорянин. С печалью на сердце я оставил Модеста на одинокое холостое житье-бытье. Тревожит усердное поклонение Бахусу и чрезмерные возлияния. Слишком это пагубно сказывается на его нервной натуре. Есть и другая печаль у нашей музыкальной братии. Война Балакирева с Музыкальным обществом проиграна. Бесплатная школа осталась уже совершенно без средств. Все наши попытки завлечь Милия в кружок, как-то развеять его мрачные мысли терпят неудачу. К такой громадной личности судьба так несправедлива!

ОТ АВТОРА

Попробуем разобраться в сложностях существования Бесплатной музыкальной школы, балакиревского кружка да и самого Балакирева. Противостояние началось сразу же. С одной стороны — Русское музыкальное общество, имеющее большие средства и богатых покровителей, прежде всего — великую княгиню Елену Павловну. («Балакиревцы»

довольно едко называют ее «муза Евтерпа».) Этот круг публики интересуется прежде всего музыка «модная» и «сладкозвучная», их вовсе не волнует «обширный и разнообразный репертуар». С другой стороны — Бесплатная школа, где все держится на энтузиазме ее создателей и преподавателей, людей по большей части небогатых. Ученики тоже все неимущая молодежь. А сам Балакирев живет временами буквально на грани нищеты — нет денег на квартиру, нет приличного костюма, сапог. Он хлопочет о деньгах, но не для себя, а только лишь на нужды школы. Все сборы от концертов школы идут, конечно, на ее же содержание. И все-таки огненный талант Балакирева вынуждает «стан противников» прибегнуть к его мастерству. Два сезона он блестяще руководит концертами Русского музыкального общества. Но «покровителей» не устраивает ни его характер, ни его пристрастие к «молодой музыке», ни его демократические взгляды. Балакирев отстранен от дирижирования концертами Общества. Положение школы весьма шатко, неудачи следуют одна за другой. В защиту замечательного музыканта Стасов и Чайковский публикуют статьи, со всей страстью высказываются за справедливость. Но ни газетные статьи, ни хлопоты друзей не помогают.

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

Да, «нет правды на земле». Милий совсем ударился в мистицизм. Теперь он уже не в черта верует. Верует, истово верует в Бога. И все происходящее с ним приписывает Божьему промыслу. Куда девалась его неодолимая сила, его страшная энергия? Всему покоряется без ропота. Твердит о бессмысленности всей своей деятельности: «нет на нее благословения». Все

бросил. Всех бросил. Собирается поступать на службу в управление Варшавской железной дороги. Немыслимо, невероятно! Из безусловно неверующего человека образовался религиозный мистик и фанатик. А доктор-то наш, Бородин, давно уж неладное заметил. Мне еще говорил: «Страх боюсь, чтобы Милий не кончил тем же, чем кончил Гоголь...» Тяжко думать об этом, ведь это подобно моральной смерти.

Осень. Мы с женою поселились в славной квартирке на Шпалерной. Замечательно красиво витает в конце улицы Смольный собор. Словно роскошный орган высится в нашем сером петербургском небе. Впрочем, для меня теперь небеса должны сиять непрестанно — в Ма-риинском театре репетируют «Псковитянку». Мало того, нацеливаются еще на Мусорянина, ставят отдельные сцены из «Бориса». Аи да русская опера, совсем осмелела!..

Дожили мы, кажется, до лучших времен. «Псковитянку» дали чуть ли не подряд пятнадцать спектаклей. И сцены из «Бориса» прошли с громадным успехом. Собрались у нас и празднуем великие события. Бородин передает в лицах, как студенты-медики с восторгом толкуют о «Борисе». Да и псковский элемент им по душе: всласть орут в академических коридорах мою «песню вольницы». Господи, если бы Александр Пор-фирьевич не бросил своего «Игоря»! Теперь было бы нас трое на Мариинской сцене. И, глядишь, не он ли тогда оказался бы впереди всех? Нынче Стасов говорит о нем не иначе как «силач Бородин», а симфонию его новую прозвал «львиной» и «богатырской». А я опять думаю со страхом: ну, как и эту бросит; ну, как не окончит!

БОРОДИН

Лето сейчас в самом разгаре. Я ужасно доволен, что нынче мы не забрались в какую-нибудь российскую глушь. А то каждый раз боязно думать о нашем возвращении «налегке», с багажом в 7 пудов 35 фунтов, не считая пледов, зонтиков, мешочков, грибочков, живых карасей, вареных яичек, каленых орехов, узла с огурцами, узла с репою, корзинки с пирогами и прочая, прочая, прочая. Решили не покидать первопрестольной. Поселились на даче в Сокольниках. Полнейшее благорастворение воздуха. Прекрасные липовые аллеи, громадные дубовые рощи. А подальше, говорят, дремучие леса.

Там, если захочешь, и заблудишься. Там тебе и чудеса, и леший бродит, и возле пруда будто бы даже русалка на ветвях сидит.

Жара, грозы, ливни, опять жара. Словом, лето во всей красе. Нагуливаю аппетит к музыкальным занятиям.

16 июля. Срочно еду в Петербург. Телеграмма о скверном состоянии «тетушки»...

Конечно, я доктор, я видел много больных и умирающих людей. Я знаю эту тьму и пустоту перед глазами. Все кончилось, и никто не спас. Потом эта тьма въедается в твою душу, убивает всякую радость... Сознание своего бессилия. Сознание непереносимое. Но до какой степени отчаянно положение, когда ты вместе и сын, и доктор! Все вижу, все знаю и понимаю, но ничего не могу поправить. Поправить какой угодно ценой. Но нет такой цены. Нет такого знания. Нет такого умения. Обманывать себя нечего. Состояние «тетушки» крайне

плохое и трудное. Предсказания мои самые скверные. Или все кончится в несколько дней, или пройдет несколько месяцев чисто растительной жизни. Паралич тяжелый. Речь едва можно разобрать. Беспмятство, бред. Беспокоится о каких-то ботинках, собирается домой... В первую минуту, как я вошел, она меня тотчас узнала. И опять беспмятство. Хотел дежурить ночью, да сиделки мои меня отправили в кабинет.

Утром рискнул даже уехать из дома. Нотоиздатель Бессель требовал передать мои поправки к симфонии.

Вернулся. Все то же...

Третий день все в том же состоянии. Я ужасно тронут и благодарен всем, кто ходит за «тетушкой». Доктор приезжает каждый день. Экономка при ней почти неотлучно. Проявляет чудеса терпения и выносливости. Сам я теперь как-то отупел и покорно жду...

«Тетушка» пришла в себя. Что-то силилась мне сказать. Наконец понял. Беспокоится за Катю. Я сидел рядом, говорил что-то ласковое, бормотал успокоительный вздор, гладил ее лицо. Она все пыталась поцеловать мне руку. Опять ушла в беспмятство. На сердце какое-то щемление. И словно в чем-то виноват. Душенька моя родная. Сладко ли было ей всю жизнь оставаться «тетушкой»? Матерью я ее не назвал ни разу. Так решила, так и прожили. А лучшей матери я никогда не пожелал бы... Тяжело. Тяжело, смутно. Господи, натура моя, помоги мне, дай силы...

23 июля 1873 года, понедельник. В 8 часов и 6 минут утра — скончалась...

ОТ АВТОРА

« Санкт-Петербургские ведомости ». Корреспонденция из Казани, 22 августа 1873 года.

« В понедельник, 20 августа, произошло открытие предварительного собрания Четвертого съезда русских естествоиспытателей и врачей. Зала университета была убрана растениями, первые ряды кресел отведены для гг. членов съезда... Из списка видно, что число членов съезда простиралось 20 августа до 150 человек, в том числе 39 приезжих; из последних назовем профессора Медико-хирургической академии А. П. Бородина и профессоров Петербургского университета К. Ф. Кесслера и А. М. Бутлерова ».

Работа химической секции на съезде проходит чрезвычайно интересно. Одно сообщение следует за другим, дискуссии бурные, направлены исключительно к достижению истины в научном споре. Сообщения Бородина вызывают уважение и удивление не только по количеству их (целых семь!), но и по значительности содержания. Лаборатория Медико-хирургической академии приобретает все больший вес. Бородин, конечно, горд такими результатами. В Казани, что его искренне удивляет, Бородина прекрасно знают не только как ученого, но так же как музыканта. Специально интересуются им как композитором, приглашают на вечера.

К ЕКАТЕРИНЕ СЕРГЕЕВНЕ БОРОДИНОЙ

Казань, август 1873 года.

«...Я извлек здесь много самых полезных сведений, установил полезные и приятные отношения, завязал множество интересных для меня знакомств и пр. Вообще для меня — съезд удался как нельзя более...

Было публичное заседание, речи и т. д. Затем мы осматривали различные университетские учреждения. В 6 часов публичный обед членам съезда в Дворянском собрании... После обеда, когда остались одни члены и кое-кто из публики неофициальной, стало очень весело и пошло чертобесие. Пели «Гаудеамус», «Вниз по матушке по Волге»; профессора пустились в пляс; оркестр валял Камаринскую, а ученые мужи задали выпляску на славу — кадрили, мазурку... Публика растрогалась — начали качать председателя съезда; учредителя съезда; любимого старшину клуба; Бутлерова (как популярнейшего ученого всей Казани и бывшего ректора университета). После этого неожиданно подлетели ко мне, грешному: «Бородина! Бородина качать! Он не только хороший, честный ученый, но и хороший, честный человек!» Десятки дюжих рук подняли на воздух мое тучное тело и понесли по зале. Покачав на «воздусях», меня поставили на стул, и я сказал спич — в качестве представителя Женских курсов... Я сказал горячую речь, провозгласив тост за процветание специального образования женщин. Поднялся гвалт, и мне сделали шумную овацию...»

БОРОДИН

Петербург встретил меня превосходно. Тихо. Тепло. Сухо. В доме все обычным порядком, то есть в полном беспорядке. Сердечная тоска от вида опустелой «тетушкиной» комнаты. Экономка бестолкова до ужаса. Везде пыль, блохи, столы пусты, углы завалены... Лучше всех поживает в этом бедламе Катеринкин любимец Васенька. Толстый, пушистый, гладкий. Спит себе в решете на шкапу и в ус не дует. Теперь же облюбовал мой стол. Спит посреди книг, и не дай бог потревожить. Кажется, Вася видит во мне родственника. Считает за такого же большого толстого кота. Решил скрашивать мои ученые занятия своим сочувствием. Устраивается воротником вокруг шеи. Но это еще не самая большая его милость. Когда в прямом смысле садится мне на шею и причесывает мою роскошную плешь мокрым языком, вот это уж, по его мнению, почести для какого-нибудь императора Вильгельма или шаха персидского. Вообще же Василий существо весьма самостоятельное и характер имеет независимый. Чуть что не по нем — хвост трубой и деру. Одной Лизутке позволяет над собой тиранствовать. Лизу, хоть и с превеликими трудами, наконец-то пристроил к учению. Конечно, не обошлось без слез. Ну да ничего, немножко пообвыкла. Приживается в институте. Сама довольна, и ею довольны. Наши с ней уроки тоже даром не пропали. Поехал недавно навестить. Выбегает ко мне, а на рожице какое-то такое выражение особенное. Гляжу, у плеча красный бантик завязан. Это она, оказывается, на занятиях отличилась. Смотрит на меня, глазенки сияют... Тут взыграли во мне родительские чувства: глаза защипало, нос покраснел. «Ах, — говорю, — что такое? Насморк подхватил». И

быстро так платочком закрылся, и отвернулся, словно сморкаюсь. Вот... девчонка наша славная!..

Скоро два дня праздников. Заберу ее домой. Да пора и сводить куда-нибудь. В цирк, в театр. А может, и в музей естественный. Что-нибудь придумаем. Лизун радуется, а мне развлечение.

ОТ АВТОРА

Между тем о свободных днях для композиции не приходится профессору мечтать даже и в кратковременном сне. Со всем пылом натуры он «въелся» в деятельность на Курсах. Лекции, практические занятия, устройство специальной лаборатории для слушательниц. Выясняет, что неимущих девушек огромное большинство. Значит, надо образовать общество вспомоществования и, уж конечно, придется самому стать казначеем. Можно найти еще одну статью дохода — организовать на курсах хор, давать благотворительные концерты. Он уже заметил между своими ученицами несколько отличных контральто и сопрано. Дела, дела да заботы.

БОРОДИН

Скверная петербургская погода разыгралась. Я сижу у Кюи. Вдруг прибегают с известием, что вода сильно поднялась. Тут же услышали пальбу петропавловской пушки. Собираюсь скорее домой, пока Литейный мост на месте. Кюи отговаривает, время идет, я нервничаю. Все-таки отправился. Бегом по улице. Ветер валит с ног, в лицо метет всякий мусор, вода в Неве прибывает. Не знаю, как я проскочил по мосту. Казалось, его сейчас

разнесет вдребезги. Нева ревет, волны и выстрелы грохочут, барки разбиваются в щепы. Картина ужасная. Дома страшный переполох. Подвал залит, в коридоре свалены какие-то узлы, самовары, дети, кошки, перины. Бабы и служители галдят. Я кинулся спасать лабораторию. Перетащил все в безопасное место, на том в заботах о своем «движимом» и успокоился. Утро. Вода спала. На улицах множество душераздирающих картин разрушения.

Лежу с больной ногой. Возле меня мурлыкают Вася и Лизутка. Вася избрал теперь вместо подушки мое кругленькое брюшко. Лиза страшно довольна, что взяли домой. Сидит рядышком и одолевает меня чтением вслух. Впрочем, я слушаю с большим удовольствием. Переношусь мысленно во времена своего детского чтения. Простите-извините, бездельничаю. Тело мое на кушетке, а дух витает в доме у Стасова. Бах сегодня собирает «заседание музиков». Полагаю, Модеста они опять не дождутся. Он теперь заседает все больше в трактире на Морской. Боюсь, как бы он окончательно себя не потерял. Уже у него бывают «чертики». Но ни с какими уговорами подступиться невозможно. Когда плох, решительно не желает обсуждать свое состояние. Мрачен, желчен, раздражителен. Когда проясняется — мил, весел, остроумен. Язык не поворачивается о его трактирных похождениях беседовать. И все это творится тогда, когда «Борис» уже вот-вот целиком пойдет на сцене. Беда! Отчего это наш русский человек, если награжден буйным талантом, так почти непременно «прилежаше пития хмельного»? Ужасно, ужасно жаль его.

К ЕКАТЕРИНЕ СЕРГЕЕВНЕ БОРОДИНОЙ

Санкт-Петербург, 31 октября 1873 года.

«Сегодня мне — 40 лет! Пока было 39 и 364 дня, все считал себя моложе, а теперь 40! На Руси привыкли считать сороками, как в других местах сотнями, гроссами и т. д. Сорок сороков церквей на Москве, говорит народ; сорок тысячей — в сказках русских и былинах равносильно тьме, тысячам тысяч, несметному количеству и пр. В такой, знаменательный в моей жизни, день — как могу провести время лучше, как не в беседе с тобою?..»

ОТ АВТОРА

Вообразите теперь, любезный читатель, что минуло полтора года. На дворе — январь 1875-го. Как-то вечером наш герой просматривает «Санкт-Петербургские ведомости», раздел «Курьезы отовсюду». Насчет курьезов он не возражает. Встречаются преуморительные. Как-то:

«В Нью-Йорке на днях арестовали собаку за совершенное ею уголовное преступление. Такой же участи подвергнулась и хозяйка этой собаки, некая госпожа Боббит, которая обвинялась в сообщничестве. Г-жа Боббит ходила по лавкам в сопровождении собаки, которая, благодаря трудам и терпению своей хозяйки, до того была хорошо дрессирована, что умела стащить незаметным образом все, что попадалось ей в зубы, а потом, по выходе на улицу, вручала похищенные вещи

хозяйке. Но полиция как-то поймала их на месте преступления и арестовала обеих».

Так ведь не от хорошей жизни устраивала госпожа Боббит такой цирк. Тут не знаешь, что и воскликнуть: то ли «Да здравствует полиция!», то ли «Слава собачьему уму!». А вот этот курьез подан весьма странно. Тут, господа, все вывернуто наизнанку!

«Английские газеты сообщают довольно курьезные объяснения причин последних студенческих беспорядков в Петербурге. Мы приводим несколько выдержек из «Пэлл-Мэлл-Газет». «Уже несколько лет, — говорит она, — конференция Медико-хирургической академии разделилась на две враждебные партии — «европейскую», ратующую за прогресс, и партию «семинаристов», или «ретроградную», к которой принадлежит большинство студентов. Военный министр назначил семь новых профессоров, которым поручил сделать значительные изменения к программе преподаваемых им предметов и в порядке экзаменов. Студенты, подстрекаемые «ретроградской» партией, по поводу этих изменений и произвели беспорядки на лекции г. Циона, одного из семи вновь назначенных профессоров...»

БОРОДИН

Академия наша бурлит. Крайне скверное положение. И у нас, как везде, есть свои «темные силы». Так вот, прошли выборы на кафедре зоологии. И эти негодяи провалили Мечникова! Ученого, который сделал бы честь любому европейскому университету. Студенты взбунтовались. Сеченов немедленно подал в отставку. Покинул кафедру физиологии. Тут же на его месте

оказался пройдоха Цион. Он позволяет себе чудовищные грубости и жестокости. Студенты устроили ему демонстрацию. Тогда Цион учинил на опытах форменное зверство. И молодежь выгнала подлеца из аудитории. Занятия прекращены. Ищут виновных. Как будто не сам этот господин более всех виноват! Стыдно. На моей кафедре подозревают рассадник либерализма и только что не устраивают обыска в лабораторных столах. Все это мерзко и тяжело. Одна отрада — дела Женских курсов. Хоть и отнимают много времени, зато радость дают. Чувствуешь себя «проповедником», «светочем» и вообще прекрасным человеком. Простите-извините, совсем зарпортовался. Спешу себя оправдать. Разве гадкого человека возьмут в кумовья передовые родители? А я имел честь быть приглашенным. Шутки шутками, но растроган чрезвычайно. И до чего теперь смелая молодежь, какая решительная самостоятельность! Он — еще студент в Академии, она — на Курсах. Наукой оба увлечены донельзя, но жить-то почти не на что. Ну вот, позвали в кумовья. Устроили настоящую вечеринку, типично студенческую. Взволков я свое тучное тело под самую крышу, на четвертый этаж. Две каморки, битком набиты молодежью. Все как-то вместе и торжественно, и весело, и молодо... так молодо! Сколько благородных порывов, сколько мечтаний о собственной пользе! Слушаешь и сам молодеешь.

...Если бы я был дворянином, то устыдился бы своего герба. Отчего? А оттого, что девиз на нем непременно должен гласить: «Никогда не делай сегодня то, что можешь отложить до завтра». Но я не дворянин, а всего только «воскресный композитор». Потому со спокойной совестью откладываю и откладываю оркестровку новой симфонии. Между тем опять

зашевелился в воображении «Игорь». Откуда смелость явилась? Опять стали донимать некоторые отрывки, появились и новые кирпичики для постройки. Взятся пересматривать, дополнять сценариум. Теперь стряпаю либретто сам. Однако Стасов по-прежнему принимает во всем горячее участие. Все так же озабочен судьбой «Игоря» и трясет меня, грешного, аки смоковницу бесплодную. Толку немного. Чтобы настроиться музыкально, необходимо спокойствие. Спокойствия нет. Голова другим занята... А между тем сочинять хочется. Набросал еще струнный квартет. И опять с ужасом думаю: когда же удастся все это завершить? Смешно! Одна надежда на лето. А где и в каких заботах мы его проведем, то никому неведомо.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Часть лета прошла в деревне, часть — в Москве. Здоровье Екатерины Сергеевны не внушало опасений. Бородин работал спокойно и радостно, то и дело проигрывал своей «Сергевне» какой-нибудь удачный отрывок...

К ЕКАТЕРИНЕ СЕРГЕЕВНЕ БОРОДИНОЙ

Осень 1875 года.

«...Вести о моей музыкальной деятельности в Москве распространились с быстротою молнии... Я получил целый ряд излияний Стасова Владимира. Признаюсь, я даже не ожидал, что мои московские продукты произведут такой фурор — Корсинька в восторге, Модест тоже... Особенно меня удивляет

сочувствие к первому хору, который мы пробовали в голосах и — без хвастовства скажу — нашли ужасно эффективным, бойким и ловко сделанным в сценическом отношении. Кончак, разумеется, тоже произвел то впечатление, какого мне хотелось... Особенно он нравится Корсиньке. Ему же, равно и Модесту, ужасно нравится тот дикий восточный балет, который я сочинил после всего в Москве, помнишь? Вообще в этом году никто не бранит меня за бездеятельность по музыкальной части...

...Я теперь действую уже вполне, кроме лаборатории: лекции идут и у мужчин и у женщин; вчера было защищение диссертации, где я был оппонентом. Вечером был в заседании Химического общества, где сделал сообщение о моей работе, что напечатал летом в берлинских «берихтах».

Третьего дня у меня был Корсинька и принес мне стопочку нотной бумаги, на первом листе которой начертал: «Князь Игорь», опера в 4-х действиях А. П. Бородина.

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА

Нынешней зимой у нас еще шумнее, еще беспокойнее. Молодежи полон дом. Толчея, базар, приходят, уходят, едят, пьют. Александрюшка Дианин теперь совсем уж с нами живет. Лизутка стала большая девица, так и пышет здоровьем. Старик Васенька пожалован в экс-короли. По столам разгуливают два молодых кошачьих принца. Вероятно, по примеру Шашиных учеников молодые коты наши ужасно увлеклись

химией. Только что не ночуют в лаборатории. А на опытах присутствуют обязательно.

Теперь у нас нет бальной залы в фармакологической аудитории. Однако наше курьезное «Общество приятных телодвижений» все еще держится. Хотя и редко, а собираются поплясать у кого-нибудь на дому. Теперь, правда, какой-то мор напал на бальный элемент. Кого дети малые не пускают, кто в отъезде, кто в болезни. Александр для плясов и вовсе сейчас не годится. У него какое-то воспаление сосудов на ноге. Сидит дома, форменно, как на привязи. Так вот ведь, даже и заболел-то «кстати». Приехали из деревни, узнаем — новая симфония назначена в концерт Музыкального общества. Саша хватился искать партитуру. Нет ни первой части, ни финала. Весь дом перерыли, всех друзей допросили — нет. Счастье, что он, когда сочиняет за роялем, сразу весь оркестр слышит. Иначе оркестровать наново — чистое безумие. Только теперь времени осталось совсем мало. Переписчики торопят. Так что все равно горячку порем. Сашура лежит, строчит карандашом партитуру. Чтобы карандаш не стирался, придумал покрывать каждый лист желатином. Покрою и вешаю это «заливное» для просушки. У нас через все комнаты веревочки протянуты и на них половина симфонии развешана. Какой соблазн для котов! Только и смотри, чтобы не поживились.

Между тем оказывается, что и Первая симфония пойдет скоро. Корсаков дирижирует в Бесплатной школе. Александр страшно веселится по этому поводу. «Я, — говорит, — нахожусь в положении, в котором еще не был ни один профессор Медико-хирургической академии. Две мои симфонии подряд сыграют на публике, а?»

ОТ АВТОРА

Дела музыкальные в январе развивались бурно. Вышло в свет четырехручное переложение Второй симфонии. Сочинение это Бородин посвятил Екатерине Сергеевне. Но всем близким друзьям он непременно делает на клавире дарственные надписи. Жене профессора Доб-рославина, Марии Васильевне, к клавиру приложено большое стихотворение. Легкая грусть, ирония в свой собственный адрес, некоторые «вольности», все тут есть. Все, присущее шутливым «поэтическим опусам» Бородина:

Куме от кума дар;

От пасынка гармонии

Второй его симфонии

Печатный экземпляр.

Понравится — прекрасно! Поиграйте...

А нет... так по листочку отрывайте,

Когда в бумаге надобность случится... <

Бумаги много тут... Вам пригодится.

Пусть все тогда, все до последней нотки,

Пойдет моей куме на... папильотки.

Скромный композитор

И нескромный поэт

18 января 1877 года.

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА

26 февраля. День концерта. Мы с Машей Добро-славвиной и Александрюшкой Дианиным сидим на хорах. Саша стоит один в самом конце залы, у колонны. То ли опирается на нее, то ли спрятаться готов... Зал Дворянского собрания такой огромный, что я не вижу Сашиного лица. Как мне хочется оказаться там, рядом с ним. Взять за руку, успокоить, может быть, закрыть от любопытствующих... Но все уж было дома играно-переиграно, обсуждено-переговорено. А этот час должен пережить он сам, один, как того хочет. Даже никто из музыкальной братии к нему не подступился, не подошел...

БОРОДИН

Что ж волнуюсь я, глядя ка этот блестящий зал? Эполеты, декольте, роскошные туалеты, драгоценности, прически... Моя публика не здесь. Моя публика на хорах. Корсинькины консерваторцы, Бесплатная школа, курсистки, студюзы. Если примет молодежь, выйдет отлично. А собственно, так ли манит меня публичность? И алчу ли славы, аз грешный? Смешное, ей-богу, положение. Я, решительный противник всяческого дуализма, всю жизнь живу надвое. Я люблю свое дело, свою науку, Академию, Курсы, своих «детей». Меня волнует вовсе не одна только практическая наука. Для меня необходимо все силы употребить, чтобы образовать в человеке человека. Это мне дорого. От этого я никогда не отрекусь. Это требует времени. Множество времени и сил. Но ведь и другая сторона моей натуры вопиет. Я увлекаюсь, желаю довести замысел музыкальный до

конца и... сам себя обрываю. Боюсь слишком увлечься и навредить занятию основному. Как старая полковая лошадь: та услышит трубу — кидается в сражение. Так и я кидаюсь в омут академической жизни. А потом опять воспаряю в «небожители». Никогда бы я не смог выбрать между двумя равно любимыми детьми. Также и по сей день не могу отречься ни от науки, ни от музыки.

Ну, мысли долой! Направник уже идет к оркестру. Последний вздох... Теперь — как в прорубь!

ОТ АВТОРА

По свидетельству очевидцев, дирижер не сумел придать исполнению надлежащего размаха и блеска. Симфония отзвучала. Автора не вызывали. В публике царило холодное молчание. Восторги молодежи ничего не значили для «настоящих ценителей».

Совсем иначе прозвучит Вторая симфония через год, в концерте Бесплатной школы, под управлением Рим-ского-Корсакова. В начале 1886 года обе симфонии Бородина, его романсы, отрывки из оперы «Князь Игорь» и симфоническая картина «В Средней Азии» с огромным успехом будут исполняться на фестивале русской музыки в Льеже и Брюсселе. Успех придет, но не в этот вечер, 26 февраля 1877 года. И статья Кюи в газете «Музыкальное обозрение» тоже появится гораздо, гораздо позже.

«...Во Второй симфонии Бородина преобладает сила, сила жесткая, одно слово, несокрушимая, стихийная. Симфония проникнута народностью, но народностью отдаленных времен; в симфонии чувствуется Русь, но Русь первобытная, языческая... Эта несокрушимая, стихийная сила проявляется более всего в первом

Аллегро и в финале... В первой части преобладает грандиозное настроение, в последней преобладает юмор. Первая часть точно бытовая картина какого-нибудь торжественного обряда; последняя — яркий, пестрый, разнообразный, искрящийся весельем праздник. Характер второй части (Скерцо) и третьей (Анданте) значительно меняется. В этих частях музыкальные мысли полны увлекательной страстности, полны симпатичной простоты, полны очаровательной поэзии...»

Меньше чем через месяц после события музыкального (исполнения Второй симфонии) состоялось чрезвычайное событие в области «химикальной». 19 марта 1877 года ординарный профессор Бородин избран академиком Императорской Медико-хирургической академии. Но академическое звание несколько не изменило Бородина, вовсе не прибавив его натуре ни важности, ни солидности. Этот человек всегда остается самим собой: «милейшим и доброты неизреченной». По-прежнему массу сил и энергии поглощают Курсы. С 1876 года по высочайшему соизволению прибавлен пятый год обучения и тем самым Женские врачебные курсы приравнены к преподаванию на медицинских факультетах университетов и академий. Теперь, в виде самостоятельного учреждения, Курсы перенесены в Николаевский госпиталь. Там сделаны все необходимые аудитории, кабинеты, лаборатории. Александр Порфирьевич Бородин желает во что бы то ни стало устроить свою химическую лабораторию образцово. Попутно хлопочет и обо всем остальном.

В апреле 1877 года началась турецкая война. Слушательницы, еще прежде окончания курса, устремились на театр военных действий.

Из доклада полевого военно-медицинского инспектора начальнику штаба действующей армии.

«...Слушательницы Женских врачебных курсов, при непомерном рвении, сознательном понимании дела, выказали себя с самой лучшей стороны и доставленную ими хирургическою и терапевтическою помощью в госпиталях, вполне оправдали в этом первом опыте ожидание высшего медицинского начальства... Самоотверженная работа среди опасностей и лишений, среди тифозной болезни, жертвой которой была не одна из них, обратили на себя общее внимание... Решаюсь убедительно просить Ваше высокопревосходительство ходатайствовать перед Его Императорским Высочеством Главнокомандующим о награждении участвующих в войне слушательниц Женских врачебных курсов, не в пример другим, орденом Станислава 3-й степени с мечами или другим знаком отличия...»

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Как некогда Николай Николаевич Зинин с особенной любовью и вниманием воспитывал и образовывал в Бородине своего преемника, так теперь сам Бородин опекает в Академии любимых «птенцов». На Дианина возлагает особые надежды. В нем профессора привлекает не только одаренность, но еще и прекрасные качества души. «Александрюшка», «Павлыч» неизменно ласково называют Дианина в доме Бородиных.

ДИАНИН

В конце июня месяца мы как-то вдруг (именно «вдруг», несмотря на долгие сборы!) оказались в

немецких землях. Александр Порфирьевич привез Мишу Гольштейна и меня, своих «деток», в Йену для усовершенствования в науках. Оба мы уже ассистировали на его кафедре. Теперь предстоит написание и защита докторских диссертаций в Йенском университете. Ну и диковинная жизнь в этой «неметчине»! Все у них по смыслу и по порядку. Вылезаете, скажем, из поезда в Берлине, весь еще покрытый российской дорожной грязью. Шесть утра. На душе и в животе тоскливо. И вдруг тут же, прямо в вокзале, обнаруживается прекрасно оборудованное помещение. Вы основательно моетесь, переодеваетесь и, все еще не выходя в город, отправляетесь закусить и выпить кофе. А уж потом можно полдня шататься по Унтер ден Линден, глазеть на книжные и прочие витрины, млеть от восторга в диковинном «Берлинском аквариуме». И с полным комфортом — дальше, в Йену. Ах, что ни говори, все-таки порядок есть вещь хорошая! Но жить в Берлине, да еще один, я бы не хотел. Очень уж народ чинный, будто каждый состоит под надзором полиции. Не ровен час, сам станешь чинным, скучным, точно пришибленным. Так ведь и подмывает где-нибудь на улице или в Аквариуме замахать руками, завопить от восторга. Но немец поглядит и подумает небось: «Вот она, серость расейская, неотесанность поповская!» Нет уж. Если надо, можем и мы «по-европейски» пожить. Тем более что Йена — это вам не Берлин. Какие красоты кругом, что за горы, сады, что за могучие дубы и липы, целое море роз!

Ходи да наслаждайся. Только не знаешь, куда ногу поставить. Сплошь святые камки. Справа жил Гете, слева — Шиллер, тут один философ, там — другой; подалее пойдешь — опять разные великие жили. Ну,

приободрисься, попривыкнешь... ничего — и ты живешь! В Петербурге мы с Мишкой проживали как и положено вполне уже самостоятельным мужчинам. А тут повисли на «папеньке-профессоре». Смех, да и только. Вот что чужая сторона делает. Ну а уж Александр Порфирьевич печется об нас и впрямь как о маленьких. Хлопочет не только о наших диссертациях. Хлопочет о самом насущном. Нашел квартиру. Потом ходили вместе по лавкам, закупили всякой всячины: керосиновую кухню, чайник, чашки, сахару, лампу и еще кучу мелочей. Раздобыл нам где-то хорошего чаю, чтобы за пивом не забывали российского обычая. Будет у нас и пианино напрокат, чтобы отрешаться иногда от земных забот. За всеми хлопотами наш профессор насилу вырвался в Веймар. Да сдается мне, что он еще и тянул — робел немного. Ведь не на прогулку, на свидание к самому Францу Листу собирался. А чего робеть? Ну, конечно, Лист — патриарх, великий «мейстер» и так далее. Только и наш Бородин не лыком шит.

ФРАНЦ ЛИСТ

Поразительное совпадение! За два дня до нашего знакомства я играл его Первую симфонию на вечере у великого герцога. Все были в восторге. И едва мне подали карточку — «профессор Бородин», — как я уже летел с громким криком в прихожую. Ах, эта моя неистребимая экспансивность! Вместо добропорядочного приветствия выкрикнуть незнакомому человеку:

— Вы сочинили прекрасную симфонию!

О, Бородин совершенно понял мое состояние. Очаровательная, мягкая улыбка в ответ:

— Это была моя первая большая вещь, там масса недостатков...

Наконец-то, наконец-то я вижу этого русского волшебника! Мы смеемся и продолжаем рассуждать о тонкостях его симфонии. Но тут я спохватился:

— Добро пожаловать. Лучше беседовать в гостиной, и притом сидя на удобном диване, не так ли?

И мы болтаем без умолку, мешая французскую речь с немецкой. Мне многое хочется услышать от него и о Балакиреве, и о Корсакове, обо всех этих «новых русских». Мы здесь только еще начинаем их узнавать. Они еще околдуют, изумят, победят Европу. Я знаю, что говорю. Я достаточно стар. Я слышал слишком много музыки на своем веку.

Бородин... Какая великолепная скромность при огромном таланте. Спрашиваю:

— Судя по Вашей визитной карточке, Вы — ученый; химия — прежде всего. Так где же Вы так изумительно постигли законы музыкальные? Ведь не в Германии же?

— Нет, маэстро, я не учился ни в Германии, ни в консерватории нашей. Но тем не менее учился всюду и везде. Я жил музыкой. Впрочем, вот Вам мое обычное извинение и оправдание: я всего лишь дилетант, «воскресный композитор».

— А! Превосходная шутка. Я бы сказал — афоризм. Ведь воскресенье — это всегда праздник, всегда торжество. Торжествуйте, торжествуйте, мой дорогой Бородин! У Вас на то все права.

За несколько наших свиданий он очаровал всех вокруг. Моих друзей, учениц, музыкантов и самого

великого герцога. Все мы без конца играли. Упивались его новыми сочинениями. Теперь я сто, тысячу раз повторю: Бородин — композитор-великан. И в его мощи бездна обаяния и самобытности. Говорят, что нет ничего нового под луной. А то, что я нахожу повсюду в его музыке, — ново, совершенно ново! Он хочет каких-то моих замечаний, наставлений. Но я отвечаю ему решительно: — Боже Вас сохрани слушать чужих советов! Поверьте — Вы на настоящей дороге. У Вас слишком много художественного чутья, не бойтесь быть оригинальным. Поверьте, если бы великие мастера прислушивались к чужим советам, не было бы у нас ни Бетховенов, ни Моцартов.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

При расставании Лист высказал горячее желание как можно скорее получить партитуры симфоний Бородина. На память о веймарских встречах подарил свой нотный автограф и портрет с надписью: «Господину Александру Бородину в знак сердечного уважения и искренней преданности. Ф. Лист, июль 1877».

БОРОДИН

Ну вот, наконец-то я отправился восвояси. Дела у «птенцов» совсем устроились. И Александрюшка, и Миша изо всех сил пишут свои диссертации. О защите со всеми переговорено.

Поезд уносит меня теперь по Рейнской дороге все дальше и дальше... Жаль расставаться с моим «веймарским волшебником». А что я им совершенно околдован, в том и сомневаться нечего. До сих пор не

могу в себя прийти. Подумать только — беседовать с самим Листом, слышать самого Листа, да еще у него дома. Иметь нахальство играть с самим Листом! Я сопротивлялся, не хотел, не смел, отказывался изо всех сил, но ведь сам усадил рядом да еще комплиментов наговорил. Гений. Великан. А со своей молодежью носится, точно любящий папаша или добрый дедушка. И вечно они его тормозят, в доме музыка, гомон, смех, споры. Ученики чуть ли не со всего света. Для него все одинаковы. Всем готов помочь. И нравственно, и материально. Любуется ими, говорит: «Какой это отличный народ, посмотрите, сколько здесь жизни!»

А сам в такую минуту необыкновенно хорош. Так и рвешься ответить: «Если это жизнь, то это Вы, Вы, дорогой маэстро, ее творец».

Да, при эдаком огромном уме и едком юморе сколько теплоты, нежности, добродушия... Сердце мое переполнено, а между тем трепещет и замирает в предвкушении новых волнений. Я еду в Гейдельберг. В мою обетованную землю, в мой земной рай.

Вот замелькали за окном те же горки, те же дорожки. Будто нет этого груза, этих семнадцати лет за спиной. Вот и садик, тот самый. А там? Кажется, любимая Катина скамейка?! Что это со мной? Слезы? Нет, нет, это так, уголек, соринка... слишком далеко высунулся в окошко.

Гейдельберг! Снова Гейдельберг! Куда меня отвезти? Да, конечно, туда же, прямо в «Бадишер хоф».

Тот же стул, «мой» стул в обеденной зале. Господи, я словно в чаду. На каждой улочке, за каждым поворотом — воспоминания, самые светлые и сладостные. Катя...

Катя... Никогда еще мы не были так далеко друг от друга. Никогда еще не были так близки.

Я, словно мальчишка, бегаю по всем нашим «святым местам», иду в горы. Вольфсбрунн. Фонтан с волчьими мордочками на том же месте. Все так же падают струи, непрерывно падают семнадцать лет... Сижу неподвижно. Смотрю. Какая смесь счастья и горечи! Куда же утекло наше время? Сколько пережито и прожито... А Вольфсбрунн все тот же, как в день нашего решительного объяснения, в день полного счастья. Все, все повторяется, точно вернулась молодость. Какой-то сон наяву. Ущипнуть себя, протереть глаза, дотронуться до этих камней, стен, деревьев...

Если бы Катеринка была сейчас рядом. Увы! Впрочем, может, так лучше? Есть тут одно большое огорчение: в нашем любимом садике цветы поэзии и любви уступили место огурцам и капусте, насаженным рачительной рукой новой хозяйки.

К АЛЕКСАНДРУ ДИАНИНУ

13 августа 1877 года.

«Ехал я, ехал, пока не добрался до Давыдова; долго ехал... Приехал в плетушке с «володимерским» мужичком за полтора целковых, вместо «аусштейген!» услышал родное и достолюбезное: «На чаек надо бы?» Давыдовым я доволен донельзя. Как здесь хорошо! Какие рощи, леса, бор, поймы! Что за воздух! С первого же дня меня охватило деревней так, что вышибло вовсе «заграницу». Не будь у меня вещественных доказательств пребывания за границую, мне казалось бы, что я все видел во сне...»

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Село Давыдове Владимирской губернии в двенадцати верстах от станции Боголюбове Московско-Нижегородской железной дороги. Здесь живет отец Александра Дианина, сельский священник. Три лета подряд Бородины отдыхали в Давыдове. Вместе с ними путешествовал огромный багаж, фортепьяно, конторка и три воспитанницы. Да, семья приемышей растет, и забот теперь вдвое больше.

К АЛЕКСАНДРУ ДИАНИНУ

Село Давыдово, 12 августа 1878 года.

«...Я написал большую хоровую сцену и песню. От этой сцены заранее жду одобрительного гудения В. В. Стасова и безешки от М. П. Мусоргского. Она мне, впрочем, действительно очень удалась: и в музыкальном отношении, и — как полагаю — в сценическом. При хорошей игре она должна пойти очень бойко и живо...

Из области идеального — в область реального. Лизутка приедет в Питер 18-го в шестом часу вечера. Хотя она и великовозрастная, тем не менее надлежит принять ее из утробы Николаевской железной дороги... Лизутку только отнюдь не кладите в каминной: ибо там очень сыро, а Лизутка сама девица (увы! уже девица, не девочка!) сырая и легко может простудиться...»

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

В селе Давыдово, на задворках старого дома, существовал единственный в своем роде «зеленый

кабинет». Посреди лужайки, под кронами огромных деревьев, стояла любимая конторка Бородина.

К НИКОЛАЮ АНДРЕЕВИЧУ РИМСКОМУ-КОРСАКОВУ

Село Давыдове, 4 августа 1879 года.

«Дорогой друг Николай Андреевич, не знаю, как и благодарить Вас за Ваши хлопоты о моем «Игоре»...

...Теперь я занимаюсь музыкой довольно правильно и без помехи. До сих пор сделал следующее: прежде всего дописал квартет, который у меня не был кончен; затем много сделал либретто... теперь работаю финал I действия, и тогда оно у меня совсем будет готово... Лето у нас подлейшее — хуже не видал: откуда бы ветер ни дул, непременно нанесет дожди и ненастье. Тем не менее я наслаждаюсь: хожу совсем мужиком, рубаха навыпуск, ситцевая, подпоясанная пояском, штаны в сапоги, сапоги, смазанные дегтем; словом — совсем мужик. Шляюсь по лесам. Просто. Свободно. Привольно...»

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

Известное дело: под лежащий камень вода не течет. Да только я уж устал воевать с Бородиным. Смешно сказать, ни одно собственное мое сочинение не дается мне таким трудом, как его «Игорь». На какие только хитрости не пускаюсь, чтобы ускорить работу! Нарочно объявил, что поставлю отрывки в концерты Бесплатной школы. Объявил заранее, чтобы Александр Порфирьевич успел оркестровать несколько номеров. И что же? Время

подходит. Профессор наш, как всегда, занят выше головы. Все то же: Катины болезни, бессонные ночи, устройство воспитанниц, чужие хлопоты, конференции, лекции, Академия, Женские курсы, благотворительные концерты... Пристаешь, просишь, клянчишь, уже и сердисься:

— Александр Порфирьевич, написали Вы, наконец?

— Написал.

— Слава богу!

— ...Голубчик мой, написал... десять прошений и пять рекомендательных писем.

— Да что за наказание такое, всякий Вашим временем пользуется как хочет! Ведь еще надобно половецкие пляски переложить.

— Переложил, простите-извините...

— Наконец-то!

— Переложил со стола на фортепьяно.

— Александр Порфирьевич, дорогой, шутить-то теперь некогда. Концерт на носу. Вещи стоят в программе. Хор разучивает, я работаю... У оркестра — ни одной партии, поймите!

— Миленький, душенька, хорошенький, не сердитесь. Не сердитесь, Николай Андреевич, ради всего святого. Я сам в отчаянье. Попал в привычное колесо, потерял счет времени. Что мы теперь будем делать?

Отправляемся ко мне. Сидим всю ночь. Спешно до-оркестровываем нужные номера. Покрываем листы жидким желатином. Развешиваем в моем кабинете, словно белье для просушки. Утром отправляем к

переписчику. Надя варит нам крепчайший кофе. Порфирьич, веселый, бежит в детскую. Распевает с нашими малолетними чадами их любимое: «Дин-дин, вот пришел Боро-дин!..» И опять на целый день впрягается в свои научные дроги... Между тем все отрывки, которые мне удастся вытащить на публику, имеют громадный успех. Вот уже не только наша Бесплатная школа, уже и Русская опера интересуется «Игорем». Исполнили в своем концерте буйную песню Галицкого. И там успех, вызывают автора. А «химикус» в это время делает доклад на съезде естествоиспытателей. Вот так-то.

ПИСЬМО БОРОДИНА. ИЗ ЧЕРНОВИКА

Февраль 1880 года.

«...Переменился ли я в других отношениях? — да; во многих, или, пожалуй, и нет, не во многих. Разумеется, неумолимое время, накладывающее свою тяжелую руку на все, наложило ее и на меня. Борода и усы седеют понемногу; жизненного опыта прибывает, а волос на голове убывает. Правда я, как человек живой по натуре и рассеянный к тому же, как-то не замечаю в себе перемены. Слава богу, здоров, бодр, впечатлителен и вынослив по-прежнему; могу и проплясать целую ночь, и проработать не разгибаясь целые сутки, и не обедать...»

ОТ АВТОРА

«Железный век» грохочет уже восемь десятилетий. «Железный век» по временам нависает черной грозовой тучей, но пока еще больше восхищает, чем пугает. Чудеса науки и техники овладевают воображением

людей. Потрясают открытия неслыханных возможностей разума и тончайших нюансов психики. Сотни умов вновь и вновь пытаются разрешить загадку пути ко всеобщему равенству и счастью. И может быть, как никогда прежде, важен теперь для человечества мудрый взгляд в глубины души.

«...Позвольте, представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой. И вот представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человеческое существо... И вот только его надо опозорить, обесчестить и замучить, и на слезах этого обещанного старика возвести ваше здание! Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии? Вот вопрос. И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которых выстроили это здание, согласились бы сами принять от вас такое счастье, если в фундаменте его заложено страдание, положим, хоть и ничтожного существа, но безжалостно и несправедливо замученного, и, приняв это счастье, остаться навеки счастливым?..»

В благоговейной тишине звучат эти слова. Всеобщее внимание поражено и страстным чтением, и всем строем мысли. Речь Достоевского на Пушкинских торжествах. На первых всенародных торжествах во имя Художника. Все начинается с открытия памятника. Средства для этого собирались народом, собирались много лет. Дело, прежде неслыханное! А сами Пушкинские торжества волнуют публику в течение долгого времени. На вечерах играют увертюры к «Руслану и Людмиле» Глинки, к «Русалке» Даргомыжского. Звучат речи Тургенева, Достоевского, Аксакова, Григоровича, Островского.

Поэты читают Пушкина и в память о нем — свои стихи. Но сначала России явлен первый памятник Поэту. 6 июня 1880 года на Тверском бульваре встал бронзовый Пушкин. Прекрасный образ, в долгих мучениях, исканиях, борениях созданный скульптором Опекушиным. С этого момента начинается праздник, длящийся несколько дней. Небывалый праздник, о котором пишут все газеты и журналы.

«...С девяти часов утра густые толпы народа и многочисленные экипажи стали стекаться к площади Страстного монастыря. Более счастливые смертные, обладающие входными билетами на площадь, занимали места... Около самого памятника колыхались многочисленные разноцветные значки и знамена... Вокруг площадки на шестах поставлены были белые щиты, на которых золотом выпеснены были названия произведений великого поэта. Тверской бульвар был украшен гирляндами живой зелени, перекинутой над дорожками; четыре громадные, очень изящные газовые канделябры окружали памятник; сзади виднелись восемь яблочковских электрических фонарей... На крышах и в окнах соседних домов группировалась тесная масса зрителей... В 20 минут первого... по знаку платком, данному губернатором, спала пелена, покрывавшая памятник, и задумчивый облик поэта был приветствован громким, продолжительным «ура» тысячи уст!..»

Среди почетных гостей праздника — дети Пушкина. «Задумчивый образ поэта» предстал внимательному взору его старшего сына Александра. Возможно, любезный мой читатель отметил не столь уж значительное, но по-своему трогательное совпадение: и старший сын поэта, и наш герой родились в один год, в одном городе, названы одним и тем же именем. В год

поэтических торжеств и Александру Александровичу Пушкину и Александру Порфирьевичу Бородину исполняется 47 лет. Младенчество их относится ко времени, которое называют «Пушкинская эпоха»; зрелый возраст переносит как будто в другое тысячелетие, настолько изменился мир...

1880 год станет для Бородина временем весьма значительных музыкальных событий. Весной с его Первой симфонией познакомятся в Германии. В декабре в Москве, впервые в присутствии автора, прозвучит Вторая симфония. Его ожидает настоящий и полный успех. Но не станем забегать вперед. Вернемся к началу года.

БОРОДИН

Мудрено быть сразу и Глинкой, и чиновником, и ученым, и художником, и благотворителем, и еще папашей трех приемных дочек, и лекарем, и больным. Не сделаться ли уж только последним? Ей-богу, тогда и начинается дельная работа, когда свалишься с гриппом или обезножишь окончательно. Но теперь залеживаться некогда. Крутые времена. Все никак не мог понять, в чем дело? Ну конечно, бывало, что и раньше у меня студизосы шинель одалживали. Те, у кого уж совсем один ветер в карманах. Но при самой крайности, раз-другой в месяц. А тут каждый день повадились. И все одни и те же. И очень как-то таинственно. Наконец дело разъяснилось. Все они ходят по очереди в полицейские участки — товарищей навещают. Значит, опять похватили «политических» на студенческих сходках. Надо мне подниматься. Экое безобразие! Знаю я этих «политических» — одно ребячество. Тот «Колокол» Герцена у газетчиков спрашивал, другой рассуждал про республики, третий

осуждал самодержавие... Все это детские разговоры да заблуждения. Надо облачаться в генеральский мундир и ехать выручать. Пусть они там, в канцеляриях, проникнутся мыслью: для Академии — прежде всего наука. Уж я им постараюсь вдолбить, что революции науке не показаны!

Чтоб вам пусто было, «превосходительства» да «сиятельства»! Пятый час гоняю по Питеру на извозчике. Не только нос, бороду уже отморозил. Каждый старается отговориться да как-нибудь отвертеться, только бы дела не решать. Каждый хочет изобразить «арестанта» непременно злодеем. Да я сам знаю, что многие головы горячие. И уж верно, не одни ребяческие разговоры вели. Так неужели за это их теперь бросить в тюрьму? Это уж пусть будет участь одних мерзавцев, воров да негодяев. А молодость бунтующая сама с собой разберется. Нет уж, простите-извините... всех буду выручать, до последнего. Отцу все дети дороги, а науке все головы нужны.

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА

Не знаю, что и думать. Куда бежать? Кого посылать? Александр уехал в восьмом часу. Сейчас полночь. Пурга, темень, фонари еле мигают. Ветер воет с такой тоской... Господи, может быть, и профессора уже в кутузку определили? Полно, что за глупости. Тогда что же? Конечно, разбойники. Да. Теперь по ночам грабят, мне говорили. А у нас тут на Выборгской пустыня, Нева рядом... Александрюшка с Лизуткой, слышу, разговаривают в столовой. Пойду к ним. Лампа горит, самовар закипает... Идет кто-то?

Молодежь заходила, спрашивают, нет ли известий. То-то, что нет, нет и нет. Второй час уже. К окошку подходить и то страшно. Какие-то тени мечутся, а ветер еще пуще воет.

Ну, наконец, наконец-то! Голубчик, Сашенька, живой, невредимый! Снегу-то на нем, снегу!

— Александрюшка, Лиза, скорее чаю, рому, глинтвейну горячего. А то как бы родимый наш не рухнул!

Весь до последней косточки промерз, наездился, намаялся. Всех выручил. Вон как блаженствует теперь над чашкой чаю. Майчик мой смешной, драгоценный. Век Майчиком останется. Ведь что придумал: одного кота вместо боа на шею себе повесил, другого на коленях вместо муфты держит — греется!

— Сашенька, еще-то чаю налить тебе? «— А сколько уж я выпил, Зозо?

— Да я и со счету сбилась.

— Ну тогда, пожалуй, довольно будет.

Отогрелся, разморился, совсем засыпает, прямо за столом...

ОТ АВТОРА

Весна 1880 года в Баден-Бадене. Здесь проходит ежегодный праздник «Всеобщего немецкого музыкального союза». В одном из концертов, 8 мая, с огромным успехом исполняется Первая симфония Бородина. В Россию летят поздравительные письма и хвалебные рецензии. Немецкие музыканты высказываются с большим уважением и восхищением.

Бородин смущен, доволен, несколько растерян. На такой успех он даже и не рассчитывал.

БОРОДИН

Отчего именно теперь особенно трогательно и дорого такое признание? Может быть, оттого, что это счастливая музыка счастливых времен — лучших времен нашего кружка. Все было тогда у нас — молодые надежды, огонь, силы физические и нравственные. Была твердая опора, безграничная вера.

Балакирев... восприемник моего первого детища. Неужели его не обрадует такой успех? Не может быть. Напишу ему теперь же. Непременно. Знаю, что ему будет приятно.

Признаться, никак не ожидал такого эффекта от своей эпистолы. Балакирев явился безо всякого предупреждения. Милый, который лет девять уж не бывал у нас, беседует, будто мы расстались вчера. Милый, который живет теперь по часам, засиживается до полуночи. Куда подевался желчный, подозрительный скептик? Весь вечер он — веселый, радостный, теплый. То и дело подбегает к фортепьяно. Переворошил кучу нот, усадил с собой Катю играть в четыре руки. Чудеса, да и только. Повеяло прежними хорошими воспоминаниями. Чувствую душевную размягченность, совсем раскис... Тут еще есть причина. Кажется, скоро образуется небольшой птичий двор из Чиж и Куропатки. Да-с, благословили мы с Катей наших детей. Теперь у нас в доме свои жених и невеста.

Похоже, близко уже к свадьбе. Многие вам лета, Александр Павлыч с Лизаветой Григорьевной. Радуюсь

ли за них? Всякий брак есть испытание трудное. Во всякой семейной жизни шипов гораздо больше, чем роз. Однако уповаю в будущем на Лизуткину кроткость, на Александрушкин разум. Сейчас-то им не до разума. Сладостная у них пора, пора беззаветного увлечения. Зачем своими рассуждениями да рефлексиями отравлять им первую радость. Все изменится в свое время. Ничего вечного нет. Молодая любовь уйдет. Дай-то бог, чтобы образовались хорошая привычка, нежность, участие. Тяжко одно — холодное прозрение, пустая душа, равнодушная жизнь вместе. Нет, я в наших детей крепко верю. Будут они счастливы. А мы с Катей еще внукам порадуемся.

Теперь главная моя забота — устроить «Шашу». Уж больно хочется его в Академии оставить. Вот и хлопчешь о мало-мальски приличном жалованье. Однако туго мы опять живем. Курсами командует Николаевский госпиталь, и командует безо всякого порядка. Опять сделали подлость: объявили профессорам, что жалованья до января платить не будут. Крутись как хочешь. И лаборатория без средств осталась. Так что страдайте за науку, господин химический профессор, выкладывайте на лабораторию свой последний бедный лепт. Не могу я этого понять — сколько уже пользы принесли наши слушательницы, сколько страданий облегчили, какие беды своими руками отвели. А Курсы все на положении просителя в богатой прихожей. У правительства миллионы во тьму уплывают, зато на самое святое дело впору хоть побираться.

ОТ АВТОРА

Перелистав газету «Новое время» от 14 ноября 1880 года, в разделе «Хроника» найдем такое любопытное сообщение:

«...В среду, 12 ноября, в зале Кононова состоялся «семейный вечер» в пользу слушательниц Женских врачебных курсов. Вечер этот лишен был обычного характера «студенческих балов» и в то же время совсем не походил на заурядные увеселения столичных клубов. Неприязательность и простота костюмов придавали ему «семейный характер»... В состав вокальной части вечера входило исполнение хора курсисток и студентов. Хор этот пел четыре раза. Профессор Бородин, дирижировавший хором, вызывался на эстраду шесть или семь раз кряду и каждый раз вознаграждался шумными одобрениями и приветствиями... Танцы продолжались часов до трех пополуночи. Вообще же надо сказать, что вечер прошел оживленно и, говорят, сбор с него в пользу Курсов превзошел самые смелые ожидания».

Это отзыв о благотворительной деятельности профессора химии. А очень скоро в другой газете появится статья о новой работе Бородина-композитора.

Газета «Голос», 14 января 1881 года:

«...Бородин — один из наших самых талантливых композиторов. Пишет он легко и свободно. Если при этом он пишет мало, причиной тому его серьезные служебные занятия, оставляющие ему лишь редкие часы досуга. Он богат темами, нередко широкими и певучими, всегда свежими и красивыми... При крупных достоинствах и малочисленности его произведений понятен интерес,

который возбуждает каждое новое его сочинение, а следовательно, и струнный квартет, о котором идет речь... Стиль этого квартета совершенно «квартетный», а это не часто встречается... каждый инструмент играет видную и самостоятельную роль; написан он довольно трудно, но звучно. В нем же Бородин проявляет поразительную композиторскую технику... Таково новое произведение, которым обогатилась наша камерная музыка, произведение видное и очень талантливое...»

Стихотворение, поднесенное Екатерине Сергеевне Бородиной ко дню ее рождения вместе с подарками.

В день светлый Вашего рожденья
У Ваших ног — и поздравленья,
И пожелания, и приношения
Почтительнейше приношу
И снисходительно принять прошу.

3 января 1881 года.

Эти шуточные строки Бородин написал в канун совсем нешуточных событий. Александр Порфирьевич часто повторял то в шутку, то всерьез, то в утешенье фразу из «Руслана и Людмилы»: «За благом вслед идут печали, // Печаль же радости залог...»

Наступил март месяц 1881 года, месяц многих печалей.

1 марта 1881 года — убийство Александра II народолюбцами. Исполнительный комитет организации «Народная воля» требует пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни. В ответ — террор, аресты, казни революционеров.

20 апреля — манифест о незыблемости самодержавия.

На русском престоле — Александр III. Волнения в стране продолжаютя. Дабы пресечь брожение умов повсеместно и во всех сословиях, готовится «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия». Ждут только подходящего момента для утверждения.

Таков ход событий и дел государственных. А независимо от них свершается повседневное течение жизни.

Газета «Голос», 20 марта 1881 года.

«По желанию многих друзей и почитателей покойного М. П. Мусоргского считаем долгом публично заявить следующее. Покойный М. П. Мусоргский, заболевший последнею своею болезнью, был помещен по ходатайству друзей в Николаевский военный госпиталь благодаря обязательной готовности главного врача Н. А. Вильчковского. М. П. Мусоргский находился в госпитале целый месяц и в продолжение этого времени бесконечно много обязан заботам и теплomu участию доктора Л. Б. Бертенсона. Сестры милосердия Николаевского госпиталя выказали неустанную заботливость и сердечное сострадание, которое выше всяких похвал. Глубоко признательные за такое проявление сердечности и участия к больному, считаем обязанностью от лица друзей и почитателей покойного выразить публично искреннейшую благодарность администрации госпиталя, доктору Л. Б. Бертенсону и сестрам милосердия. А. Бородин, Ц. Кюи, Н. Римский-Корсаков».

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

Теперь глупо задавать самому себе вопросы: как? почему? Когда не доглядели, когда пустили эту ладью в плавание без руля и без ветрил? Деликатничали. Иногда дружеская деликатность вредна. Все видели, что Модест идет ко дну. Стасов говорил прямо: «Мусорянин кончит белой горячкой. Он окружен мерзавцами и пьяницами». Да, треклятый трактирный «клуб» затягивает, губит. Отчего теперь только мы вполне прозрели его одиночество? Без своего угла, без родных, близких. Вечная жажда сделаться необходимым, «своим», отогреться в чужом домашнем уюте. И кто только не пользовался его слабостью! Довели до нищеты, до безумия. Может быть, лишь в этот последний месяц он не был так одинок. Собирались около него все наши, и моя Надя, и сестра ее. Бородин едва ли не каждый день навещался в госпиталь. И Модест по временам очень оживал, беседовал так хорошо. Вдруг — уходил в безумный бред. И опять возвращался к жизни. Седой, ослабевший старик... Старик, которому едва за сорок!

Разобрали его бумаги. Один листок поразил мое воображение. Пустые нотные строчки. И в этой пустоте: «Ни слава, ни званье, ни доблесть, ни сила — ничто не спасет: судьба так велела! М. Мусоргский». Из «Хованщины» это. Как будто эпитафия самому себе. Да, ни успех «Бориса» не спас, ни рождение «Хованщины» не помогло, ни «Сорочинская ярмарка» беды не отвела.

Рукописи его сейчас у меня, все. Надо работать. Приводить в порядок, оркестровать, собирать кусочки да обрывочки. Найти издателя. Выпустить в свет. Это будет ему лучший памятник. Теперь мне по временам следует

забывать о себе и становиться не Николаем Андреевичем, а Модестом Петровичем...

ОТ АВТОРА

При поверхностном знакомстве Римский-Корсаков кажется суховатым, педантичным. Другьям дано знать совсем другого человека: нежный лирик, влюбленный в природу; острослов; благородное и горячее сердце. Не раз ему приходилось ради общего музыкального дела забывать о себе и становиться «не Николаем Андреевичем». С уходом Балакирева из Бесплатной музыкальной школы именно Римский-Корсаков принял на себя все труды и заботы. Несколько лет он оставался во главе школы, до тех пор, пока того требовали обстоятельства.

Газета «Голос», 6 января 1882 года. Музыкальные заметки Цезаря Кюи.

«Имя Балакирева — одно из популярнейших в нашем музыкальном мире. Его публичная деятельность началась двадцать лет назад, была кратковременна, но блестяща... Страстный приверженец музыки современной, и особенно музыки русской, он проводил ее с несокрушимым постоянством. Благодаря Балакиреву публике сделались известны имена наших композиторов Римского-Корсакова, Мусоргского, Бородина; под его управлением были исполнены многие их произведения... Еще надо добавить, что сверх сочинений, очень талантливых, но малочисленных, он издал сборник русских народных песен, который до сих пор остается лучшим сборником. В 1872 году, как было сказано, он оставил свою публичную деятельность... Можно было подумать, что публичная деятельность Балакирева

прекратилась навсегда. К счастью, это предположение не оправдалось. С нынешнего сезона Балакирев вновь является дирижером Бесплатной школы и для начала исполнит целиком капитальное произведение Берлиоза «Те Деум»...»

БОРОДИН

Какая у нас нынче горькая отрада — «Борис Годунов» возобновлен Мариинским театром, да когда уже нет на свете автора. Вся наша музыкальная братия отправилась в театр. И Катюша со мною была. Слава богу, она бодра и благополучна.

Начался спектакль. И вот, в ложе под номером двадцать четыре, во втором ярусе с левой стороны, разыгрывается невидимая миру душевная драма. Нет, незачем прикрываться жалкой иронией. Дело куда как серьезно. Едва дрогнули звуки, спазм схватил горло. Тысячу раз знакомая музыка. Слышу, вижу нынче все как будто впервые. Во всем для меня какая-то новая сила, страсть. Мощь, достойная шекспировской трагедии. В душе ликую, и ужасаюсь, и плачу от восторга. И уже ничего не могу сказать Модесту^..

Боже милосердный, как летит время в этом водовороте, в этой толчее! Жизнь наша несется, словно поезд на всех парах. И года мелькают, мелькают, точно телеграфные столбы мимо поезда. Куда бежит время? Ради чего? Зима промелькнула так, что и не заметил. Бедный мой «Игорь» затерялся в куче казенных бумаг, деловых записок, бесконечных прошений. Никто, ни одно ведомство не хочет взять Курсы под свое крыло. Я верчусь ужом, ношусь как угорелый, пишу челобитные, взываю к благородству... и так до бесконечности. Словно

безумный отец пытаюсь спасти любимое детище. Да сил, боюсь, неостанет. Занят постоянно собиранием денег, чтобы выручить Курсы. Хлопоты бесконечные, а положение кассы хуже, чем когда-либо. Сочувствующих много. Жертвователей куда меньше. Вот и первое поражение нанесено. На будущий год уже приема не будет. А ежели нас еще из госпиталя на улицу выгонят, так вовсе пропадем.

Однако как ни велики ухабы, а все скачет телега жизни, все не разваливается. Что ж, бывают и радостные остановки. Крестил первенца в нашем «птичнике». У Павлыча и Лизы появился на свет мужичок Борька. Очень забавно, что мы с Катей словно всамделишные старички, имеем теперь «внука». Вот ведь как...

ОТ АВТОРА

16 сентября 1882 года, в день ангела Людмилы Ивановны Шестаковой, Бородин принес ей свою большую фотографию. На полях разбросаны нотные строчки из разных его сочинений. Внизу красивая надпись:

«Дорогой всему нашему музыкальному кружку, горячо любимой и уважаемой Людмиле Ивановне Шестаковой, на память от искренне преданного ей автора неоканчиваемой оперы «Князь Игорь» — А. Бородин».

Когда-то Стасов назвал Мусоргского и Бородина «львиная пара», подразумевая величавую мощь их музыки. Упомянув Вторую симфонию Бородина, он неизменно прибавляет: «Богатырская!» И в «неоканчиваемой» опере друзья ждут от «химикуса» поистине богатырских свершений. Все чаще и чаще в

концертах звучат отдельные отрывки из «Игоря». По шуточному замечанию Цезаря Кюи, «Русское музыкальное общество проявляет теперь иногда постыдную слабость: оно не отказывается исполнять предлагаемые ему сочинения «шайки разбойников!» Слова эти красноречиво подтверждает вот такая, например, афиша:

«Императорское Русское музыкальное общество.

Московское отделение.

Промышленно-художественная выставка 1882 года.

В воскресенье, 15-го августа, имеет быть Седьмой симфонический концерт под управлением Н. А. Римско-го-Корсакова.

Начало в 2 часа дня».

И дальше — подробнейшая программа. В этом концерте прозвучали сочинения Глинки, Антона Рубинштейна, Цезаря Кюи. Впервые в Москве исполнена музыкальная картина Бородина «В Средней Азии». Также впервые — ария Кончака из оперы «Князь Игорь».

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

Меня несказанно радуют музыкальные победы нашего «химикуса». Обе симфонии теперь уже хорошо известны. Их играют часто и с неизменным успехом. Романсы его весьма, весьма любимы. Наконец и новый квартет явился. Тут уж, конечно, не обошлось без влияния Катерины Сергеевны. Слава ей и благодарность. А я всеми правдами и неправдами добиваюсь продолжения «Игоря». Готов пойти к автору хоть в секретари, хоть в переписчики. Какой красоты музыка

получается! Только одно обидно, что это море наполняется по капле. Все наши восторги и уговоры мало помогают. Слишком много чужих забот на плечах Александра Порфирьевича. Одни благотворительные концерты чего стоят. Сколько отнимают сил, времени. Право, только Бородин при его обаянии и бесконечном терпении может сварить музыкальную кашу с эдаким любительским оркестром. У него там все играют: академические студенты, богатые меценаты, бедные врачи, юные консерваторцы. И отлично получается.

Все мы уже стареемся, ходим в «мэтрах». Со многим смирились, ко многому смягчились. Вечный спор с москвичами поутих. Радует наездам Чайковского. В высшей степени приятное общение. Мне кажется, он свободнее нас в своих музыкальных пристрастиях. Оттого ему бывает и проще, и легче.

Осколки нашего кружка спаяны теперь молодыми силами. Прекрасная, даровитая молодежь. Вот Саша Глазунов, наш любимец. Стасов так просто заходится от восторга. И то сказать, ведь совсем мальчонка. Вроде меня, когда я еще в гардемаринах был. А нынче Балакирев уж продирижировал Сашиной первой симфонией. Публика потребовала автора да так и оторопела, увидав на нем гимназический мундир. Верно, у этого юного Самсона впереди много подвигов. А для подвигов нужно значительное поле деятельности. Поддержка нужна, возможность писать музыку, издавать, исполнять ее. Тут нашему молодняку сильно повезло. У них сразу с первых шагов есть покровитель. Явился на музыкальном горизонте человек богатый, образованный, умный и щедрый — Митрофан Петрович Беляев.

Страстно увлечен русской музыкой. Кажется, все сделает, чтобы она только звучала, звучала и звучала.

ОТ АВТОРА

Митрофан Петрович Беляев опекает молодежь, с величайшим почтением и любовью относится к старшим «балакиревцам». Он организует концерты, в которых звучат их новые сочинения. Атмосфера и публика здесь напоминают времена расцвета Бесплатной школы. В зале тот же энтузиазм, восторженный прием, вызовы авторов и... довольно много пустых кресел. Беляеву еще предстоит выполнить роль «завоевателя публики». Но дело поставлено с размахом. В Лейпциге Митрофан Петрович организовал издательскую фирму и первым делом нагрянул к Бородину и Римскому-Корсакову: фирма готова выпустить в свет партитуры и клавиры их сочинений. В том же Лейпциге 4 мая 1883 года назначена к исполнению Первая симфония Бородина. Немного позже она прозвучит и в Бельгии. По просьбе Листа Александр Порфирьевич отправляет ему партитуру и оркестровые голоса симфонической картины «В Средней Азии». Надо заметить, что Лист с первого знакомства очарован этой пьесой. Они с Бородиным шутили называют ее между собой «Верблюды». Автор спрашивает разрешения посвятить «Верблюдов» маэстро. Конечно, следует восторженное и растроганное согласие. По инициативе Листа симфоническая картина «В Средней Азии» впервые исполнена в Германии, в Йене, 10 декабря 1883 года. И вскоре Бородин получает афишу, на которой рукой маэстро начертаны слова приветствия и поздравления.

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА

Как ни сержусь на Сашуру за какие-нибудь мелочи, а все выходит, что в радикальных вопросах он всегда прав. И мою вечную дрожь да суету никому другому не удастся так унять. Кажется, уж как я взялась его воспитывать в молодые наши годы... ан глядь, давно сама от него выговоры получаю. И всегда поделом. Надо иметь его золотое сердце, чтобы из укора или наставления всегда выходило одно утешение. Вот и в нынешнее безалаберное лето в Питере сумел, душенька, как-то меня утешить, и от болезней отвлечь, и на прогулки возить. Правду надо сказать, много хлопчет и заботится о нас Анка. Сколько лет прошло, как Саша все сумел сделать: ее «в дочки» повернуть, а мое горячее воображение укротить. И такой она верный нашему дому человек, просто на редкость. Иногда судьба разводит надолго, потом опять сходимся. То в Москве, то в Петербурге, то где-нибудь на даче. Всегда, всегда хлопчет о нас. А не сказать, чтобы стала счастливее. Сынок у нее слабенький, средств особенных нет, с именем сложности, да и сама здоровья не крепкого. Обещает вышить для Саши две подушки турецким шитьем. Потому что теперь у Сашуры совершенно детское упоение «мечтой». Даже по ночам от восторга просыпается. А мечта его — сделать себе «восточный кабинет». При том без особых расходов. Если все получится, будет красота удивительная. Носится по базарам, разыскивает старые ковры и ткани, мастерит подушки и валики. Уверяет, что теперь в Париже большая мода на все линялое, так что старые ковры и есть самый шик. Словом, развлечения хватит на всю

зиму. Хорошо, хоть немного отвлекся от тревог и волнений.

Приехал голубчик Корсаков. Приехал и учинил целое представление. Сложился в три погребели, встал на колени, бьет поклоны, причитает. Изображает, как он рыдает и молится об окончании «Игоря». Александр совсем сконфузился. Ну потом, конечно, посмеялись. Однако Сашура стал чаще раскрывать свою папочку. Ту, на которой написано «Либретто «Игоря» и музыкальные дела». Снова думает-передумывает некоторые места. Наташил книжек от Стасова. Вижу, что и музыкальными идеями увлечен. Вечер поработал, другой, третий. А на четвертый опять до ночи занимался деловыми бумагами. «Потону я, — говорит, — когда-нибудь в Российском Чернильном море». Тем временем дело идет к расставанию. Осень петербургская подбирается.

К ЕКАТЕРИНЕ СЕРГЕЕВНЕ БОРОДИНОЙ

13 ноября 1883 года.

«...У нас за столом к чаю является теперь новый член семьи — миниатюрный мужчина, Борька, преважно восседающий на своем высоком кресле и выгружающий весь запас своих знаний — запас, который с каждым днем видимо растет. Борьку водят теперь уже за одну ручку; впрочем, он ходит пешком и совсем один. Меня зовет теперь папой, а не трруа-папой...

«Игорь» мой подвигается, хотя и медленно. Пишу большей частью по утрам, так как встаю рано. Несмотря на удобство спанья в кабинете — я сплю безобразно мало. Что это такое: старость, что ли; или — как

объясняет Павлыч в шутку — ковры мне не дают покоя?..»

ОТ АВТОРА

Помните шутливую надпись на том портрете, что подарен Людмиле Ивановне Шестаковой? Грустная, однако, шутка. «Князь Игорь» и впрямь выходит «неоканчиваемой» оперой. Кажется, еще чуть-чуть, совсем немного усилий — и сойдутся в одно целое отдельные блистательные номера. Завершатся и поиски лучших вариантов текста. То и дело среди деловых бумаг, на черновиках писем появляются все новые и новые наброски. Но в этот момент сваливается очередная гора дел, неотложных хлопот, беготни. Словом, все как всегда. Много лет стоит на письменном столе Бородина игрушечная черепашка, подарок Наденьки Пургольд. Подарено не без умысла — всеми способами друзья хотят подтолкнуть «черепашки темпы», коими движется работа над «Игорем». Готовы инструментовать, расписывать партии, запоминать. Саша Глазунов на память может проиграть любой отрывок, в том числе и увертюру. Увертюру Александр Порфирьевич играл в кружке не один раз, а вот записать все не удосуживается.

Между тем из Бельгии в адрес Бородина стали приходиться письма от поклонников «новой русской музыки». Многие его сочинения, как явствовало из писем, исполняются в Европе с громадным успехом. Восторженная почитательница «русских богатырей» Луиза Де-Мер-си Аржанто мечтает получить от Бородина еще неизвестные ей произведения. Завязывается переписка. В Бельгию отправлены романсы, отрывки из

оперы. Специально для «Контессы» (графини) обещана новая фортепьянная пьеса. Экспансивная корреспондентка восклицает: «Какие необыкновенные существа вы там все, в ваших льдах!» Александр Порфирьевич отвечает с присущим ему добродушием, тактом и юмором; отвечает, конечно, на французском языке. А своей «Сергевне» сообщает...

К ЕКАТЕРИНЕ СЕРГЕЕВНЕ БОРОДИНОЙ

23 сентября 1884 года.

«...Графиня, шельма, сама перевела на французский язык все присланные номера из «Игоря», и перевела превосходно (помимо некоторых частностей); переводы Кончака и Владимира Галицкого отлично передают весь характер их и смысл русского текста. Оказывается, что «Контесса» в самом деле замечательная женщина: превосходная пианистка, великолепно образована, говорит на многих языках свободно, пишет картины, ездит верхом, правит лошадьми, стреляет, сама ведет все свои хозяйственные дела, читает бездну, играла в Париже видную роль при дворе и, по карточке судя, очень красивая женщина; вдобавок ко всему очень богата...»

БОРОДИН

Не понимаю, что со мной происходит? Я в Веймаре. Я увижу Листа. «Ну и что, что за радость?» — вопрошает во мне кто-то унылый и скучный. Откуда такое безразличие? Что ж, что я отпустил седую бороду? Разве

теперь надо и душой состариться? Разве и душа моя поседела? Нет, не верю. Тут что-то не так...

Достаточно было одного мгновения, одного бурного и одушевленного возгласа Листа, чтобы я ожил. И все пошло, точно в первый мой приезд. Дивные дни и вечера. Маэстро окружен молодежью. Он со своей огромной седой гривой, словно лев среди котят. Целый день в доме толчея, народ, музыка, телеграммы, газетчики, посыльные, пианисты, композиторы, певцы. А он тут же и работает, и слушает, и болтает без умолку, и топчется, и разбирает бесконечные приглашения, и принимает ораву учеников. Словом, моложе всех на свете. Новые мои пьесы играны и ужасно ему понравились. Я окончательно воскрес душой. Прошла усталость, прошло уныние, исчез этот мерзкий голосишко. Возрадуемся!

Ну, Александр Порфирьевич, признавайся, не ожидал ты, что когда-нибудь дойдешь до жизни такой, а? Бедного пасынка гармонии да вдруг поместили, можно сказать, в обитель этой самой гармонии. И катаюсь я тут, как круглый голландский сыр в пышном бельгийском масле. Замок Аржанто — натурально из сказки. Парк — роскошь. Скалы, водопады, руины и прочие красоты. Апартаменты мои во втором этаже. Окна в сад. Чистота всюду нестерпимая. «Контесса» и граф предупреждают всякое мое желание. А обеды каждый день торжественные. По той причине, что в замке пребывает почетный гость господин Бородин, «громадный» русский композитор (уж не по размерам ли это моего тучного тела?). «Контессе» я посвятил фортепьянную сюиту, целых семь пьес. Это идет здесь нарасхват. Ноты,

конечно, еще не изданы. Так многие барыни уже подбирают пьески по слуху.

Ну, совсем, совсем меня тут замотали. Кажется, Бельгия обскакала по гостеприимству нашу хлебосольную матушку-Москву. Льеж, Брюссель, Антверпен, снова Льеж, Аржанто... Запутался, закружился. Обеды, завтраки, приемы, «музыкальные угощения». Вот уж что преподносят в огромном количестве, так это русскую музыку собственного моего сочинения. И даже очень хорошо исполняют. Не ожидал. Обе симфонии слышал. И «Верблюдов». И романсы многие. На Антверпенской выставке успехи мои достигли апогея. Подумать только, публика едет из всех городов и даже из Франции. Словно я тут главная достопримечательность. Овации и толпы поклонников нарастают от концерта к концерту. Я вынужден то и дело обращаться со сцены к публике, к дирижерам, к оркестру. Так наловчился говорить по-французски прочувствованные речи, будто век этим занимался. Вот вам и «северный медведь», вот вам и «пожиратель сальных свечек»! Сердце мое бьется теперь молодо и ликует. Отчего? Оттого, что в Европе трудно победить предрассудки против русских. Особенно против нашего искусства. А тебе, голубчик Бородин, привалило невесть откудова такое счастье: сделался одним из «провозвестников». Обласкан, всеми понят. Успех в самом деле для меня неожиданный и громадный. Временами сам себе кажусь каким-то Иванушкой-дурачком, на которого свалилось и то, и се, и пятое, и десятое, и еще полцарства в придачу.

ОТ АВТОРА

В этот счастливый период Бородин частенько вспоминает разные сказки о «дурачках и добрых феях», о неожиданных дарах, исполненных желаниях и «полцарствах». Шутки шутками, а дело обстоит куда как серьезно. Уже чуть ли не весь мир получил в свое владение композитор Бородин; уже и в Америке зазвучала его музыка. Из-за океана присланы хвалебные рецензии, биография на английском языке, где сказано: «Как музыкант г-н Бородин — один из наиболее выдающихся представителей новой «Русской школы...». «Контесса» пишет ему из Аржанто: «Ах, дорогой друг, не позволяйте засыпать в себе этому великолепному вдохновению, делающему Ваши вещи такими великими, даже если они — маленькие». А дома, в Петербурге, продолжается жизнь с теми же заботами, огорчениями, хлопотами. Снова — все как всегда.

«Новости и биржевая газета», 3 декабря 1885 года. «В воскресенье, 1-го декабря, состоялся в актовом зале Императорской Военно-медицинской академии бесплатный музыкальный вечер оркестра и хора студентов. Признаться сказать, с некоторым предубеждением шли мы на этот концерт. Нам казалось, что там, за Невою, на Выборгской стороне, свили себе гнездо такие науки, от которых изящные искусства должны обегать за версту... особенно же такое нежное искусство, как музыка!.. И каково же было наше удивление, когда оказалось вдруг, что искусства не только мирно уживаются в приюте человеческих скорбей, но, напротив того, как нельзя более процветают. Начать с того, что академический оркестр из любителей, профессоров и студентов академии (50 человек), под

управлением профессора Бородина, не более как в два года своего существования достиг таких успехов, что годился бы для какого угодно из наших театров. Г-н Бородин положительно талантливый капельмейстер и дирижер. Довольно сказать, что такие трудные и серьезные вещи, как увертюра из оперы «Руслан и Людмила» Глинки и свадебный марш из оперы «Сон в летнюю ночь» Мендельсона, были исполнены оркестром с редким согласием и безукоризненностью... Вообще весь ансамбль концерта был так неожиданно и так замечательно хорош, что слушатели выразили участникам концерта единодушный общий восторг. Только и слышно было во всех концах зала: «Кто бы этого мог ожидать?»»

ДИАНИН

Деятельность Александра Порфирьевича теперь почти всецело отдана Академий. Курсы близки к окончательному закрытию. Прошлой осенью их буквально выкинули из Николаевского госпиталя. Никогда не смогу забыть этого ужасного выселения. Приказали ломать все лаборатории. Профессор кинулся спасать все, что только можно. Созданную своими руками химическую лабораторию своими же руками разбирал. И при этом плакал. Плакал, не стыдясь никого. Потому что все, видно, перегорело в душе. Гнев, обида, сознание бессмыслицы, силы для борьбы — все. Нынче оборудование заколочено в ящики, свалено где-то в академических подвалах. А у Александра Порфирьевича моего теперь бессонница, слабость, дрянные мысли «о вечности и бренности». Хоть он никогда ни на что не

жалуется, разве только пошутит мимоходом про «многая немощи».

К ЕКАТЕРИНЕ СЕРГЕЕВНЕ БОРОДИНОЙ

1 февраля 1886 года.

«...Все мечтаю о лете, о даче, о деревенской жизни, красной рубахе, купанье, приволье! Господи, какие скромные мечты, и то не всегда удается выполнить! А время все идет, идет на всех парах, вот уже тридцатый год дослуживаю, шутка ли!..

...А черт побери, хотелось бы пожить и на свободе, развязавшись совсем с казенною службою! Да трудное дело! Кормиться надобно; пенсии не хватит на всех и вся, а музыкой хлеба не добудешь. Вот будь я, например, живописец — другое дело! Маковского (Конст.) «Свадьба» имела в Антверпене успех и моя симфония тоже — даже последняя еще больший по существу, — но за картину дали 15 тысяч, а за симфонию — ничего! Вот она, музыка-то!..»

ДИАНИН

Так надеялся Бородин на лето, на отдых. Надеялся «Игоря» одолеть окончательно. Замаячила новая громада, Третья симфония. Да вот вышли одни мучения. Все лето мы с ним отхаживали Екатерину Сергеевну на подмосковной даче. Временами боялись в глаза друг другу поглядеть, до того дело было плохо. А едва ей полегчало, и он сам ожил. Стал к инструменту присаживаться, новые темы наигрывать. Оставили мы

нашу «матушку» на московской квартире с сестрой милосердия и при двух служанках. Уход будет отличный, да только никто не может тут сравниться с «самим». А он здесь, в Петербурге, ушел с головой в работу. Опять рвется между службой и музыкой. Служба не пускает, а музыка одолевает. Много еще надо повозиться с окончательной отделкой «Игоря». Издательства шлют корректуры симфоний. Заграничные друзья сообщают о триумфах. Академический оркестр ждет репетиций. Между тем чувствую, все больше и больше его воображением завладевает новая симфония. На днях работаю в лаборатории. Слышу, за стеной гремит фортепьяно. Что-то совершенно новое... и мерещится грандиозное звучание оркестра. Вдруг — дверь нараспашку. Отче мой на пороге. Весь — смятение.

— Ну, Сашенька, я знаю, что у меня есть недурные вещи, но это будет такой финалище, такой финалище...

Закрыв лицо руками и выбежал. Да только весь этот финалище в его голове так и остался, ведь не записал ни строчки! И когда запишет, никому не ведомо.

К ЕКАТЕРИНЕ СЕРГЕЕВНЕ БОРОДИНОЙ

18 декабря 1886 года.

«...Рвусь в Москву ужасно, но когда попаду — не знаю!.. Приеду к тебе в штатском костюме; подумай, для военного мне надо тащить с собою: эполеты, шашку, шпагу, сюртучную пару, мундир, ордена (ибо надо иметь в виду праздники и Новый год!). Это целый багаж!.. Пишу тебе на лету, ибо утопаю в кипах исписанной бумаги разных комиссий, тону в чернилах, которые обильно

извожу на всякие отчеты, отношения, донесения, рапорты, мнения, заключения — ничего путного не заключающие. Господи! Когда же конец этому будет...»

ОТ АВТОРА

На рождественские каникулы — в Москву. Состояние Екатерины Сергеевны не внушает тревоги. Как в прежние лучшие времена, много переговорено между ними на музыкальные темы. Бородин играет, обсуждает со своей голубкой, Зозо, Точкой новые замыслы. Промелькнули дни. Он уехал. На пюпитре фортепьяно остался забытый нотный листок: наброски будущей симфонии, которая так требовательно рвется к жизни.

В Петербург вернулся в хорошем расположении духа. Настроение вдруг сделалось настолько «весенним», что он решил при случае устроить настоящий домашний бал. Случай выдался скоро, во время Масленицы. Все воспитанницы Бородиных уже давно стали взрослыми, но по-прежнему называются «наши девчонки». По-прежнему Александр Порфирьевич рад всякой возможности побаловать их.

БОРОДИН

Так. Все идет отлично. Павлыч у меня нынче «танцор в хлопотах». Будет распорядителем. Мечется как угорелый, устраивая танцевальную часть вечеринки. Положительный умник — нанял тапершу. Сие означает, что никому из гостей и хозяев не придется разыгрывать на фортепьянах плясы. Великолепно! Я наблюдаю за преображением соседней аудитории в бальную залу. Озорство во мне какое-то прежнее закипает. Отношу это

к области «веяния весны» в петербургском воздухе. Как там говорится в «Богеме» насчет роскошного бала? «Будет сожжено множество свечей». Да! У меня задумано несколько таких сюрпризов, каких никто еще не видел и не увидит больше. Ах, профессор, ах, «дедушка, дедушка, седая бородушка», расхвастался, словно мальчишка! Заразился, что ли, младенческим духом от Боба-Борьки? Ничего, подрастет еще чуть-чуть, вместе на балах озорничать станем. Трогательный мой мальчонка, ласковый...

Вот и 15 февраля. Вот и гуляет у нас широкая Масленица. Удивительно все хорошо сегодня. Народу немного, только свои, близкие. Оттого какой-то особенно добрый дух семейственного веселья. Гляди-ка, Павлыч носится как заправский бальный распорядитель.

— Вальс, вальс, вальс, господа!

И вся наша костюмированная компания закружилась по зале. Вальс, вальс, вальс...

Нахожу взглядом Машеньку Доброславину в ее русском костюме. Прекрасная будем пара! На мне — темно-красная косоворотка, шаровары, сапоги.

Вальс, вальс, вальс... Подплываю к Маше:

— Кума, разрешите ангажировать русскую красавицу?

А она смеется:

— Не могу отказать прелюбезнейшему Куму. Однако для вальса-то лучше фрак. Ничто так не украшает мужчину, как фрак. Идет всем одинаково и одинаково

изящен.

Я повернулся к ней, галантно изогнувшись и выжидая такта:

— Эх, Кума, ежели бы я знал, что Вы так любите фрак! Не снимал бы денно и ночью. Теперь непременно возлюблю фрак. Буду Вам всегда нравиться, буду только во фра...

— Вальс, вальс, вальс, господа!

МАРИЯ ДОБРОСЛАВИНА

«Я не успела вскрикнуть: «Что с Вами?» — как он упал во весь рост... Боже мой! Какой это был ужас! Какой крик вырвался у всех! Все бросились к нему, стали приводить его в чувство. Понемногу сошлись все врачи и профессора, жившие в Академии... Были испробованы все средства — ничто не помогло...

И вот он лежал перед нами, а мы все стояли кругом в наших шутовских костюмах и боялись сказать друг другу > что все кончено».

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

«Рано утром, в необычный час, 16 февраля 1887 года, я был удивлен приходом ко мне Стасова. Владимир Васильевич был сам не свой...

Не стану говорить, как меня и всех близких Бородину поразила эта неожиданная смерть. Немедленно возникла мысль: что делать с неоконченной оперой «Князь Игорь» и прочими неизданными и неоконченными сочинениями?.. Я забрал к себе все его музыкальные рукописи... вместе с Глазуновым разобрал... мы порешили докончить, наинструментировать, привести в порядок все,

оставшееся после Александра Порфирьевича, и приготовить все к изданию, приступить к которому решил М. П. Беляев. На первом же месте был неоконченный «Князь Игорь»...»

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. П. БОРОДИНА

1833, 31 октября — в Петербурге в доме № 9 по Гагаринской улице родился Александр Порфирьевич Бородин.

1833–1850 — Домашнее воспитание. Пройден полный гимназический курс. Увлечение химией. Организация домашней лаборатории: Бородин овладел игрой на фортепьяно, флейте, виолончели. Первые детские и юношеские сочинения: Полька «Helene», фуги, вариации, концерт для флейты и фортепьяно, трио на темы оперы Мейербера «Роберт-Дьявол».

1850 — Бородин принят в число вольнослушателей Императорской Медико-хирургической академии. Много музицирует, посещает квартетные вечера, музыкальные собрания.

Написаны: трио на тему русской народной песни «Чем тебя я огорчила», Скерцо для фортепьяно, романс «Красавица-рыбачка» на стихи Гейне.

1855 — Бородин получает диплом лекаря с отличием и назначается ординатором Второго военно-сухопутного госпиталя. Защита диссертации и получение звания доктора медицины. Первая встреча с М. П. Мусоргским.

1859 — Императорская Медико-хирургическая академия посылает Бородина за границу «для усовершенствования в химии»: отъезд в Гейдельберг.

1860 — Участие в работе Первого Международного съезда химиков в Карлсруэ. Участие в гейдельбергских музыкальных кружках.

1861 — Бородин принимает участие в работе съезда немецких врачей и натуралистов в Шпейере. Встреча с Е. С. Протопоповой. Серьезные занятия композицией.

1862, 20 сентября — Бородин возвращается в Россию.

1862, осень — Назначение адъюнкт-профессором Императорской

Медико-хирургической академии. Знакомство с М. А. Балакиревым.

Начало работы над Первой симфонией.

1863 — Женитьба на Е. С. Протопоповой.

1864 — В Бюллетене Академии наук напечатана работа Бородина «О действии натрия на валериановый альдегид».

1866, конец — 1877, начало — Закончена Первая симфония.

1867 — Первый съезд русских естествоиспытателей в Петербурге.

Доклад Бородина.

Написан романс «Спящая княжна» на собственные стихи.

1868 — Романсы: «Морская царица», «Песня темного леса», «Фальшивая нота» (на стихи Бородин), «Отравой полны твои песни (на стихи Гейне).

1869, 4 января — Под управлением Балакирева в Русском музыкальном обществе исполнена Первая симфония Бородин.

1869 — Сообщение Бородин на Втором съезде русских естествоиспытателей в Москве о своих новых работах.

Начало работы над оперой «Князь Игорь». Наброски Второй симфонии.

1870–1871 — Вместе с профессором Хлебниковым Бородин редактирует научно-популярный журнал «Знание».

На собственные стихи написан романс «Море». Оставлена работа над оперой «Князь Игорь».

1872, 4 мая — Сообщение Бородин на заседании Русского химического общества. Открытие Высших Женских курсов при Императорской Медико-хирургической академии; Бородин ведет курс химии.

1873 — Участие в Четвертом съезде русских естествоиспытателей и врачей в Казани.

1874 — Начало работы над Первым квартетом. Возобновление работы над оперой «Князь Игорь».

1876 — Знакомство с Ф. Листом.

1877, 26 февраля — Исполнение Второй симфонии Бородин в концерте Русского музыкального общества под управлением Направника.

1877, 19 марта — Бородин избран академиком Императорской Медико-хирургической академии.

1879–1880 — Сообщения Бородина в Русском физико-химическом обществе о работах, выполненных в его лаборатории. Закончен Первый квартет. Написана музыкальная картина «В Средней Азии».

1881–1882 — Вторая встреча с Ф. Листом. Создание романса на стихи Пушкина «Для берегов отчизны дальней», на собственные стихи — романса «Арабская мелодия». Написан Второй квартет.

1882 — Прекращен прием на Высшие Женские курсы.

1885 — Третья встреча с Ф. Листом. Огромный успех музыкальных сочинений Бородина за границей. Создание «Маленькой сюиты» для фортепьяно, «Серенады четырех кавалеров одной даме» (стихи Бородина).

1886 — Начало работы над Третьей симфонией.

1887, 15 февраля — Утром этого дня Бородин сочиняет финал Третьей симфонии, но не записывает его. 1887, 15 февраля, 23 часа 40 минут — Скоропостижная кончина А. П. Бородина.